



Национальные приоритеты России

Научный журнал

2010. № 1 (3)

► Выходит два раза в год ► ISBN 978-5-91306-031-0

Учредители

Омское отделение Петровской академии наук и искусств

Омский государственный университет путей сообщения

ООО «Издательский центр «Омский научный вестник»

Редакционный совет

д-р техн. н.	В. Д. Авилов (гл. редактор)
канд. экон. н.	В. В. Алещенко (отв. секретарь)
д-р пед. н.	К. Ж. Амиргазин
д-р психол. н.	Л. Н. Антилогова
д-р техн. н.	Ю. А. Бурьян
канд. ист. н.	Г.И. Евсеева (зам. гл. редактора)
д-р экон. н.	В. В. Карпов
д-р хим. н.	И. А. Кировская
канд. мед. н.	Г. В. Кривчик
д-р соц. н.	Л. Н. Кудринская
канд. физ.-мат. н.	В. В. Лизунов
д-р ист. н., д-р филос. н.	Л. М. Марцева (зам. гл. редактора)
д-р пед. н.	Н. А. Хрусталькова

Содержание

Социогуманитарные проблемы	3	Проблемы экономики	92
<i>Заленская Н.С.</i> Становление и развитие теории аргументации	3	<i>Любичкая Т.В., Шостак А.В.</i> Изменения бюджетной политики Российской Федерации	92
<i>Порхунов Г. А.</i> Американская война за независимость. 1775 – 1783 гг.	9	<i>Хорошавина Т.А.</i> Роль и место Омской ТПП в инфраструктуре поддержки предпринимательства Омской области	97
<i>Лизунов В.В.</i> Проблема нравственности и социального партнерства в современной России	17	<i>Каракулова Л. Г.</i> Роль Красноярского краевого библиотечного техникума в системе подготовки специалистов в области культуры	100
<i>Марцева Л.М.</i> Образование и его системообразующее ядро	31	Техника и инновации	104
<i>Евсеева Г.И.</i> К вопросу об основаниях для реформы российского образования	39	<i>Сидоров О.А.</i> Тенденции развития устройств тока-съемы отечественных и зарубежных метрополитено-в	104
<i>Чижма В. С.</i> Фактор СМИ (масс-медиа) в самоор-ганизации культуры	45	<i>Бурьян Ю.А., Сорокин В.Н.</i> Воспроизведение много-частотного сигнала сейсмоисточником с силовым замыканием в системе «инерционная масса – грунт»	113
<i>Шорец Т.Ю.</i> Сибирское вузовское книгоиздание в формационном контексте	49	Информация	119
Нравственное и физическое здоровье нации	51	Как опубликовать статью в журнале	119
<i>Коптева Н.В.</i> Уровни онтологической уверенно-сти в связи с психологическим здоровьем (на основании концепции Р. Лэйнга)	51	Новые книги	120
<i>Мосиенко Л.И.</i> Закат героического как социокуль-турная и экзистенциальная проблема	60	Рефераты	121
<i>Хадькин А.М.</i> Энтропия культуры и морали	77	Реклама	128



**Критерии репрезентативности
научных материалов**

- Научная новизна поставленной проблемы и новаторство в подходе к изучаемой теме.
- Научная добросовестность в реферировании существующих научных концепций.
- Указание на применяемые методики исследования.
- Фактологическая и историческая точность.
- Точность цитат.
- Хороший стиль изложения.
- Четкая структура материала и внутренняя соподчиненность заголовков.

Журнал не входит в Перечень ведущих научных изданий, утвержденный Высшей аттестационной комиссией.

Редколлегия

канд. ист. н. Г. И. Евсеева
(директор проекта)

Н. М. Машина
(редактор)

М. Е. Герасимова
(технический редактор,
компьютерная верстка)

Т. М. Соболева,
(дизайнер)

Электронный адрес редакции:
E-mail: evga-18@mail.ru
Тел.: 8-905-921-98-22.

© ООО «ИЦ «Омский научный
вестник», 2010

Подписано к печати 28.05.2009. Формат
60х84/8. Бумага офисная. Гарнитура Arial.
Печать оперативная. Усл.-печ. л. 16.
Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 300. Заказ 44.

Отпечатано в ООО «Типография
«Золотой тираж»», г. Омск,
ул. Орджоникидзе, 34
Тел. (3812) 24-05-97

Contents

Social-humanitarian problems 3

<i>Zalenskaya N. S.</i> Becoming and development of the theory of argumentation	3
<i>Porkhunov G. A.</i> American War of Independence. 1775–1783.	9
<i>Lizunov V. V.</i> The problem of morals and social partnership in modern Russia	17
<i>Martseva L. M.</i> Education and its conceptional core	31
<i>Evseeva G. I.</i> To the point of the basis for the reform in Russian education	39
<i>Chizhma V. S.</i> Mass media factor at the self-organization of the culture	45
<i>Shorets T. Yu.</i> Siberian university book publishing in the context of formational approach	49
..	

Moral and physical health of nation 51

<i>Kopteva N. V.</i> Levels of ontological security in relation with psychological health (based on the conception by R. Laing)	51
<i>Mosienko L. I.</i> Decline of the heroic as a sociocultural and existential problem	60
<i>Chadykin A. M.</i> Entropy of culture and moral	77

Problems of economics 92

<i>Lubitskaya T. V., Shostak A. V.</i> Changes of the budgetary policy of Russian Federation	92
<i>Khoroshavina T. A.</i> Role and place of Omsk CCI in the infrastructure of business support in Omsk Region	97
<i>Karaculova L.G.</i> Role of Krasnoyarsk regional librarian technical college in the preparation system of specialists in the field of culture	100

Technologies and innovations 104

<i>Sidorov O. A.</i> Trends of the capture current devices development on the Russian and foreign metro	104
<i>Burian U. A., Sorokin V. N.</i> Reproduction of the multifrequency signal seismosource with power short circuit in the system "inertial weight – ground"	113
Information	119
Abstracts	121

Социогуманитарные проблемы

УДК 164.031 (091)

Н.С. Заленская

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ

Ключевые слова: теория аргументации, древнегреческие философы, античная риторика, диалектика, этика, теория игр.

Первая стадия становления теории аргументации исторически связана с именем древнегреческого философа Парменида и его учением о бытии (VI в. до н. э.). Вторая относится к V в. до н.э. и связана с деятельностью софистов, которые первыми систематизировали приемы построения строго аргументированных речей в судебных заседаниях. Третья стадия становления теории аргументации, начавшись в IV в. до н. э. с фундаментальных исследований основателя формальной логики Аристотеля, продлилась вплоть до времен XX века и закончилась формированием и обособлением теории аргументации в самостоятельную научную междисциплинарную область.

Традиционно принято считать родоначальниками теории аргументации софистов [4, с. 6; 9, с. 164], однако возникновение исходных предпосылок теории аргументации можно отнести к VI в. до н.э., а именно к учению Парменида о бытии. Древнегреческий философ первым провел классификацию всех известных мнений о соотношении бытия и небытия и свел их к трем логически возможным:

- только бытие есть, небытия нет (собственная точка зрения Парменида);
- не только бытие, но и небытие существуют;
- бытие и небытие тождественны и нетождественны.

Парменид не только предлагал своё мнение, но и подтверждал его соответственными рассуждениями. Согласно его аргументации, «небытие невозможно ни познать (ведь оно непостижимо), ни высказать», «то, что не есть, невыразимо, немыслимо», «ведь мышление и бытие одно и то же», «одно и то же есть мысль и то, о чем она мыслит» [Цит. по: 6, с. 4].

Вторая стадия становления теории аргументации (возникновение явления как такового) связана с деятельностью софистов, учителей политического красноречия. Буквально «софист» - это «глот, чьей профессией является мудрость».

Основателем софистики принято считать греческого мыслителя Протагора (V в. до н.э.). Как известно, труды Протагора не сохранились, однако мы можем

реконструировать его философские взгляды по высказываниям о нем Диогена Лаэртского, Секста Эмпирика, Платона, Аристотеля. В частности, Протагору принадлежат известные тезисы – «человек есть мера всем вещам – существованию существующих и несуществованию несуществующих», «истина – относительна (например, болезнь – зло для больного, а для врача – благо)». В сочинении Протагора «Об основах опровержения» высказано предположение, что о каждом предмете можно высказать два взаимоисключающих суждения, причем одинаково истинных.

Зенон Элейский доказывал, что многого не существует с целью подтвердить учение Парменида о существовании одного только единого бытия. Аргументы Зенона Элейского были следующие: ничто из существующего не является одним (поскольку делимо и т. д.), следовательно, не существует и ничего многого, поскольку многое состоит из каких-то единиц, из отдельных «одних». То есть фактически Зенон утверждает нечто противоречащее его изначальной цели доказательства (что существует только одно). Тот факт, что Зенон разбирает одну проблему, исходя из противоположных посылок, то, что он может по мере движения философского рассуждения принимать противоположные положения в качестве истинных, побудил Аристотеля назвать Зенона изобретателем диалектики.

Многие софисты были непосредственными учениками Зенона. Они довели до совершенства и виртуозности умение находить аргументы в защиту полностью противоположных мнений. Отчасти это было вызвано тем, что многие из них были сочинителями речей (логографами). Ситуация же судебной речи бывает такова, что требуется при доказанности самого факта совершения преступления и при недвусмысленных указаниях закона найти доводы как в защиту обвиняемого, так и направленные против него. Софистами была сделана первая попытка систематизировать приемы философской аргументации; до нас дошел анонимный софистический учебник – сборник аргументов, известный под названием «Двоякие речи». Несомненно, софисты первыми начали разрабатывать теорию доказательства и опровержения. Логические исследования софистов почти совершенно утеряны. Те немногие сведения, которыми мы располагаем, позволяют сделать вывод о разработке софистами метода противоречия, что предположительно можно связать с их адвокатской деятельностью.

Необходимость создания своего рода систематической методологии искусства аргументации была порождена концептуальным кризисом в основаниях философской аргументации. И такая методология была создана. Опираясь на практику софистических споров, к поискам этих оснований приступил Сократ. Метод его, как известно, заключался в том, что его собеседник высказывал некую точку зрения и брался ее защищать; сам Сократ с помощью вопросов, «наводящих речей», очень искусно построенной аргументации опровергал защищаемый тезис. Впрочем, он не выдвинул никаких общих правил рассуждения, формулирования вопросов и т. д.; опровержение каждый раз велось *ad hoc*. Если софисты учили, что есть только мнения, устанавливающиеся у каждого человека с генетической необходимостью, то Сократ искал знание, имеющее равное значение для всех. Для всех времен останется замечательным фактом отвращение Сократа к релятивизму софистов.

Творцы античной риторики, и прежде всего Аристотель, выступили против софистической риторики, поскольку вся аргументативная деятельность софистов была ориентирована скорее на веру без знания, убеждение без рационального обоснования, преследуя цель не поиска истины, а победы в споре любой ценой. В своей «Риторике» Аристотель говорит, что «каждая наука может поучать и убеждать относительно того, что относится к ее области» [2, с. 19]. Подлинное же искусство убеждения или риторики, по его мнению, заключается в нахождении тех общих принципов и методов, которые, с одной стороны, применимы во всех науках, а с другой – воздействуют скорее на разум, чем чувства и эмоции человека. Аристотель положил

начало систематическим исследованиям, касающимся проблем риторики, чему посвящены такие его работы, как «Риторика», «О софистических опровержениях», «То-пики».

Риторика Аристотеля была на деле логикой доказательства и техникой ораторского выступления. Риторическое искусство, в его представлении, было основано на энтимемах – самых совершенных и важных способах убеждения. Тесная связь существовала между риторикой и логикой, эстетикой, философией и мировоззрением того времени. Именно это обстоятельство обусловило системный характер античной риторики по сравнению с риторикой романтической и неоромантической, и ее место в метафизическом мировоззрении [4, с. 18].

У софистов риторика получила формализованное определение как умение убеждать (умствовать и говорить). Софисты первыми оценили силу слова и его убеждающий потенциал [1. – С. 111], этот фактор определил риторику софизма как науку убеждения. Позднее из единой науки выросли два направления: риторика (умение говорить) и схоластика (умение формализованно мыслить с применением техники мышления) как воплощение рационализма дедуктивно-метафизического смысла [1, с. 180].

Главной и постоянной спутницей риторики всегда была логика. Центральное положение в логике Аристотель отводил силлогизму, представляющему собой разновидность рассуждения (или умозаключения). Не будет преувеличением сказать, что определение понятия рассуждения как выведения следствий из принимаемых допущений является его достижением. Это понятие рассуждения рассматривается Аристотелем в «Первой аналитике», которая написана им позже, чем «Вторая аналитика», а также «То-пики», и в «О софистических опровержениях». «Вторая аналитика» касается рассуждений в доказательствах, «То-пики» – рассуждений в дискуссиях (или диалогах), а «О софистических опровержениях» – рассуждений в спорах [3].

В «Первой аналитике» Аристотель рассматривает чистые формы рассуждений, во «Второй аналитике», «То-пике» и «О софистических опровержениях» – контексты, в которых они используются. Этими контекстами являются доказательство, дискуссия и спор. Для доказательства характерно то, что используемые в нем допущения должны быть истинными. В отличие от доказательства дискуссия и спор предполагают использование не истинных, а правдоподобных допущений. Что касается различия между ними, то его следует искать в их целях. Если целью дискуссии является достижение единогласия по обсуждаемому вопросу, то целью спора – достижение победы над противной стороной.

В «Риторике» Аристотелем было рассмотрено несколько десятков схем аргументации. Проблемы красноречия в аристотелевском риторическом наследии занимали важное место. Вместе с тем гораздо более значимой в нем была тема убеждения и аргументации. Для самого Аристотеля риторика в первую очередь была наукой об убеждении, а уже после – искусством говорить красиво. Аристотель различал два вида убеждения: вербальное, связанное с использованием разума, и невербальное, базирующееся на физическом насилии. Факторами вербального убеждения он называл этос, патос и логос риторического процесса. Разновидностями невербального убеждения для Аристотеля были подкупы, пытки и т. п. Сравнивая между собой вербальное и невербальное убеждение, Аристотель явно отдавал предпочтение первому, а именно искусству аргументации, которое он назвал «пистис».

Учение Аристотеля об искусстве аргументации включало в себя теорию оратора и аудитории, концепции исходных посылок аргументации, индукции, силлогизма, общих и частных топосов убеждения, способов соединения и разъединения аргументов. Третья стадия становления теории аргументации, начавшись в IV в. до н.э., продлилась вплоть до исследований времен XX века и закончилась формированием и обособлением теории аргументации в самостоятельную научную область

междисциплинарных исследований, в настоящее время испытывающую стадию бурного развития. Вернемся в глубь веков.

Предположительно в начале нашей эры в Древней Индии появился трактат Гаутамы о споре «Ньяя-сутра», где автор рассмотрел правила ведения дискуссии и построения умозаключений. В работе древнеиндийского мыслителя особое внимание уделяется доказательству, а также ложным основаниям и преднамеренным не-правильностям в псевдодоказательствах.

Средневековая философия усовершенствовала технику аргументации в рамках патристики, теологической схоластики, апологетики, борьбы номинализма и реализма. В VI в. прославился своими логическими изысканиями армянский философ Давид Анахт («Определения философии»). Схоластический метод был развит средневековым философом, теологом и поэтом Пьером Абеляром. Основанием своего метода Абельяр считал принцип сомнения. Сомнение разрешается посредством логического анализа – диалектики. В средние века появился принцип Оккама («бритва Оккама»), который провозглашал: «сущности не следует умножать без надобности» [5, с. 12-13].

Схоластика, будучи по своей сути теологизированной философией, включала в себя элементы конкретно-научных знаний («свободные искусства»), и в эпоху средневековья она была исторически необходимой формой усвоения и трансляции античной мысли. Но уже в эпоху Возрождения в Италии, а затем и в других европейских странах становилась все более ощутимой неприемлемость схоластической учености. Схоластизированная аристотелевская силлогистика не могла удовлетворить потребности бурно развивающегося естествознания в XV-XII вв. Гуманисты, не удовлетворенные формализмом и застойностью схоластики, стали вкладывать в нее одиозный смысл, понимая ее как формально правильное рассуждение, содержательность которого обратно пропорциональна его внешнему блеску.

Гуманистические рассуждения были значительно богаче и разностороннее. Новым вкладом в теорию и практику аргументации стали трактаты представителей итальянского Возрождения Лоренцо Валла, Леонардо Бруни, Эразма Роттердамского, Николая Коперника, политические аргументы Никколо Макиавелли, нравственные доводы Пьетро Помпонаци. Мишель Монтень («Опыт») заложил основы гуманистического спора.

Особый смысл аргументация приобрела в философии Нового времени. Весомым вкладом в теорию аргументации было «Рассуждение о методе» Рене Декарта о принципах и правилах методического мышления. По мнению В. В. Соколова, наибольшее значение имеет та аргументация, которую Декарт развивает в первом и втором из «Размышлений о первой философии». В этом произведении Декарт великолепно демонстрирует приемы строгой и искусной аргументации, выдвигая принцип всеобъемлющего, радикального сомнения, согласно которому в человеческом сознании нет ни одного совершенно достоверного, свободного от каких-либо сомнений факта. Вопрос о преодолении этого сомнения совершенно определенно поставлен в IV части «Рассуждения о методе» [8, с. 31].

Последователи философии Р. Декарта Антуан Арно и Пьер Николь в 1662 г. выпустили книгу «Логика Пор-Рояля», где изложили «правила для ума» Декарта и его учение о достижении истины. Логика Арно и Николя была направлена против схоластической логики и заложила основы научного отношения к спорам, т. е. способам достижения истины.

В Новое время делаются попытки в разработке логической теории индуктивных рассуждений. Едва ли не первой крупной работой этого плана становится «Новый органон» Ф. Бэкона. Можно характеризовать Френсиса Бэкона не только как создателя метода индукции, но и как продолжателя традиций Аристотеля в разграничении области применения аргументации. В своем труде «О достоинстве и при-

умножении наук» Бэкон замечает: «...Аристотель весьма разумно ставит риторику вместе с политикой между диалектикой и этикой, поскольку она включает в себя элементы той и другой. Ведь доводы и доказательства диалектики являются общими для всех людей, тогда как доводы и средства убеждения, используемые в риторике, должны изменяться применительно к характеру аудитории (...) И эта приспособленность и вариация стиля речи (если иметь в виду желание достичь здесь высшего совершенства) должны быть развиты до такой степени, чтобы при необходимости говорить об одном и том же с различными людьми, для каждого умея находить свои особые слова» [7, с. 353].

Важным для современной теории аргументации является тот факт, что сам Бэкон, создавая индуктивные методы, подвергал критическому анализу выводы, сделанные индуктивно. Бэкон критиковал индукцию путем перечисления случаев, справедливо указывая, что она просто-напросто увеличивает число таких случаев, а не разбирает их по существу. Серьезный вклад в теорию индукции внес Дж. Ст. Милль.

Милль, систематизировавший и уточнивший методы Бэкона, особо подчеркивал, что подлинная, научная индукция должна не накапливать количество подтверждающих случаев, а отбирать их, обращая внимание не столько на сходство, сколько на различие между ними. Милль писал: «Ненаучные исследователи склонны слишком много полагаться на число случаев, не анализируя самих случаев, не приглядываясь к ним, их природе, чтобы обнаружить, какие обстоятельства выделяются случаями, или не выделяются... Эти люди не соображают, что если к прежним случаям прибавляются новые того же самого рода, т. е. отличающиеся лишь в обстоятельствах, признанных несущественными, то к достоверности заключения не прибавляется ничего» [Цит. по: 10, с. 317-318].

Дэвид Юм обозначил трудности в обосновании индуктивных выводов. Поставленная им проблема вошла в литературу под названием «проблемы оправдания индукции». Создатель математической логики философ-математик Лейбниц написал в числе других научных трудов «Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии», где автором были систематизированы логические способы доказательств.

Немецкая классическая философия в лице Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и Фейербаха превратила аргументацию из средства обоснования какого-либо вопроса в метод конструирования самой философской системы. Говоря о методе обработки и изложения научных положений, Иммануил Кант, в частности, выделял главные его виды: научный и популярный, систематический или фрагментарный, аналитический и синтетический, силлогистический, табличный, акроаматический или эроматический методы.

Автором двух знаменитых книг по эристике является Артур Шопенгауэр. В своей докторской диссертации «О четверояком корне достаточного основания» он развил идею Лейбница о том, что все возникает и исчезает на достаточном основании и выделил логическое достаточное основание. Вторую книгу А. Шопенгауэр назвал «Эристика, или искусство побеждать в спорах», где рассмотрел науку о споре как «духовное фехтование» и описал 38 уловок в споре с целью во что бы то ни стало остаться правым. Начиная с Шопенгауэра, появился заметный «крен» в рассмотрении аргументации как способа убедить аудиторию любыми средствами.

Русский логик С. И. Поварнин невысоко оценил «Эристику» Шопенгауэра, назвав ее «необработанным набором случайно попавшего под руку материала». Русский логик осуждал применение софизмов в споре, показав сущность мнимых доказательств.

XX век отмечен появлением и приобретением популярности таких философских течений, как аналитическая философия, критический рационализм,

постмодернизм. Представители аналитической философии (Готтлоб Фреге, Бертран Рассел, Джон Мур) представляли аргументацию как рациональный способ доказательства. Аналитическая философия выдвинула принцип верификации – установления истинности научного знания на основе опыта. В отличие от этого направления, критические рационалисты (К. Поппер, И. Лакатос, П. Фейерабенд) предложили метод фальсификации, который призван отделить научное знание от ненаучного. В соответствии с этим методом любое научное утверждение (научная аргументация) может быть опровергнуто, а научно лишь то, что опровержимо. На этой основе и осуществляется рациональная критика науки.

Представляется вряд ли убедительным утверждение Карла Поппера, что научный метод сводится к непрерывной цепи проб и ошибок, а рост знания «от амебы до Эйнштейна происходит единообразным путем проб и ошибок».

В науке каждый новый шаг в исследовании опирается на предыдущие, и поэтому все знания, хорошо проверенные и надежно подтвержденные опытом и практикой, не отбрасываются, а входят составной частью в более обширные системы нового знания.

В науке и философии распространенной формой изображения спора всегда являлся диалог. С расширением международных связей возрастала роль различного рода дискуссий, полемик, споров. В России были изданы книги В. Ф. Асмуса «Учение логики о доказательстве и опровержении», Л. Г. Павловой «Спор, дискуссия, полемика», труды А. П. Алексеева, В. Ф. Беркова, Г. А. Брутяна, В. Н. Василькова, А. А. Ивина, Ю. В. Ивлева, В. И. Кириллова и А. А. Старченко, В. Б. Родоса, А. Н. Соколова, А. А. Эйсмана и других. В 90-х годах XX века появились учебные пособия «Эристика, или искусство спора» и «Эристика» Н. В. Блажевича и Ф. А. Селиванова, «Методика публичного выступления» С. М. Халина. В каждом из этих исследований рассматривались вопросы аргументации [5, с. 15].

В современных научных кругах на различного рода конференциях обсуждаются общетеоретические проблемы аргументации совместно с прикладными. Сборник 2005 г. «Теория и практика аргументации» содержит исследования, раскрывающие целостную природу аргументации и убеждения (Л. А. Котельникова, Г. И. Рузавин), изучение которой при научно-системном подходе должно включать, по мнению авторов, следующие аспекты и принципы: дедуктивную (или демонстративную) аргументацию, эвристическую (недемонстративную) аргументацию, интеррогативные стратегии диалога, разумное сочетание веры и вероятности, согласованность логических, психологических и нравственных методов убеждения.

В становлении теории аргументации как научной дисциплины решающими оказались две «волны» во второй половине XX столетия: 60-70-е гг., когда Х. Перельман, Ольбрехт-Титека, С. Тулмин поставили вопрос о сущности аргумента применительно к языковой аргументации, и исследования, последовавшие в 80-х гг., когда теория аргументации завоевала всеобщую популярность [4, с. 8].

В формировании понятийной структуры теории аргументации, выявлении принципов и правил дискуссии и полемики необходимо отметить работы Т. Котарбиньского, А. Н. Соколова, В. Б. Родоса. Начиная с работы Дж. фон Неймана и О. Моргерштерна «Теория игр и экономическое поведение» и последующих за ней исследований Р. Льюиса и Х. Райфа, аргументация изучается и логическими средствами, а сами аргументы выражаются в терминах оценок, решений, сравнений, предпочтений. Эти исследования представляют аргументацию с позиции теории игр [9, с. 166].

В настоящее время интерес к аргументации проявляют многие дисциплины: философия, этика, психология, юриспруденция, лингвистика, риторика, логика (формальная и практическая), а также такие научные направления, как речевая коммуникация, критическое мышление, анализ дискурса, прагматика и искусство

венный интеллект. Междисциплинарные научные исследования координирует Международное общество по изучению аргументации.

Библиографический список

1. Аверинцев, С. С. Античная риторика и судьбы античного рационализма / С. С. Аверинцев // Античная поэтика. – М., 1991. – С. 7-13.
2. Аристотель. Риторика / Аристотель. Пер. с древнегреч. О. Цыбенко. – М.: Лабиринт, 2000. – 221 с.
3. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4 / - Аристотель. - М.: Мысль, 1983.- 179 с.
4. Белова, А. Д. Лингвистические аспекты аргументации / А. Д. Белова. - Киев: Изд-во Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, 2003. – 304 с.
5. Блажевич, Н. В. Лекции по эристике / Н. В. Блажевич, Ф. А. Селиванов. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2002. – 192 с.
6. Бытие и небытие: сб. упражнений по философии: учебно-метод. пособие / Автор. коллектив: Ю. В. Ларин, Н. Ю. Первозкина, К. Г. Рожко, Ф. А. Селиванов / Каф. гуманитарных дисциплин ТГИИК. – Тюмень, 2003. – 61 с.
7. Бэкон, Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 1 / Ф. Бэкон. – М., 1971. – 545 с.
8. Декарт, Р. Сочинения: В 2 т. Т. I / Р. Декарт. Сост. В. В. Соколов; пер. с лат. и франц. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.
9. Курбатов, В. И. Логика: учебное пособие для студентов вузов / В. И. Курбатов. – Ростов-н/Д: Феникс, 1996. – 320 с.
10. Рузавин, Г. И. Логика и аргументация: учебное пособие для вузов / Г. И. Рузавин. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. – 351 с.

Заленская Наталья Самуиловна — старший преподаватель кафедры истории и социально-гуманитарных наук Ишимского государственного педагогического института им. П. П. Ершова

Дата поступления статьи в редакцию:
30.09.2010 г.

© Н.С. Заленская, 2010

УДК 973.03

Г. А. Порхунов

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ. 1775 – 1783 гг.

Ключевые слова: колония, кальвинизм, пуритане, конгресс, буржуазная предприимчивость, вооруженный нейтралитет.

В XVII веке в период правления Стюартов на Атлантическом побережье Северной Америки возникли английские колонии. В 1607 году была основана первая из колоний – Виргиния. Ее основателями были купцы из Лондонской торговой компании. На своих судах компания перевозила в колонию бедняков, которые работали там под надзором смотрителей компании. Бедняки за океаном искали избавления от феодального гнета, но в колониях они попадали в новую кабалу – к купцам и крупным землевладельцам. Многих англичан, шотландцев, ирландцев эмигрировать в Америку вынудил усиливавшийся в стране политический и религиозный гнет.

К половине XVIII века весь восточный берег Северной Америки (Атлантическое побережье) был заселен выходцами из Англии и Шотландии, которые образовали 13 независимых друг от друга штатов (губерний). Штаты управлялись английским правительством, которое назначало в Америке губернаторов. Оно же издавало законы, требовало уплаты налогов.

Население колоний в Северной Америке формировалось прежде всего за счет религиозных диссидентов противников официальной англиканской церкви и сторонников кальвинизма (т. е. протестантского вероучения – божественного невмешательства в закономерности мира). Они верили в абсолютное предопределение: одних людей «к спасению», других «к гибели»; одних к раю, других к аду. И этот приговор бога абсолютно неизменен. Поэтому показателем предызбранности человека является успех в его профессиональной деятельности (предпринимательства прежде всего). Проповедовался мирской аскетизм, выражавшийся в простоте жизни, уничтожении многочисленных праздников и увеличении числа рабочих дней. Это была религиозная идеология буржуазии эпохи первоначального накопления капитала. Кальвинисты – республиканцы по политическим взглядам, люди состоятельные и независимые – считали, что достижение успеха, накопление богатств составляют часть их религиозного долга.

В северных колониях – Массачусетс, Пенсильвания, Нью-Джерси и других сложился обширный слой мелких фермеров. Здесь часть земли принадлежала крупным собственникам – аристократам, сдававшим ее в аренду мелким фермерам. Здесь же развивались ремесла, появлялись первые мануфактуры.

В северных штатах селились бедные англичане и шотландцы, по вероисповеданию пуритане¹. Переселение в Америку освобождало их от преследований за веру, как это было у себя на родине. Здесь же господствовала чистота нравов, благочестие и умеренность образа жизни. Они имели небольшое хозяйство, и велось оно личным трудом.

В южных штатах – Северная и Южная Каролина, Джорджия и других – колонистами были знатные и богатые люди англиканского вероисповедания. В Америку их привлекала жажда наживы. Скупая здесь огромные участки земли, они заводили обширные плантации риса, табака, хлопчатника, сахарного тростника, которые возделывались трудом невольников негров, привозимых из Африки. Колонисты вели борьбу за освоение земель, принадлежавших коренному индейскому населению. На юге обосновались крупные плантаторы и работорговцы. Рабовладельческое хозяйство, хищническое использование земель побуждало плантаторов к непрерывному расширению территории колоний. Для их освоения из Африки ввозили негров.

Среди колонистов Юга не было ни религиозного фанатизма, ни чистоты жизни пуритан Севера. Они не были привязаны к новому месту жительства. Их свобода ничем не была стеснена. Несмотря на различия в социальных отношениях между отдельными колониями, общей характерной чертой их было быстрое развитие первоначального капиталистического накопления.

В английском парламенте колонии не имели своего представительства. Английское правительство издавало законы, касающиеся колоний, без их согласия. Чтобы не утратить колоний Англия должна была по их защите нести большие расходы, а со стороны колонистов они не восполнялись. К тому же парламент Англии запрещал американским колонистам самостоятельно торговать с Европой без английских посредников. Запрещалось открывать в Северной Америке мануфактуры, а также переселяться на Запад, где было много неосвоенных земель.

Экономический рост колоний пробуждал у их населения стремление к самостоятельности. В ходе развития колоний между ними усиливались взаимные экономические связи. Общность территории, экономической жизни и языка при удаленности от Англии содействовали складыванию из населения колоний особой, отличной от англичан, хотя и говорившей на английском языке, буржуазной нации.

¹ Пуритане – последователи кальвинизма, требовали уничтожения епископата, замены его выборными старейшинами /пресвитерами/; удаления из церкви украшений, упрощения церковных обрядов.

Обострение противоречий между колониями и Англией привело к освободительной борьбе. С середины XVIII века начинается борьба против притязаний английской короны. Колонии желали освободиться от налогов, вводимых английским правительством по своему произволу. Однако колониальный гнет Англии усиливался. Английский король Георг III в 1763 году издал указ о запрещении колонистам занимать земли и селиться к западу от Аллеганских гор. Эта мера лишала рабовладельцев возможности заводить на Западе свои плантации.

Королевский указ задевал и интересы мелких арендаторов, желавших уйти на Запад и стать там самостоятельными фермерами. Указ был издан в интересах крупной землевладельческой аристократии и мехоторговцев, скупавших пушнину у индейцев за Аллеганями и опасавшихся, что массовое переселение колонистов на эти земли подорвет индейский пушной промысел и лишит крупных земельных собственников рабочей силы в восточных районах.

В 1765 году английский парламент принял так называемый «квартирный акт» разрешавший посылать в колонии новые войска и размещать солдат и офицеров на постой среди населения.

В начале XVIII века было введено множество запретов на открытие мануфактур, вывоз из колоний шерстяных тканей, разного рода мануфактурных изделий. Английские купцы открыто призывали к запрещению мануфактур в колониях, чтобы не сужать возможность сбыта английских промышленных изделий.

Чтобы облегчить бремя своего государственного долга, английское правительство решило привлечь колонистов к отбыванию денежных повинностей и в 1765 году ввело гербовую пошлину на все официальные документы, главным образом на коммерческие бумаги.

Введение пошлины в штатах вызвало сильное возбуждение. Американцы расценили это как незаконную попытку английского парламента распространить свою власть на колонии. Пошлина не была согласована с представителями народа (в английском парламенте их не было). Пошлину пришлось отменить, но ввели ввозную пошлину на некоторые товары (чай, стекло, бумага, краски), привозимые из-за границы. Это повело к открытому восстанию колонистов.

Прежде всего колонисты перешли к бойкоту английских товаров. События развернулись в городе Бостоне (штат Массачусетс). В 1773 году туда прибыл ост-индийский корабль, нагруженный чаем. Ост-индийской компании английское правительство предоставило право беспошлинного ввоза чая в североамериканские колонии, что подрывало экономику колоний. Колонисты выбросили весь чайный груз в море («бостонское чаепитие»).

После «бостонского чаепития» Англия ввела против американцев целый ряд стеснительных мер. Бостонский порт был закрыт, в городе расквартированы английские солдаты. Это еще больше обострило конфликт между метрополией и колониями и привело к полному разрыву отношений. В 1775 году между колониями и метрополией начались военные действия, продолжавшиеся до 1783 года. Во главе армии колонистов был поставлен Георг Вашингтон.

После ряда побед над англичанами 4 июля 1776 года в Филадельфии собрался Континентальный конгресс. Его участниками были лишь представители плантаторов и крупной буржуазии. Конгресс принял «Декларацию независимости» или «Декларацию прав», написанную Томасом Джефферсоном, по которой колонии провозглашались Северными Штатами Америки (США) и объявлялись «свободными и независимыми государствами».

Это событие описано в письме Е. И. Рериха мистическим образом: «Июльским вечером 1776 года в старой ратуше в Филадельфии собралась группа людей, чтобы «оборвать последние связи между старой страной и новой». Это был трудный момент, ибо присутствующие опасались, что за смелость они могут поплатиться

жизнью. В ходе дебатов вдруг зазвучал сильный голос. Говорил молодой человек, которого никто раньше не видел. Незнакомец в конце речи взволновался и взволновал их до глубины души. Его заключительные слова зазвучали по всему зданию: «Бог предрешил Америке стать свободной!». Когда незнакомец, уставший, погрузился в кресло, бурный восторг охватил всех. Подпись за подписью легли на пергамент, и Декларация о независимости была подписана. Но куда исчез человек, который ускорил завершение этой задачи и открыл им великую цель, для которой новая нация зародилась? Он исчез, и никогда больше не появлялся, и его личность не была установлена». В Декларации были изложены «естественные права»: «люди рождаются и получают от творца известные неотчужденные права: право на жизнь, свободу, счастье». Правительство установлено для того, чтобы обеспечить людям эти права. «Если правительство уничтожает эти неотъемлемые права, то народ обязан переменить или совсем упразднить его». Во главу угла было положено провозглашение народного суверенитета и права на революцию, как высшего из всех прав. В проект Декларации был внесен и пункт об отмене рабства, но это вызвало протест плантаторов и крупных капиталистов. Пункт, осуждавший рабство, был исключен.

Несмотря на свою буржуазную ограниченность, «Декларация независимости» была прогрессивным и революционным документом. Она провозглашала принцип народного верховенства и равенства людей в правах, право народа на свержение тирании для создания нового правительства. Впервые в истории буржуазное представительное собрание в лице Конгресса провозгласило эти революционные принципы.

Автор Декларации Томас Джефферсон писал: «Этот документ должен был сиять миру, как огненный столб, дабы люди разбили те цепи, которыми опутали их шею поповское невежество и суеверие. Пусть люди поймут наконец, что они не родятся с седлами на спине, на которые могут взобраться несколько легитимных всадников, чтобы по желанию пустить в ход шпоры и кнут. Человек обязан развивать свой разум и свои способности, чтобы участвовать в самоуправлении для которого родился».

Североамериканские колонии в борьбе с Англией стремились заручиться поддержкой иностранных государств, прежде всего Франции, враждебность которой к Англии была общеизвестна. После начала войны североамериканских колоний за независимость, французское правительство поручило миссию сношения с американцами знаменитому драматургу, автору «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро», П. Бомарше. В целях конспирации Бомарше учредил фиктивный торговый дом «Родриго Горталис и К°». При содействии Бомарше тайный агент североамериканских колоний во Франции Сайлас Дин, стремившийся добиться помощи от Франции, организовал отправку в Америку волонтеров-офицеров и оружия из французских арсеналов. Молодой французский военный – Лафайет на собственные средства снарядил корабль и сам на этом корабле отплыл в 1777 году в Америку. Франция имела в Америке также секретных агентов, донесения которых прочитывались Людовиком XVI.

Искренний друг восставших колоний Бомарше с энтузиазмом выполнял свою секретную миссию. Он писал американскому конгрессу: «Ваши депутаты, джентльмены, найдут во мне верного друга, в моем доме – надежное убежище, в моих сундуках – деньги, а также полное содействие для реализации своих заданий».

Помощь, полученная американскими колониями при содействии Бомарше и Сайласа Дина, была значительной. Была добыта одежда на 20 тысяч человек, 30 тысяч мушкетов, 100 тонн пороха, 200 пушек. Фирма «Родриго Горталис и К°» просуществовала с 1776 по 1783 годы и израсходовала за это время свыше 21 миллионов ливров. Дин получил еще 300 тысяч долларов от испанского правительства.

После провозглашения независимости североамериканских колоний появилась возможность послать во Францию официального представителя США. Выбор посла в то время имел огромное значение, потому что американцев мало знали в Европе. Молодая американская республика сумела найти такого посла, которого знала вся передовая Европа. Послом в Париж был назначен единственный американец, которого к тому времени знала Европа. Он много лет жил в Англии, был всесторонне образован и имел связи с Францией. То был Вениамин Франклин выдающийся мыслитель, ученый, общественный деятель. Имел открытия в области электричества (сконструировал молниеотвод). Разрабатывал теорию кораблестроения. Были известны его работы в области политической экономии. Являлся членом английского Ученого королевского общества (Академии). Его афоризмы: «Спящая лисица кур не поймает», «Пустому мешку трудно стоять прямо» выражали дух буржуазной предприимчивости.

В 1775 году с началом войны североамериканских колоний с Англией, Франклин выступил в палате лордов в Англии как представитель Конгресса.

Условием примирения он выдвинул требования колоний, за что лорды обрушили на Франклина бурю негодования. На защиту его стал лорд Чатам. Он заявил: «Этот человек, которого вы видите перед собой, делает честь не только английской нации, но и всему человечеству». Вот какого человека Конгресс североамериканских колоний послал послом во Францию.

Симпатии передовых кругов французского общества к американской демократии были очень сильны, а популярность Франклина велика. Бюсты и портреты Франклина украшали витрины магазинов, буфетов, кафе. Изображения Франклина встречались на кольцах, тросточках, табакерках, в медальонах.

Франклин использовал соперничество Франции и Англии с одной стороны, и симпатии передовых представителей французского общества к Американской республике – с другой, чтобы оказать давление на Людовика XVI и на двор с целью вовлечь Францию в войну с Англией.

Франклин стремился заключить договор о торговле и союзе Америки с Францией. Из ненависти к англичанам французское правительство оказывало американцам денежную помощь, но продолжало рассматривать американцев как «мятежников». Помощь «мятежникам» беспокоила короля Людовика XVI.

Между тем положение колоний было тяжелым. В августе 1777 года американский посол заявил французскому правительству, что если Франция не сумеет оказать более эффективной помощи, то американские колонисты заключат мир с Англией. Это была реальная угроза. После победы колонистов под Саратогой французское правительство признало независимость США и 6 февраля 1778 года заключило с ними союз и торговое соглашение. Это означало для Франции вступление в войну с Англией. В Америку были посланы французские войска и военные корабли.

По этому договору Франция гарантировала независимость США, а США давали гарантию французским владениям в Америке. Вскоре союз был заключен и с Испанией. Правительства Франции и Испании желали ослабления Англии и стремились воспользоваться отпадением от нее американских колоний, чтобы свести с Англией старые колониальные счета и вернуть себе часть потерянных в Америке владений. У Франции, например, Англия отобрала Канаду. Вступление в войну Франции и Испании изменило положение Англии на море. Теперь стала невозможной английская блокада колоний. Английскому правительству впору было оборонять собственные владения, вместо того, чтобы отдавать силы на борьбу с американцами.

Конгресс США решил завязать отношения на уровне послов и с другими европейскими странами. Он направлял послов в страны Европы без согласия их правительств. Так, Артур Ли был послан в Мадрид, но испанское правительство

остановило его в пути. Тогда он получил назначение в Берлин. Явился туда, но не был принят Фридрихом II. Его брат Уильям Ли был назначен послом в Берлин и Вену, но не попал ни в одну из этих столиц. Его не приняли. Адамс был направлен в Гаагу, но не добился признания Соединенных Штатов Голландией.

Позже Френсис Дана безуспешно пытался получить признание страны при дворе Екатерины II. 27 апреля 1793 года Дана писал русскому вице-канцлеру Остерману, что их (штатов) «независимость была признана Англией, ... поэтому справедливость и беспристрастие императрицы всея Руси не могут поставить никаких препятствий для допущения к своему двору посла Соединенных Штатов Америки». Однако Екатерина II вежливо, но твердо отклонила признание Американской республики.

После заключения договора 1778 года между США и Францией, английское господство на море было подорвано. Против Англии выступили две сильные морские державы – Франция и Испания. Но Англия продолжала претендовать на господство в морях: она захватывала суда нейтральных держав, чтобы пресечь торговлю с воюющими против нее странами. Но сил явно не хватало, а усилия Англии найти союзников тоже не увенчались успехом.

В 1779 году Георг III (король Англии) обратился к Екатерине II с тревожным письмом. Он писал: «Сестра моя! Намерения врагов моих не могли ускользнуть от пронизательного взора Вашего величества... Их проекты могут осуществиться, если в такой критический момент Ваше величество останется равнодушным зрителем. Применение, даже частичная демонстрация, морских сил могли бы восстановить и укрепить спокойствие Европы, рассеять организовавшуюся против меня лигу и утвердить систему равновесия, которую эта лига стремится уничтожить. Искренне любящий брат Георг».

Просьба английского короля к Екатерине II предоставить русские войска для подавления восстания в колониях встретила отказ со стороны царского правительства. Оно с тревогой следило за ростом морской мощи Англии. Екатерина II решила произвести морскую демонстрацию, но не в пользу Георга III, а против него. Россия взяла на себя инициативу объединения северных нейтральных стран для того, чтобы силой ответить на нападения английского флота на их купеческие суда. В 1780 году Екатерина II разослала другим правительствам Декларацию о вооруженном нейтралитете. Россия стала державой-инициатором, которая решила на деле внедрить в международную практику новые принципы морского права.

Декларация провозглашала свободу торговли нейтральных стран с портами враждующих государств; свободный провоз на нейтральных судах любого груза за исключением оружия; нейтральные суда не должны были задерживаться на море британским флотом. За несправедливый захват кораблей следовали штрафные санкции.

Эти принципы предлагалось защищать на море вооруженной рукой, т. е. силами своего флота. Одновременно была провозглашена Лига вооруженного нейтралитета. К ней присоединились не только балтийские державы – Швеция и Дания, но и Пруссия, Австрия (1781), Португалия (1782), Сицилия (1783), Голландия, которая вступила в войну с Англией.

Конгресс США объявил о своей солидарности с принципами вооруженного нейтралитета и о желании примкнуть к Лиге, надеясь, что Екатерина II официально признает существование США. Но добиться этого признания американцам не удалось. Екатерина II отклонила это предложение, чтобы не нарушать принцип монархической власти и не допустить компромисса с революцией.

Объявление вооруженного нейтралитета нанесло сильнейший удар попытке Англии блокировать противников. Теперь целый ряд государств был готов вступить

с ней в войну, в случае, если бы Англия продолжала нарушать их торговлю. Господство Англии на море было основательно подорвано.

Несмотря на то, что Россия не признала США, тем не менее ее политика благоприятствовала Американской республике. Вооруженный нейтралитет был мощным инструментом в осуществлении изоляции Великобритании от «морских и торговых наций всего мира». Позиция царской России содействовала поражению Англии и завоеванию независимости США.

В 1781 году при Йорктауне английские войска потерпели решительное поражение. Корнваллис (английский главнокомандующий) со своей армией сдался Вашингтону. Начались мирные переговоры. Со стороны Америки их вел Франклин. Англия признала независимость колоний и заключила с ними договор на началах полного равноправия. В 1783 году Англия и США в Версале подписали Версальский мирный договор. Помимо независимости США, к ним отходила территория от Аллегана до Миссисипи. Испания вернула себе Флориду, а Франция – Сенегал и мелкие острова в Вест-Индии.

После окончания войны и заключения Версальского мира, США в 1787 году приняли Конституцию, в которой впервые было сформулировано понятие «народ Соединенных Штатов». Конституция закрепила независимость и самоуправление 13 отдельных штатов, а также создание государственных учреждений, общих для всех Северо-Американских Штатов. Каждый штат был признан самостоятельным государством, обладающим в пределах своей территории полнотой законодательной, судебной и исполнительной власти. Штаты управлялись своими выборными представителями.

Была создана сильная федеральная власть. По делам всех штатов законодательная власть была вручена конгрессу, состоящему из палаты Представителей и Сената, а исполнительная – президенту, избираемому на 4 года и зависящему от него правительству. Объявлялась независимость судей. Выражалась она в их неменяемости. Господствующей религии закреплено не было. Допускалась полная веротерпимость, причем государство не вмешивалось в религиозные дела. В 1789 году был избран Конгресс. Первым президентом США стал Джордж Вашингтон.

По сравнению с феодально-монархическим строем Конституция 1787 года была прогрессивной, но она не была демократической. Она закрепила прежде всего те завоевания революции, которые были выгодны рабовладельцам и крупной буржуазии. Рабство негров было узаконено, разрешался ввоз рабов в США. За индейцами не признавалось право на их земли, и они не считались гражданами США.

Конституция сохранила завоевание народа – республиканский строй, но обошла молчанием права народа (Декларация независимости, которая провозглашала эти права, в Конституцию не была включена). Широкие массы народа – мелкие фермеры, рабочие, бедные ремесленники, женщины – были лишены избирательных прав. Существовал имущественный ценз, в некоторых штатах требовали и ценз оседлости. Из 3 миллионов жителей США всего 120 тысяч человек пользовались избирательным правом.

В 1791 году был принят «Билль о правах» – 10 поправок-гарантий демократических прав и свобод – слова, печати, собраний, неприкосновенности личности и жилища, право на ношение оружия.

Рождение США – событие огромного значения для Европы. Это был удар по устоям «старого порядка». Возникло государство признававшее принципы разделения властей, политического равенства граждан, веротерпимости, ответственности власти перед обществом.

Однако сохранилось в стране рабство, несвобода негров-невольников и коренных жителей Северной Америки – индейцев. Все это не соответствовало идеям

свободы и равенства. Тем не менее США стали местом, где начало складываться «гражданское общество». Признание частного интереса и инициативы – стало движущей силой общественного развития к рубежу XIX – XX веков, частью фундаментальных принципов, определивших облик европейской цивилизации.

Североамериканская война за независимость явилась практически борьбой капитализма с феодализмом и имела большое международное значение. Руководители этой борьбы находились под сильным влиянием идей Английской буржуазной революции XVII века и взглядов английских и французских буржуазных просветителей. В свою очередь война американских колоний за независимость и выдвинутые в ее ходе идеи верховенства нации оказали влияние на подготовку буржуазных революций в Европе.

Во Франции, например, буржуазия и либерально настроенные дворяне сочувствовали освободительной борьбе североамериканского народа. Французские передовые офицеры из дворян и молодежь других стран Европы отправлялись в Америку для поддержки дела, которое они считали справедливым.

В североамериканской войне за независимость участвовали в качестве добровольцев французские офицеры, например, маркиз Лафайет; генерал Рошамбо; польский патриот, будущий предводитель восстания в 1794 году в Польше Костюшко; английский революционер и буржуазный демократ Т. Пэн; будущий социалист-утопист Сен-Симон и другие.

Под влиянием идей американской революции и Конституции США в России либеральными дворянами (М. М. Щербатов, Н. И. и П. И. Панины, А. А. Безбородко, А. Р. Воронцов и другие) разрабатывались проекты ограничения самодержавной власти.

Поэт А. П. Сумароков предложил свою концепцию государственного устройства на основе идей революций в Америке и Европе. Он выступал за устройство государства путем общественного договора, т. е. путем договора «просвещенного народа с правительством».

Следуя идеям Декларации независимости США, почти все русские демократы-просветители выступали с критикой самодержавно-крепостнического строя, но не призывали к вооруженной борьбе с деспотизмом. Они обходили «право на революцию», как было записано в Декларации.

Высоко ценили демократические освободительные стремления североамериканского народа передовые русские писатели А. Н. Радищев, Н. И. Новиков, но осуждали в США рабство негров и власть крупного капитала.

А. Н. Радищев, например, вслед за американцами, идеалом государственного устройства считал республику, где все люди будут равны и где сам народ, в первую очередь крестьянство, будет управлять страной. Исторический процесс Радищев рассматривал как развитие, в котором эпохи регресса сменяются эпохами прогресса. Из этого он делал вывод о неизбежности революций и призывал силой свергнуть самодержавие. Но он понимал, что условий для революции в современной России нет, и подчеркивал: «Не мечта сие... Я зрю сквозь целое столетие». Однако революция неизбежна и ход ее будет особым, ибо в русской жизни (во всех областях) царят беззаконие и бесправие, а самодержавие и крепостничество – главные источники зла.

Следовательно, для республики, о чем мечтал Радищев, время в России еще не пришло. В условиях России, как и в США, республика привела бы к господству буржуазных порядков. Идеи Радищева оказали влияние на декабристов, А. С. Пушкина, А. И. Герцена, на все последующие поколения русских революционеров.

Американская война XVIII столетия за независимость, по определению К. Маркса, «прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии». Приме-

ру американцев 17 лет спустя последовали французы. Они усвоили совет Мирабо: «Учитесь у американцев свободе». Преимуществом США перед «старой» Европой было то, что над ними не висело прошлое: генезис государственности здесь начался в некотором роде с нуля.

Европа пошла другим путем. Великая Французская буржуазная революция 1789 года свершилась в год выборов президента и Конгресса США и открыла эпоху революций, которые определили взрывной характер шедших в Европе модернизационных процессов.

Библиографический список

1. Виппер, Р. Ю. История нового времени / Р. Ю. Виппер, И. П. Реверсов, А. С. Трачевский. – М., 1995.
2. История дипломатии. – Т.1. – М., 1941.
3. Черкасов, П. П. Генерал Лафайет (исторический портрет) / П. П. Черкасов. – М., 1987.
4. Борисов, Ю. В. Шарль-Морис Талейран / Ю. В. Борисов. – М., 1986.
5. Манфред, А. З. Великая Французская буржуазная революция XVIII в. (1789-1794) / А. З. Манфред. – М., 1956.
6. Россия и мир. – Ч. 1. – М., 1994.
7. Берлий, П. А. Русская буржуазия в старое и новое время / П. А. Берлий. – М., 1922.
8. Звягинцев, А. Г. Око государево. Российские прокуроры. XVIII век / А. Г. Звягинцев, Ю. Г. Орлов. – М., 1994.
9. Знамя преподобного Сергея Радонежского: сб. – Новосибирск, 1991.

Порхунов Георгий Арсеньевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории, социологии, политологии Омского государственного педагогического университета

Дата поступления статьи в редакцию:
18.03.2010 г.

© Г.А. Порхунов, 2010

УДК 17.02

В. В. Лизунов

ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: социальное партнерство, рефлексивное управление, социально-организованное мышление, бессубъектность.

1. Нравственный кризис. По словам Президента Российской Федерации Д.А. Медведева, в настоящее время «в российском обществе потеряны нравственные ориентиры». Мы видим, в чём это выражается:

- отсутствуют социально контролируемые нравственные нормы на телевидении;
- широко известны «моральные» установки многих политиков и газет;
- в обществе практически потеряны понятия чести и достоинства;
- личная совесть оказывается недейственной без социальных норм;
- очевидна массовая нравственная деградация культуры;
- усиливается манипуляция сознанием людей и т.д.

Нравственность в широком смысле – это особая форма общественного сознания и вид общественных отношений. Нравственность в узком смысле – это совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу. Нравственность представляет собой ценностную структуру сознания, общественно необходимый способ регуляции действий человека во всех сферах жизни, включая труд, быт и отношение к окружающей среде.

Словари определяют мораль (нравственность) (лат. *moralis* – нравственный, *mores* – нравы) как тип регуляции отношений людей, направленный на их гуманизацию; совокупность принятых в том или ином социальном организме норм поведения, общения и взаимоотношений.

В любом человеческом сообществе есть необходимость в согласовании форм жизнедеятельности и достижения различных целей. В отличие от жестко фиксированных форм регуляции (правовая, религиозная и др.), мораль выступает в качестве «неписаного закона», эффективно реализуя свою регулятивную функцию.

В настоящее время социальное расслоение в России достигло немыслимых размеров. Децильный коэффициент (отношение уровня жизни 10 % самых богатых к уровню жизни 10 % самых бедных граждан) в цивилизованных странах не превышает значения 8–9. В России по данным, помещенным в сети Интернет, он в 2000 году был равен 24. А в последние годы, вероятно, вообще перестал рассчитываться.

В отношении к отодвинутой от «праздника жизни» половины населения России политическая и экономическая элита, официальная культура и «гламурный слой» ведут себя как в отношении к низшей расе. Происходит практическое устранение из массового сознания чувства сострадания к людям. Привычны стали статистика погибших и пострадавших, сообщения о «зачистках», в качестве героев сериалов выступают киллеры, романтизированные и даже эстетизированные бандиты. Вслед за ставшими классическими фильмами американского кинематографа, превратившими разборки чикагской мафии в национальный эпос, отечественное кино романтизирует наших доморожденных бандитов. Киногерой в прошлом «солнечного мальчика» – Сергея Безрукова – Саша Белый и его «бригада» послужили в наше «смутное время» (потери нравственных ориентиров) прообразом десятков реальных банд в российских регионах.

А. И. Солженицын говорил, что нация находится «в состоянии глубокого обморока». Конечно, это преувеличение. Но в какой степени нация осознает, что с ней происходит?

Методы управления и ведения бизнеса (предпринимательства) откровенно заимствуются из военных действий и политики – «любой ценой». **Экономическая эффективность** полностью доминирует над почти забытыми социальной, психологической, нравственной, правовой, экологической и прочими составляющими управления.

Манипуляция сознанием персонала в организациях и все виды принуждения стали более предпочтительными, чем мотивация, стимулирование и убеждение. Изощренное и корыстно ориентированное «рефлексивное управление», экзотические китайские стратагемы и суггестивные речевые методики изучаются предпринимателями и применяются в управлении с помощью квалифицированных психологов. Физическое устранение конкурентов, а также более цивилизованное – с помощью «оргресурса», неправовой перехват корпоративного контроля – «рейдерство», судебная преступность, наркобизнес, проституция, нелегальная миграция, торговля людьми, целевой подбор компромата и информационная война давно стали привычными. Одной из важнейших российских проблем, стоящих перед обществом и органами власти, является проблема коррупции, которая достигла таких масштабов, что стала мощным фактором дестабилизации и существенно влияет на уровень

социального и политического существования страны, значительно тормозит её экономическое развитие.

В результате революций, радикальных реформ и нынешнего экономического кризиса Россия терпит крупнейшее национальное бедствие в мировой истории, которое носит поистине катастрофический характер. При этом анализ российских социальных катастроф показывает, что большую роль в них играет кризис отношений между обществом, властью и бизнес-сообществом [1].

2. Проблема социального партнерства. В начале XX века экономический потенциал России был практически равен американскому и прогноз развития был исключительно благоприятным. Однако в условиях назревавшего мирового кризиса рос конфликт между интересами рвавшегося к власти бизнеса, нередко финансировавшего террористов, и властью, стремившейся в лице политической сословной элиты сохранить за собой монопольное право распоряжаться землей и недрами. Народ же, одинаково негативно относился и к власти, использовавшей репрессивные меры, и к молодой нарождавшейся бизнес-элите – за склонность к неумеренной роскоши. Результатом стало крушение государства и кровопролитная гражданская война как выражение столкновения общества и тоталитарной власти.

В советское время планово-директивная экономика до определенного уровня могла удовлетворять растущие социальные стандарты качества жизни. Когда хозяйственный механизм оказался неспособным их удовлетворять, конфликт между обществом и властью вылился в новый кризис и события 1991–1993 гг.

Авторы работы [1] полагают, что в основе разрушения социализма лежала неспособность социалистической системы создать стимулы для завершения модернизации и вступления России в постиндустриальную стадию развития. Неэффективной в России оказалась не только административно-распределительная экономика, но и сам сложившийся социально-культурный тип целостности российского общества. Нежизнеспособными оказались не только *авторитарная власть*, но и *имперский тип системной национальной интеграции*.

Процесс реформирования на всех его стадиях, начиная с апреля 1984 г. и по настоящий момент, протекал при ведущей роли власти и под её контролем. Как правило, традиционным ответом России на вызовы времени всегда было *усиление власти*, то есть использование насилия. Парадокс современности же заключается именно в том, что, как и прежде, *все еще* нельзя без насилия, но и многое *уже невозможно* с насилием. В настоящее время власть в целях реформирования общества должна формировать те или иные условия (и определять пределы свободы) для развития хозяйства и *гражданского общества*. Если политическая элита, не добившись успеха в этом направлении, будет «кроить» общество и бизнес под свои интересы, это будет означать возврат к насилию как инструменту решения политических, экономических и социальных задач. В настоящее время крайне необходим переход российского общества в новое качество, в котором три главные силы развития – власть, народ и бизнес, вступят, наконец, в полноценное и полномасштабное *социальное партнерство*. Результатом отказа от решения этой проблемы может стать распад России как единого многонационального государства со всеми вытекающими из этого последствиями для населения и мирового сообщества.

Актуальной и эффективной формой социального партнерства является согласование интересов, разработка стратегических концепций и планов социально-экономического развития территорий, которая стала в XX веке необходимой для многих городов и регионов мира вследствие значительных изменений условий хозяйственного освоения планеты. Особую значимость он приобретает для России в современных социально-экономических и геополитических условиях, поскольку только на его основе органы управления и общественность смогут не просто выработать антикризисные меры, но и определить (с учетом потребностей населения,

заинтересованных сторон и стратегических партнеров) судьбу своей территории в долгосрочной перспективе.

Вопросы стратегического планирования и управления для человечества на пороге третьего тысячелетия оказались тесно связанными с проблемами устойчивого развития регионов и цивилизации в целом. Рассмотренные мировым сообществом на конференциях ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 и 1997 гг. и на Всемирном саммите в Йоханнесбурге в августе-сентябре 2002 г., они предполагают *сбалансированное развитие* трех составляющих: *природы, общества и экономики*. Наряду с экономическими и социальными рассматриваются экологические аспекты, которые все требуют *системного подхода*. Эти подходы необходимы для устранения неравномерностей и диспропорций в развитии, которые ведут к обострению кризисных ситуаций.

Опыт стратегического планирования позволяет выделить несколько *основных положений*, имеющих важное значение для городского сообщества:

- 1) стратегический план служит современным вариантом общественного договора, заключаемого между всеми участниками городского сообщества;
- 2) концепция и стратегический план выступают документами, с которыми согласуются все серьезные решения, принимаемые органами власти, представителями деловых кругов, городским сообществом, инвесторами;
- 3) концепция и стратегический план способствуют формированию представлений о городе, как о целостной многофункциональной системе с потенциалом саморазвития;
- 4) стратегическое планирование является механизмом для привлечения инвестиций;
- 5) стратегическое планирование – необходимое условие повышения имиджа города.

В г. Омске в период с 1999 по 2002 гг. по инициативе Омского Дома ученых творческой группой специалистов была разработана «Концепция стратегического развития г. Омска», в которой был учтен опыт создания стратегических планов и концепций ряда российских городов: Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Екатеринбурга, Тольятти, Череповца, программы «Евроград-21» и др. Она завершает более чем десятилетний отрезок в истории города Омска, связанный с попытками городского сообщества самоопределиваться в выборе долгосрочной стратегии [2]. В 1999 г. были выделены три стратегии развития города: инерционный, промышленного развития, многофункциональный. В том же году проект Концепции был рассмотрен на общегородской конференции с участием представителей других городов и регионов, Евросоюза, Государственной думы и федеральных министерств и получил одобрение и поддержку.

В декабре 2002 г. окончательный вариант Концепции был представлен общественности и рассмотрен на конференции в администрации Омской области. В нем излагаются основные методологические и системные принципы Концепции, формулируется миссия города, проводится анализ современного состояния и перспектив развития Омска, описывается комплексная стратегия его развития: «Омск – ведущий многоотраслевой, деловой и культурный центр Сибири», приводятся рекомендации по реализации Концепции. Были учтены многочисленные замечания и дополнения специалистов органов управления и различных организаций. Концепция служит основой для формирования системы стратегического управления города Омска, разработки стратегического плана, а также генерального плана развития города. Положительный результат в этих процессах достигается только при тесном сотрудничестве основных субъектов – стратегических партнеров: властных структур, бизнеса, промышленности, науки, образования и населения.

То есть, город должен быть корпорацией, объединяющей всех горожан для гуманитарного, экологического и экономически сбалансированного развития террито-

рии. При формировании и реализации стратегии развития города выявляются различные ресурсы, моделируются варианты городского развития, определяются «точки роста» и «черные дыры» в экономике и социальной сфере, обеспечивается взаимодействие субъектов городского сообщества, формируются механизмы организации населения. Разработка и реализация концепции основываются на следующих группах принципов:

Принципы социального партнерства

Гражданское согласие и мотивация населения. Предусматривает широкое предоставление объективной информации горожанам о содержании Концепции и ходе работ по ее реализации, обсуждение и общественная экспертиза.

Баланс интересов, стратегическое партнерство. Нацеливает на согласование позиций и действий стратегических партнеров и участников процессов, определяющих развитие города (включая социальные группы, общественные объединения, различные уровни управления и т. д.).

Легитимность. Ориентация законодательства города и области на представленные в документе перспективы развития Омска.

Ответственность. Предполагает создание процедуры распределения ответственности за исполнение положений документа между органами местного самоуправления, стратегическими партнерами и конкретными исполнителями.

Принципы, связанные с управлением городским развитием

Целенаправленность. Все положения Концепции увязываются с целями, задачами, миссией города и направлены на их реализацию.

Комплексность. Учитываются принципы и механизмы, по которым важнейшие функции и структурные элементы города связаны между собой.

Иерархичность. Город рассматривается как целостность, встроенная в субъект федерации, регион, федеральный округ, страну и мировое сообщество. Одновременно Омск представляется иерархической системой, где протекают организационные и управляющие взаимодействия вертикального и горизонтального характера.

Многофункциональность и многовариантность. Город Омск представляет собой многофункциональную систему, в которой разные функции подсистем имеют различные веса, которые меняются с течением времени. Устойчивое развитие города достигается только при согласовании важнейших его функций.

Адаптивность и минимизация рисков. Учет возможности изменения внутренней и внешней среды. Стратегия развития города должна повысить адаптивные свойства городских систем. Проведение оценки различных потерь, которые могут возникнуть в процессе реализации Концепции.

Превентивность. Включение мероприятий, нацеленных на предотвращение негативных процессов и угроз.

Мониторинг. Постоянный контроль реализации и корректировка разработанных в Концепции положений.

Принципы, обеспечивающие саморазвитие города

Интеграция и аккумуляция потенциала развития. В Концепцию закладываются механизмы привлечения внутренних и внешних по отношению к городу ресурсов, их концентрация на решении приоритетных задач (партнерство, инновационный и коммуникативный потенциал и т.п.).

Мотивация и стимулирование. Применяются виды деятельности, обеспечивающие формирование и использование в качестве ресурса различных проявлений инициативы физических, юридических лиц и органов управления.

Перманентный успех. При реализации Концепции поэтапно включаются быстро и эффективно выполняемые мероприятия, которые показывают реальность претворения в жизнь планов стратегического развития. Эти мероприятия необходимо широко пропагандировать в СМИ.

Ориентация на человека и семью. Точкой приложения ряда проектов стратегического развития города должна выступить семья как базовая ячейка общества, выполняющая многочисленные функции. При этом следует учитывать демографические факторы и социологическую информацию [2].

Однако на пути реализации стратегий, формирования гражданского общества и достижения общественного согласия в России имеются значительные трудности.

3. Опасность бессубъектности в России. Причиной нарастающего потока угроз безопасности России в условиях богатейших запасов природных ресурсов, относительно высокого уровня технологий и высочайшего интеллектуального потенциала, ряд социальных психологов считает рефлексивные особенности российского общественного сознания [3].

В основном, это неспособность нации осознать и рационально «исправлять» пути своего развития вследствие доминирования социальных процессов неосознанного характера (скорее «коллективного бессознательного», чем «глубокого обморока»). И в настоящее время в результате радикальных реформ произошла «системная дезорганизация» государства и общества в целом. Известный отечественный методолог и философ В. Е. Лепский среди признаков системной дезорганизации России указывает [4]:

государство не является четко выраженным субъектом управления и развития, не сформировало стратегию развития (понимаемую и принимаемую большей частью населения), не обеспечило нормальные условия жизни своим гражданам, не обеспечило соблюдение основных конституционных прав;

существенную роль в управлении всеми сферами общественной жизни играют коррумпированные чиновники, криминал и другие асоциальные элементы;

«средний класс» и элиты атрофированы, дезорганизованы, не включены в реальные механизмы управления и развития;

политические партии и движения в основной своей массе имеют бутафорский характер;

общественные (не политические) образования слабо организованы и практически не влияют на социальные процессы;

граждане в подавляющем большинстве социально пассивны, имеют трудно-разрешимые проблемы с самоидентификацией (государственной, этнической, семейной и др.).

Поскольку «бессубъектность» определяется главной болезнью России и его вирусом заражено государство, этносы, различные типы сообществ, индивидуумы, то необходимо принимать экстренные меры по повышению степени организованности государства и одновременно становлению гражданского общества в России. Такого рода процессы надо осознать, планировать и организовывать, а не надеяться на естественное их развертывание, как это было с рыночной экономикой.

Преодоление бессубъектности России В. Е. Лепский и группа ученых Института человека РАН связывает с решением следующих первоочередных задач:

- разработка моделей идеальных субъектов с учетом российских традиций, цивилизационных отношений и системных требований к достижению устойчивых состояний в планетарном масштабе (в этих целях введено понятие «стратегический субъект» и определены его основные свойства, а также разработаны концепции «человеческого потенциала»;

- стимулирование становления, поддержки и формирования сетевой организации стратегической элиты России, встраивание ее в реальные механизмы государственного и общественного управления (как один из вариантов предложен проект «Клуб стратегической элиты»);

- создание сети государственных и негосударственных организаций типа «фабрик мысли», способных квалифицированно решать аналитические, экспертные и проектные задачи стратегического планирования и управления;
- поиск инновационных «системообразующих идей» для стимулирования процессов становления всех типов стратегических субъектов;
- повышение культуры россиян в сфере стратегического управления;
- создание механизмов реальной включенности граждан и общественных образований в процессы контроля над государством и управления Россией;
- формирование информационной среды становления и поддержки гражданского общества в России.

Выход России из состояния «системной дезорганизации» связан с развитием рефлексивных качеств и процессов, решением проблемы становления системы стратегических субъектов: общества в целом, государства, различных элит, сообществ, активных граждан, а также созданием новых высоких гуманитарных технологий, в том числе – обеспечивающих баланс интересов и гражданское согласие, консолидацию всех здоровых общественных сил.

Процессы, проходящие в России в этих направлениях, дают положительные результаты и позволяют надеяться на дальнейшие успехи [5].

4. Рефлексивное управление. В конце октября 2000 г. в Москве в рамках Федеральной программы мероприятий по встрече третьего тысячелетия состоялся международный симпозиум «Рефлексивное управление». При поддержке администрации президента РФ этот симпозиум провели Институт психологии РАН и некоммерческое партнерство «Новая инвестиционная доктрина». Около 200 участников симпозиума, в основном ученые из России, США, Канады, Украины, Молдавии, приняли участие в работе симпозиума [6].

На симпозиуме отмечалось происходящее в России и мире осознание того, что исчерпан ресурс традиционных социальных технологий и рассматривалось введенное более 30 лет назад членом Московского методологического кружка (ММК) Владимиром Лефевром понятие «рефлексивное управление» и связанное с ним понятие «рефлексивная система», которые оказали существенное влияние на многие естественнонаучные и гуманитарные области знаний, стали широко применяться в практике управления.

Идеи В. А. Лефевра были подхвачены как в российской, так и в американской научной среде, но использовались и развивались существенно по-разному. Американские работы находились под сильным влиянием бихевиористского подхода, использующего простую схему «стимул-реакция». В российских исследованиях просматривается интеграция этого направления с субъектным (субъектно-деятельностным) подходом. В контексте рефлексивных процессов и рефлексивного управления на симпозиуме обсуждались, в частности, следующие практические вопросы:

1. Почему возникают социальные конфликты при внедрении любых инновационных проектов (инвестиционных программ)?
2. Почему не удастся мобилизовать интеллектуальный и духовный потенциал России на решение стратегических проблем развития?
3. Почему новые информационные технологии недостаточно эффективно используются при решении стратегических проблем?
4. Почему государство не умеет гибко взаимодействовать со свободной прессой и религиозными образованиями?
5. Почему Россия часто проигрывает в информационных войнах?

Проблемы рефлексии всегда занимали важное место в российской культуре и приобретают особое значение в настоящее время. Рефлексия (от лат. *reflexio* - отражение) – процесс самопознания субъектом внутренних психических актов

и состояний. Понятие рефлексии возникло в философии, означало процесс размышления индивида о происходящем в его собственном сознании и основывалось на реальной способности человека к самоотчету об испытываемых им фактах сознания, самоанализу собственных психических состояний. Рефлексия в социальной психологии выступает в форме осознания действующим субъектом (лицом или общностью) того, как они в действительности воспринимаются и оцениваются другими индивидами или общностями.

Поскольку рефлексия – это не просто знание или понимание субъектом самого себя, но и выяснение того, как другие понимают «рефлектирующего», его личностные особенности, эмоциональные реакции и когнитивные (связанные с познанием) представления, то рефлексия представляет собой процесс удвоенного, зеркального взаимоотображения субъектами друг друга, содержанием которого выступает воспроизведение, воссоздание особенностей друг друга.

Рефлексивное управление (как его определяет В. А. Лефевр) – это информационное воздействие на объекты, для описания которых необходимо употреблять такие понятия, как сознание и воля. Такими объектами являются отдельные люди и объединения людей: семья, группа, страна, нация, общество, цивилизация. Термин «рефлексивное управление» может пониматься в двух смыслах. Во-первых, как искусство манипуляции людьми и объединениями людей. Во-вторых, как специфический метод социального контроля [6, 7].

Как вид искусства рефлексивное управление имеет тысячелетнюю историю. Наиболее ярко оно проявило себя в военном деле. Имеется огромное количество примеров, когда информационное воздействие на противника позволяло выигрывать сражение малыми силами. Как метод социального контроля рефлексивное управление появилось лишь в начале 60-х годов, в период, когда начала формироваться концепция информационной войны.

Специфика этого метода заключается в том, что генерация информационных воздействий опирается не столько на естественную человеческую интуицию, сколько на особую модель управляемого субъекта. Следует иметь в виду, что рефлексивное управление не связано органически ни с ложью, ни с дезинформацией. Например, чтобы жители страны поверили в истинность необычного, но правдивого правительственного сообщения, оно должно быть специально подготовлено.

Успех рефлексивного управления в значительной мере зависит от качества той модели субъекта, которая используется при его проведении. Психологические модели, основанные на традиционных бихевиористских и даже психоаналитических понятиях, оказались малоэффективными. Модель субъекта должна отражать не только область его поведения, но также и его способность осознавать самого себя и других субъектов, включая и тех, которые пытаются установить контроль над его поведением, то есть модель должна быть рефлексивной. Традиционные модели этим качеством не обладали.

Первые реально работающие рефлексивные модели появились в конце 70-х гг. Их создание было активно поддержано военными и дипломатами. Однако экономисты встретили их достаточно холодно. Интерес военных и дипломатов стимулировался способностью рефлексивных моделей представлять сложные военно-политические коллизии, ранее находившиеся вне сферы научного рассмотрения.

Реакцию экономистов В. А. Лефевр объясняет следующим образом. В основе экономических моделей лежит представление о человеке как о рациональном существе, стремящемся максимизировать свою выгоду. Такой взгляд на человека уходит своими корнями в политическую экономию XVIII века. Рефлексивные модели внесли в научное представление о человеке новое измерение, связанное с такими категориями, как мораль, совесть и чувство справедливости. Они позволяют отражать ситуации, в которых люди не только стремятся получить материальный доход, но

имеют и неутилитарные цели, совершают жертвенные поступки, стремятся выглядеть достойно и в своих собственных глазах, и в глазах других людей.

Чтобы проиллюстрировать, как чувство собственного достоинства может влиять на макрохарактеристики социальной системы, В. А. Лефевр рассматривает следующий пример. Представим себе широкую дорогу, по которой идут машины. Естественно считать, что каждый водитель стремится быстрее достичь пункта, в который он направляется, поэтому водители мешают друг другу. Представим себе теперь, что есть две дороги. Водители на первой дороге поднимаются в собственных глазах и в глазах других водителей, если уступают друг другу. А водители машин на второй дороге теряют свое лицо, когда уступают. Ясно, что скорость движения на первой дороге будет выше, чем на второй, поскольку попытки большого числа водителей сохранить свое индивидуальное достоинство (за счет подавления достоинства других водителей) порождают пересечения и столкновения в потоке машин, которые и вызывают замедление движения потока.

То есть такой, казалось бы, далекий от схем традиционной экономики фактор, как стремление сохранить достоинство, может приводить к серьезным макроэффектам. Кажется, что решить проблему достаточно просто: нужно увеличить число полицейских и строго наказывать водителей, вступающих в конфликты. Они перестанут конфликтовать, но скорость движения может упасть еще больше, поскольку возникнет массовая моральная депрессия.

В. А. Лефевром было показано ещё в начале 80-х годов, что могут существовать культуры двух типов. В культурах первого типа достоинство людей возрастает, когда они устанавливают отношения компромисса друг с другом, а в культурах второго типа падает, когда они бескомпромиссны друг к другу. В силу таких особенностей в культурах первого типа легко возникает процедура саморазрешения конфликтов, в то время как в культурах второго типа сама по себе такая процедура не появляется.

Эти идеи были подробно изложены в книге В. А. Лефевра «Алгебра совести», вышедшей в 1982 году. В этой книге показано, что официальная культура Советского Союза принадлежала ко второму типу, что приводит к отсутствию процедуры саморазрешения конфликтов: они либо заканчиваются победой одной из сторон, либо ликвидируются вышестоящей инстанцией. Этот факт представлялся В. А. Лефевру исключительно важным, поскольку он позволял предсказать характер трудностей, с которыми должно было столкнуться советское общество при попытках перехода к рыночной экономике и резкой демократизации.

Что собой представляет рынок с социально-психологической точки зрения? Это огромное множество конфликтов, каждый из которых, разрешаясь, превращается в сделку. Система могла начать успешно работать лишь при условии, что участники способны уступать друг другу, сохраняя при этом свое индивидуальное достоинство. Если же индивидуальное достоинство при уступке только падает, то рынок сам собой заработать не мог. Выход мог бы состоять в массивном рефлексивном управлении, внедряющем принципы взаимного сотрудничества, по крайней мере, на экономической арене. При современных возможностях систем массовой коммуникации это является реальной задачей. Целью такого управления должно было бы стать повышение самоуважения участников конфликта в случае его разрешения, а не в случае его провала. Такое управление могло проводить только государство, взяв на себя как функцию гаранта частной собственности, так и функцию стимулятора чувства собственного достоинства у миллионов людей, вышедших на экономическую арену.

В соответствии с выводами многих аналитиков, этого не произошло, потому, что группа гарвардских специалистов, приглашенных для разработки проектов российских экономических реформ, основывала свои рекомендации на теоретических

идеях традиционной макроэкономики, в фундаменте которой лежит модель рационального субъекта. В соответствии с такими взглядами, государство должно полностью устранить свое влияние на функционирование экономической системы, что и осуществлялось реформаторами. Однако, как следует из рефлексивных моделей, субъекты, появившиеся на экономической арене, оказались неспособными разрешать возникающие конфликты. Управленческий вакуум, образовавшийся после ухода государства, был заполнен криминальными структурами, которые стали выполнять функции арбитров в массовых экономических конфликтах. Государство утратило монополию на сбор налогов, а люди стали чувствовать себя глубоко униженными; началась массовая моральная депрессия (что явилось одной из причин демографического кризиса.)

Российские реформы показывают, что представления о человеке как о чисто рациональном экономическом (одномерном) существе, являются недостаточными и не позволяют понять глубокие причины конфликтов, раздирающих сегодняшний мир. Эти конфликты носят в большей степени моральный, чем экономический характер, поэтому для прогнозирования будущего необходимо научиться создавать модели, в которых моральное измерение человека было бы представлено в ясных научных терминах [6, 7]. Предложенная В. А. Лефевром концепция рефлексивного управления успешно справляется с анализом класса управленческих ситуаций, в которых управляемый объект имеет собственные цели, отличающиеся от целей управленца. Действия такого «объекта» уже недостаточно представлять по бихевиористским схемам «стимул-реакция». Поэтому базой концепции рефлексивного управления стал конфликт, представляющий собой предельный случай ситуаций описанного типа [8].

5. Общий язык и социальные институты. Для управления конфликтами и общественными изменениями отечественными методологами было проведено расширение лефевровской концепции рефлексии, в частности, за счет введения в нее понятия социокультурного института. Для субъекта «планируемых» общественных изменений институты становятся предметом рефлексивного осознания, ставятся цели на преобразование, разрабатываются методологические подходы к рефлексивному управлению общественными процессами, основанные на сочетании анализа рефлексивных процессов и институционального анализа [8].

Комплексный научный подход требует вернуть описанию психологических процессов управления, которые строились на схемах бихевиоризма, представляющих психику как «черный ящик», их духовное содержание. Бихевиоризм порождает кибернетические схемы управления, успешно работающие в ситуациях, когда управляемый объект не имеет собственных целей, а лишь реагирует на воздействия управленца. Аппарат анализа рефлексивных процессов, успешно примененный к задачам менеджмента и конфликтологии, можно приложить к актуальным проблемам управления общественными процессами – таким, как осуществление «планируемых» изменений общественного устройства, реформирование различных сфер политической и хозяйственной жизни, институциональные преобразования и т. п. [9].

При использовании рефлексивного метода традиционный объект управления уже не является полностью внешним управленцу (как в естественнонаучной традиции для технических и биологических систем): вместо объекта теперь надо рассматривать конфликт, частью которого является сам управленец.

Ситуация реформирования в России все время выходит из-под контроля в полном соответствии с выводом В. А. Лефевра о том, что «объект» всячески пытается быть неадекватным знанию о нем, имеющемуся у управленца, «просчитывает» это знание и непрерывно «уходит» от него, делая его неверным.

Примером подобного «злонамеренного» поведения объекта управления является реакция бизнес-сообщества на нововведения в налоговом законодательстве. Это относится и ко всем российским реформам в целом, поскольку в соответствии с основными правами и свободами, закрепленными в Конституции, за гражданами, а также негосударственными предприятиями и организациями сохраняется автономия.

Объект управления, за которым признается автономия, неизбежно будет проявлять самостоятельность, не совпадающую с замыслами управленца. Кроме ограниченной сферы, где можно управлять макроэкономически, опираясь на бихевиористскую схему «стимул-реакция», управлять ходом общественных процессов если и можно, то только рефлексивно.

В настоящее время технологии рефлексивного управления успешно используются в рамках маркетинга и предвыборных компаний, однако в процессах реформирования общества рефлексивное управление не выходит за пределы локальных PR-акций [10]. Концепция рефлексивного управления подразумевает, что «объект» не лишается свободы воли, но как бы дедуктивно «выводит» решение, предопределенное грамотным управленцем.

Эта схема основана на понимании рефлексии, являющемся расширением ее традиционного философско-психологического понимания как способности осознавать себя, отдавать себе отчет в ходе своих мыслей и действий, способности контролировать их. В понятии рефлексии, предложенном В. А. Лефевром, все перечисленные способности относятся управленцем не только к себе, но и к тому «социальному объекту», которым он пытается управлять.

Рассматриваемое понятие рефлексии само основано на ряде допущений:

А – сознание, «отражающей способностью» которого является рефлексия, схематизировано как плоское «табло», лишенное измерения глубины, не способное понимать другого, а могущее лишь «принять его в расчет»;

Б – «разум» управленца и «объекта» должны быть «одной природы», относиться к одному типу рациональности или к таким типам, чтобы управленец мог понимать и «просчитывать» управляемого;

В – «объект» должен быть либо единым, либо популятивным, т. е. представлять собой множество однородных объектов, удовлетворяющих условию Б.

Применительно к общественным изменениям очевидно, что все три допущения нарушаются.

Так, общество можно рассматривать как единый объект лишь на очень высоком уровне абстракции, отвлекаясь от автономии индивидов. А общество, состоящее из индивидов, наделенных правами и свободами – гражданское общество – можно рассматривать как множество однородных объектов лишь при условии его монокультурности и лишь в стационарной ситуации. В ситуации же общественных изменений мы обычно сталкиваемся с набором «объектов», живущих в разных исторических эпохах и (или) относящихся к разным культурам. Гетерогенность набора объектов нарушает условие однородности В.

То, что объекты отделены друг от друга и от управленца культурной и (или) исторической дистанцией, приводит, во-первых, к различию присущих им типов рациональности – то есть нарушению условия Б, и, во-вторых, к необходимости рассматривать его в исторической глубине, поэтому не выполняется и допущение А.

Ситуации общественных изменений (со сдвигами и преобразованиями социальной структуры), особенно в условиях поликультур, порождают социальные и культурные конфликты. Как показывает исторический опыт последних десятилетий, эти конфликтные ситуации не идут «вразнос» и становятся разрешимыми лишь тогда, когда имеются (или удастся создать) адекватные социокультурные институты, способные выполнить функцию стабилизации общественной динамики.

Такая социальная функция институтов становится возможной благодаря наличию у них направляющих идей, оформленных формальными процедурами, применяемыми в том числе и для разрешения социальных конфликтов. И, напротив, при осуществлении этих процедур стороны конфликта обращаются к принципам и направляющим идеям, т. е. осуществляют социальную рефлексивность. Поэтому инструментарий для работы с подобными ситуациями должен представлять собой синтез средств анализа рефлексивных процессов и институционального анализа.

При этом логические связи, схемы и формальные процедуры могут соединять в последовательности мысли, высказанные различными людьми, которые становятся в этом случае участниками коллективного процесса мышления. Соответствующий коллектив людей использует некоторый «общий язык», логические правила, схемы, процедуры и т. п. как средства организации общего для них процесса мышления. Иными словами, процесс коллективного мышления опосредован, т. е. организован с помощью этих средств, без которых невозможно согласованное протекание процесса. При этом сами средства имеют интерсубъективный (т. е. надиндивидуальный) социально значимый характер, что дает право называть опосредуемый ими коллективный процесс мышления социально-организованным [11].

Можно выделить два важных типа опосредования социально-организованного процесса мышления: семиотический (знаковый) и институциональный. Институты представляют собой эффективный тип посредников, и это хорошо видно на примере состязательных институтов правосудия и законотворчества, в которых характер мышления является социально организованным и коллективным.

В состязательных институтах в каждый конкретный момент интеллектуальные функции мышления, понимания, рефлексии и т. д. так распределены между участниками коллективного процесса, что вклад любого из участников является принципиально частичным, и субъектом мышления оказывается не человек, а институт [12]. Приговор выносит суд, закон принимает парламент, в которых существуют процедуры, организующие коммуникацию участников в единый процесс [13].

Состязательный институт переоформляет конфликтную ситуацию в процессе коммуникации сторон по «логике процедуры» и оказывает регулятивное действие, создавая «идеальную добавку», что приводит к сдвигу конфликтной ситуации. В более общем случае применительно к рефлексивным процессам вокруг социальных и культурных конфликтов можно говорить не о состязательных институтах, а о «коммуникативных форумах» [14], часть которых организована как состязательные институты с четким процессуальным регламентом (суд, парламент), другие же имеют форму «более свободных» публичных пространств.

Примером могут служить салоны, которые в XVIII веке служили основным пространством существования философских споров, причем таким, который придавал этим спорам социально-политическое значение в национальном и даже европейском масштабе. Применительно к одному из важнейших правовых институтов – суду – представления об институциональном опосредовании можно развернуть в схему правового пространства состязательного суда (слой событий и свидетельств; слой суждений и интерпретаций; слой квалификаций и обоснований). Вокруг парламента, понимаемого как состязательный институт, взаимодействующий с другими «институциональными компонентами» государственной власти в рамках права, образуется сходное по структуре политико-правовое пространство (слои политических событий, политической коммуникации и легитимизации) [14].

Этот принцип (соответствия структур политико-правового пространства и пространства состязательного суда) можно распространить и на устройство других коммуникативных форумов и публичных пространств, в которых представляются интересы различных единиц гражданского общества.

Коммуникация в гражданском обществе не управляется из какого-либо единого центра и осуществляется одновременно во множестве независимых точек. Возникающие конфликты интересов разрешаются за счет введения социальных норм состязательным путем. Носители сталкивающихся интересов либо приходят к компромиссу в дискуссии на том или ином «коммуникативном форуме», либо «расходятся» по разным форумам, и проблема переносится на уровень конкуренции между ними. То есть, разворачивание дискурсов в пространстве социальной коммуникации опосредовано социальными нормами и институтами, в том числе состязательными.

И хотя на высказывание мыслей в гражданском обществе нет принципиальных социальных ограничений, мышление в коммуникативном пространстве становится социально-организованным. Иначе говоря, гражданское общество может рассматриваться как пространство социально-организованного мышления, создающего рамки собственной рефлексии путем разработки направляющих идей и институтов, образующих базис социальной организации.

При разворачивании дискурсов в этом пространстве задействуются оба отмеченных выше типа опосредования – семиотический (через поиск общего языка и формирование коммуникативной среды) и институциональный (через реализацию направляющих идей в институтах) – которые теперь можно понимать как два аспекта процесса социально-организованного мышления в гражданском обществе, определяемые двумя различными подходами [8].

6. Управление в социально-экономических системах. Очевидно, что необходимо корректировать основные представления об управлении в социальных системах как «воздействии субъекта на объект». Отношения при этом являются не субъект-объектными, а субъект-субъектными, при которых необходимо проводить согласование целей, интересов и ценностей обеих сторон.

При этом возможны две альтернативные *схемы взаимодействия* субъектов различных культур:

1. Иной → Чужой → Враждебный → *Уничтожение*.
2. Иной → Дополнение → Сотрудничество → *Синтез*.

Для реализации второго сценария прежде всего необходимо установление диалога (полилога).

Очевидно, что необходимые ограничения свободы субъектов в процессе их взаимодействия и установления связей будут значительно зависеть от способа взаимодействия и могут привести к снижению эффективности их деятельности как индивидуумов, но могут привести и к появлению синергетического эффекта, дающего возможность получения результата, не достижимого в процессе раздельной работы.

Поскольку рыночная экономика ни социально, ни экологически не ориентирована и подвержена кризисам, человеческая цивилизация находится в общем кризисном состоянии: как планово-директивная, так и рыночная экономика оказались не способными к решению глобальных как экологических, так и социально-экономических проблем.

Поскольку классическая экономическая теория со времен А. Смита и Д. Рикардо считает эгоистический интерес и конкуренцию единственной реальностью, на основе которой можно объяснить и предсказать поведение субъекта, то закон выживания сильнейшего считался общим законом эволюции для природы и общества.

На самом деле не менее важным законом по сравнению с законом конкуренции как в природе, так и в обществе, является закон кооперации. Поэтому «чистый рынок» не может обеспечить устойчивое развитие, поскольку устойчивость системы обеспечивается взаимозависимостью элементов и сбалансированностью процессов (в первую очередь их цикличностью).

Конкуренция в условиях «чистого рынка» (при достаточном времени) неизбежно должна приводить к монополизму, так как должен выживать «наиболее приспособленный». Реально же выживает множество организмов (субъектов), в том числе и не вполне совершенных. В природных и общественных системах работает своеобразное «антимонopolное законодательство».

Биологом Г. А. Заварзиным даже сформулирован тезис «анти-рынка» в природе: «Конкуренция не служит первостепенным фактором при заполнении ячейки в пространстве логических возможностей, образуя путем наложения внешних условий на потенциальные способности живых существ к соответствию этим внешним условиям. Эволюция представляется как серия последовательно сменяющихся систем живых организмов, взаимодействие между которыми обеспечивает устойчивость всей организации» [15].

Не существует независимой эволюции элементов природных (социальных) систем, а устойчивость их обеспечивается разнообразием взаимно дополняющих друг друга групп организмов (субъектов). Системы взаимодействия в сообществах образуют различные ниши, которые могут заполняться организмами (субъектами), способными на это. Внутри ниши в простейших случаях конкуренция может осуществляться по правилам рынка. Развитие в биосфере осуществляется сверху вниз: ее эволюция как целого определяет спектр возможностей существования входящих в нее экосистем, внутри каждой из которых точно также создаются логические возможности для входящих в нее компонентов. Пути же реализации этих возможностей могут быть различными.

Развитие кооперативного микробного сообщества на ранних стадиях развития Земли за счет взаимодействия с геохимической средой обеспечило устойчивость биосферы и привело к появлению системы разнородных растительных и животных организмов, в том числе через фотосинтез – к возможности использования внеземной энергии – энергии Солнца. Человек – целостный сложный природный и социокультурный феномен и может быть лишь очень упрощенно представлен как «хомо экономикус». Как участник рынка, охваченный духом «потребительского индивидуализма», он стремится к максимальному увеличению своих прибылей, но как гражданин страны, житель города, член семьи и т. д. человек имеет другие интересы и ценности, и они не могут быть реализованы через решения, которые человек принимает как участник рынка. Необходимы коллективные решения, социально-организованная семиотическая (через поиск общего языка и формирование коммуникативной среды) и институциональная (через реализацию направляющих идей в институтах) деятельность.

Наряду с проблемами глобализации и многообразием экономической жизни происходит усиление тенденций социализации и гуманизации, возрастает роль социокультурных аспектов в экономике. Повышение значимости кооперационных процессов приводит к развитию не только материального, но и управленческого труда, не только технологических, но и информационных, психологических, нравственных мотивационных составляющих, не только внешнего правового регулирования, но и внутреннего – ценностного. При развитии этого процесса возрастает роль общественного сознания и формируется «гражданское общество» [16].

Библиографический список

1. НП «Экономическая экспертная группа». Общество, бизнес, власть // Альманах ассоциации независимых центров экономического анализа (2002-2005 гг.). – 2005. – Выпуск 10, октябрь. – С. 203–221.

2. Карпов, В. В. Концепция стратегического развития города Омска / В. В. Карпов, А. А. Колоколов, В. М. Лебедев, В. В. Лизунов и др. / Администрация города Омска. – Омск: 2002. – 100 с.

3. Лепский, В. Е. «Бессубъектность» – главный источник угроз безопасности и развития России / В. Е. Лепский, Н. И. Архипова, В. В. Кульба // Проблемы управления безопасностью сложных систем: Тр. X Междунар. конф. (Москва, декабрь 2002 г.). – Часть 1. – М.: Изд-во РГГУ, ИД «МПА-Пресс». – С. 79–81.
4. Лепский, В. Е. Глобальное информационное общество и информационная безопасность России: проблема становления стратегических субъектов: матер. «Круглого стола» (Москва, Институт Европы РАН, 21 марта 2001 г.) / В. Е. Лепский. – М., 2001.
5. Аршинов, В. И. Становление субъектности российской цивилизации: философия и постнеклассический анализ / В. И. Аршинов, В. А. Буров, В. Е. Лепский // Рефлексивные процессы и управление: тез. V Междунар. симпоз. (Москва, 11–13 октября 2005 г.). – М.: Институт философии РАН, 2005. – С. 23–25.
6. Лепский, В. Е. Где искать истоки демографического кризиса? / В. Е. Лепский, В. А. Лефевр // Независимая газета. – 2000, 22 ноября.
7. Лефевр, В. А. Конфликтующие структуры / В. А. Лефевр. – М.: Советское радио, 1973.
8. Марача, В. Г. Рефлексивное управление общественными изменениями и социокультурные институты [Электронный ресурс] / В. Г. Марача. – Режим доступа: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/41>.
9. Попов, С. В. Методология организации общественных изменений / С. В. Попов // Кентавр. – 2001.
10. Шампань, П. «Делать мнение»: новая политическая игра / П. Шампань. – М.: Socio-Logos, 1997.
11. Марача, В. Г. Исследование мышления в ММК и самоорганизация методолога: семиотические и институциональные предпосылки / В. Г. Марача // Кентавр. – 1997. – С. 10–11.
12. Ориу, М. Основы публичного права / М. Ориу. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1929.
13. Мусхелишвили, Н. Л. Ценностная рефлексия и конфликты в разделенном обществе / Н. Л. Мусхелишвили, В. М. Сергеев, Ю. А. Шрейдер // Вопросы философии. – 1996. – № 11. – С. 6–7.
14. Матюхин, А. А. Государство в сфере права: институциональный подход / А. А. Матюхин. – Алматы: Высшая школа права «Адилет», 2000.
15. Заварзин, Г. А. Анти-рынок в природе / Г. А. Заварзин // Природа, 1995. – № 3. – С. 46–60.
16. Лизунов, В. В. Проблемы рынка и необходимость нового мировоззрения / В. В. Лизунов. – Омск: Курьер, 2000. – 20 с.

Лизунов Владимир Васильевич — кандидат физико-математических наук, доцент Омского института Российского государственного торгово-экономического университета, директор Омского научно-образовательного комплекса

Дата поступления статьи
в редакцию:
10.02.2010 г.

© В. В. Лизунов, 2010

УДК 37+17.02

Л. М. Марцева

ОБРАЗОВАНИЕ И ЕГО СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕЕ ЯДРО

Ключевые слова: модели образования, модернизация, социальная стратификация, социальное неравенство, нравственность, воспитание моральных качеств, цель образования

Реформирование российского общества на основе либеральной модели продолжается уже третье десятилетие. За это время выросло новое поколение граждан, которое уже замещает и которому предстоит заменить уходящее поколение, еще недавно называемое «совками», что означало отсталость от времени – «непродвинутость», неспособность понять новые тенденции и адаптироваться к новым условиям. Суть «совковости» обосновывалась принадлежностью граждан бывшего СССР к со-

ветской системе воспитания и образования всех уровней. Сейчас этот саркастический термин заменен в лингвистическом дискурсе более мягким именем «ветераны», которое через демографические смыслы указывает на ту же «непродвинутость» и беспомощность в понимании социальной реальности, стратегических целей реформирования российского общества, неспособности освоить поведенческие стандарты в информационном пространстве, а главное компьютер – фетиш и идол современной молодежи. Таким образом, смена поколений актуализирует, *во-первых*, проблему моделей образования и образовательных технологий, а *во-вторых*, тему молодежи, этого, по словам А. С. Пушкина, «нового и незнакомого племени», в руки которого переходит судьба России.

Реформы породили в различных сферах бытия нашего общества множество проблем, которые по своей значимости сосуществуют в состоянии постоянных флуктуаций. Одной из таких социальных проблем на фоне смены поколений является образование, в которое так или иначе включена молодежь. Образование – социальный институт (institute – установление, устройство), генезис которого уходит в глубокую древность.

Социальные институты возникали и формировались в процессе усложняющейся жизнедеятельности людей для упорядочивания, организации и регулирования социальных отношений в различных областях. Суть развития социальных институтов в переходе от бесформенности и беспорядочности общественных отношений к «игре по правилам», от хаоса к порядку (И. Пригожин) в сфере социально-экономической и нормативно-правовой упорядоченности (институты семьи, собственности, коллективной безопасности, здравоохранения и т. д.). В этом ряду и образование, историческая динамика которого обнаруживается как разрушение и замещение старых моделей и стандартов образования новыми. Эти процессы имеют более или менее длительный и хаотичный характер, сопровождаются борьбой «старого» и «нового». В «новизне», в свою очередь, идет борьба между заимствованиями готовых образовательных технологий других стран (это легче и дешевле) и формированием собственных образовательных технологий, отвечающих, с одной стороны, требованиям современного глобального этапа научно-технологического развития, а с другой, культурно-исторической специфике государства (это труднее и затратнее).

Кроме этих и других объективных факторов, историческая динамика социального института образования обуславливается мощным влиянием субъективных факторов. Обучающие и обучаемые, управляющие и исполняющие (воспитатели, учителя, преподаватели вузов), родители и дети – это все живые люди со своими интересами, мировоззренческими и ценностными приоритетами. В этом ряду и многообразие желательных моделей образования. Часть социума является приверженцами классического фундаментального образования, которое вошло в основания советской модели. Это подтверждено конвертируемостью советского диплома на международном уровне, как в виде сотрудничества зарубежных и советских ученых и специалистов в крупных проектах, так и в виде известной «утечки мозгов» – добровольном стремлении людей с советским дипломом выехать или остаться при случае за рубежом для работы. Другая часть, в основном из числа новой российской элиты, стремится получить сама и дать детям европейское образование, в модель которого входит существенный блок гуманитаристики и освоение европейских поведенческих стандартов. Часть социума стремится оградить молодежь от воздействия контркультуры, которая не только транслируется в общественное сознание СМИ, но входит сегодня в качестве модели образования информационного общества в школьные программы и учебники (валеология, «переписанная» история и т. д.). Большая часть населения озабочена проблемой выживания, особенно обострившейся в связи с кризисом, и принимает любую доступную по средствам возможность дать детям или по-

лучить общее и профессиональное образование, не слишком вникая в его содержательную часть.

Примерная дифференциация возможностей доступа к различным моделям образования вырисовывается из сложившейся в современной России социальной стратификации. Директор Института социологии РАН М. К. Горшков на основе общероссийских социологических исследований представил новую социальную реальность российского общества в трех сферах: социальная стратификация, социальное неравенство, социальная повседневность. По его данным, за время реформ в российском обществе сложились «минимум 10 социальных слоев (страт), обладающих собственными устойчивыми и при этом обособленными интересами, уровень и качество жизни которых принципиально различны». По данным на весну 2008 г. две нижние страты объединяют 16 % населения, которое «по своему реальному уровню жизни находится *за чертой бедности*». 3-я и 4-я страты снизу представляют *малообеспеченных*, в составе которых выделяются две подгруппы: 1-я подгруппа малообеспеченных объединяет россиян, *балансирующих на грани бедности* (16 %) – *нуждающиеся*; 2-я подгруппа *малообеспеченных* охватывает россиян, «которые живут на классическом для России уровне малообеспеченности» составляет более четверти населения страны (27 %). С 5-й по 8-ю страты объединяют средние слои, относительно благополучные по меркам российского общества. К ним же автор приплюсовывает представителей 9-й и 10-й страт, которые по меркам общественного мнения принадлежат к верхним слоям населения (6-8 %).

«В итоге, – пишет М. К. Горшков, – в России весной 2008 г. 59 % населения характеризовалось тремя параметрами уровня жизни: *«ниже черты бедности»*, *«на грани бедности»*, и в состоянии *«малообеспеченности»*, а 41 % – представляли относительно благополучные слои населения». Автор в канун кризиса показал, что в «группы риска» входят профессиональные группы, у которых велика вероятность перехода к бедности или малообеспеченности по причине *потери работы*. Прогностика подтвердилась уже с осени 2008 г.: растет безработица, отбросившая массу людей из 41 % «благополучного населения» в зону разных степеней бедности из-за потери работы. При этом в бедности оказываются не столько экономически неактивные граждане (пенсионеры и инвалиды), но именно экономически активное население. Автор пишет: «Представители молодого и среднего поколений (до 40 лет) составляют *более трети группы риска*, причем, чем крупнее населенный пункт, тем эта доля выше». Исследования также показывают, что проблема легитимности социального неравенства в России и «преодоления недовольства россиян сложившейся ситуацией заключается не только в повышении зарплат бюджетникам или пенсий пенсионерам, а в общем изменении правил «игр», сближении этих правил с теми представлениями о справедливости, которые являются краеугольным камнем для российского национального самосознания» [1]

Кризис показал следующее:

- *во-первых*, новая модель образования не предусматривает баланс специалистов для непроизводительной и производственной сфер национального хозяйства;
- *во-вторых*, наличие диплома о высшем профессиональном образовании не гарантирует работу;
- *в-третьих*, невероятное «падение нравов» специалистов, подготовленных в новой модели образования, когда культ денег оттесняет нравственность за грань национальной безопасности.

В отличие от других социальных институтов (армия, искусство, пенитенциарная или банковско-финансовая системы и т. д.) социальный институт образования в XX-XXI вв. охватывает практически все население, как отдельных государств, так и мирового сообщества, т. е. оказывается полем столкновения, борьбы интересов и приоритетов подавляющей части социума. Поэтому для перехода сферы

образования от хаоса к порядку объективно требуется время и субъективно социально продуктивная воля всего общества. Новая модель образования требует перехода к системности и иерархии, устойчивым формам и адекватному национальным интересам содержательному наполнению, социально значимым целям и запросам общества, включая прогностику и мегатренды мировых культурно-исторических процессов.

Особенностью эволюции и исторической динамики социального института образования является его преемственность и глубокая укорененность в традиции различных обществ и государств. Для России – системообразующим ядром образования являлась во все времена нравственность, воспитание моральных качеств специалистов всех уровней. Воспитание в рамках профессионально-квалификационной подготовки культуры и нравственно накладывают табу на злоупотребления, бесчестие, корыстолюбие, профессиональную и гражданскую безответственность личности, независимо от ее профессионального выбора. Нравственное ядро образования в России традиционно связано с православной этикой и системой ценностей. Трансляция ценностного ядра образования осуществляется через вековые традиции отношения к своему делу и личному достоинству через вековые традиции российской цивилизации. Это обусловлено, прежде всего, языком – носителем и транслятором ментальной специфики восприятия отношений «мир – человек» в различных культурно-исторических типах общества (Н. Я. Данилевский) или локальных цивилизациях (А. Тойнби, О. Шпенглер и др.). И не случайно радикальные реформы образования раньше или позже сопровождаются открытыми заявками на реформы языка, как это совсем недавно произошло с попытками «завести» общественное мнение на реформу русского языка. Подобные аллюзии (allusion – шутка, намек) во многих странах заканчиваются принятием Законов об охране национального языка (Франция, Германия, др.) или демонстративной поддержкой национального языка средствами культуры и технологиями межкультурных коммуникаций (Китай, Япония, арабский мир, др.).

Язык – это способ мышления, «душа народа», живой организм, который сам отбирает и усваивает тезаурус – понятийный ряд новых эпох, вырабатывает защитные механизмы от засорения инословным излишеством, рождает новые имена для новых вещей (А. Ф. Лосев), самоочищается и развивается. Вместе с иноязычной лексикой в живой организм культуры приходят новые феномены, посягающие, искажающие или прямо замещающие духовно-нравственные ценности, способы мышления и образ жизни (в России XX века – марксизм, сегодня это «евростандарт» и права человека), моральные основания и поведенческие стереотипы бытия народа. В отличие от выстрадавшего и выросшего в недрах собственной культуры образования с нравственной доминантой все заимствованные образовательные новации приходят с языком и транслируются в общество через масс-медийные технологии, а внедряются в систему образования нередко вопреки общественному мнению.

История России показывает удивительные примеры могучего охранительного потенциала русского языка – ядра нашей национальной культуры. В русском языке много тюркизмов, оставшихся со времен монголо-татарского нашествия и успешно адаптированных в русском лингвистическом потоке. Экспансия немецких заимствований во времена Петра I и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (в образовательных учреждениях, начиная со школы, приоритетным было изучение немецкого языка) также завершилась самоочищением русского языка от излишних заимствований и адаптацией необходимых слов в русском лингвистическом варианте. Французскую языковую экспансию в XIX веке Россия пережила, а Л. Н. Толстой описал в «Войне и мире». И вновь часть французских заимствований оживила русский язык, а излишества ушли вместе с эпохой. Современная англомания отечественных элит и доминирование изучения английского языка во всей системе совре-

менного образования, очевидно, также успешно будет «переварена» русским языком с полезной для его развития адаптацией нужных для обозначения общемировых явлений слов.

В культурологическом аспекте наиболее явственно выражено, что экспансия инокультурных заимствований приходится на переломные периоды истории России: революции, войны, реформы, которые оказываются важнейшим фактором воздействия на институциональную структуру образования. Эти обстоятельства тяжелее всего переживаются обществом, т. к. реформирование или модернизация образования всегда затрагивает предельно чувствительные сферы исторического сознания и культурно-исторических традиций нации. Именно на основании обозначенных подходов можно анализировать современные процессы модернизации и реформирования социального института образования.

Генезис социального института образования в России восходит к просветительской деятельности святых равноапостольных Кирилла (812–869) и Мефодия (815–885), составивших в 863 г. первую славянскую азбуку для перевода богословских текстов. В 861–862 гг. в Крыму Кирилл и Мефодий крестили 200 семейств, и с этого времени на Руси была создана первая Сурожская (современный г. Судак) епархия, указанная тогда же на 61-м месте в общем списке в Константинополе [2]. В память об этих событиях ежегодно в России отмечается День Славянской письменности. Наряду с глаголицей кириллица оказала важнейшее воздействие на массовое просвещение славянских народов. Официальной дате Крещения Руси в 988 г. предшествовало продолжительное время постепенной христианизации славянских племен. Среди ряда исследований и документальных подтверждений этому сошлемся на «Повесть временных лет». Из летописи известно, что при заключении договора с православной Византией в 944 г. (или 945 г.) часть воинов князя Игоря подтверждала свою верность договорным условиям в храме святого Илии, а другая клялась в этом перед идолом Перуна [3]. Но уже при князе Владимире в Киевской Руси стали создаваться первые школы грамоты – обязательного для всех элементарного обучения чтению и письму. Место учебной литературы занимали Библия, Евангелие, Жития святых. Подтверждением социокультурного эффекта школ грамотности служит найденный в 1792 г. древнейший памятник русской культуры – Тмутараканский камень (1068 г.) – мраморная плита с высеченным на русском языке указанием расстояния между Тмутараканью (современная Тамань) и г. Корчевым [4]. С XIX в. школы грамоты стали 1–2-х годичными, в 1891 г. были переданы Синоду на правах церковно-приходских школ. Можно признать, что это был успешный вариант массового первоначального образования. В XXI в. церковно-приходские школы восстановлены в правах и действуют при церквях. Это особенно важно, т. к., к сожалению, в современной России детская безграмотность и «воспитание» вне школы обусловлены детской беспризорностью.

Экскурс в историю образования в России позволяет вычленировать специфику именно российской цивилизационной особенности социального института образования. Суть ее в том, что отечественная образовательная модель включает две взаимосвязанные задачи. *Во-первых*, и это главное – образование *традиционно актуализирует воспитание*, формирование и совершенствование личности. Именно эта составляющая образовательных технологий уходит корнями в приведенный выше исторический экскурс. *Во-вторых*, изучение общеобразовательного комплекса гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, включая новейшие достижения мировой науки. Этот второй блок задач образовательного процесса является подготовкой к нравственно осмысленному выбору профессиональной деятельности человека. Начиная с младшего школьного возраста, обнаруживаются индивидуальные способности и дарования человека, которые могут определить его профессиональный путь. Но до настоящего времени проблема выбора профессии измеряется не только

денежным эквивалентом, тем более что опыт реформ подтвердил в очередной раз христианский догмат: деньги – ненадежный капитал и земное богатство тленно. Проблема выбора связывается также не только с перспективами карьеры, «успешности и эффективности» и самоутверждения. Много молодых людей и сегодня выбирают тяжелые, но социально необходимые профессии: армия, медицина, геология, биология и т. д.

Вторая составляющая образования исключительно динамична по объективным причинам ускоряющегося технико-технологического и научного развития человечества. Историческое время в пределах научного и технического прогресса все больше уплотняется, и одна человеческая жизнь уже сейчас вмещает совершенно разные этапы технологического оснащения бытия. Информационные технологии, захватившие не только умы, но и души современных детей, окажутся глубокой архаикой для их же внуков. Поэтому современная общеобразовательная и профессиональная подготовка, как и в предшествующие эпохи, не должна заслонять главной цели образования, включающей вечные, непреходящие смыслы бытия, связанные с осмыслением временности пребывания человека в этом мире и ответственности за свои поступки. Моральные качества личности – вот первая и центральная цель или направление образовательных программ и технологий новейшей истории. Современный мир обладает научным, техническим и технологическим потенциалом, сопряженным с опасностями полного уничтожения мировой цивилизации. Сама техносфера сегодня ставит пределы креативным энергиям человека, безнравственного и бездуховного (бессовестного). Именно техносфера актуализирует учение о ноосфере В. И. Вернадского и его последователей как об осмысленном и осознанном нравственном императиве (Н. Н. Моисеев) в социальной практике людей.

В христианской антропологии человек создан по образу Бога. Сам смысл слова «образование» от «образа» человека по подобию Бога. Это означает, что приоритеты в образовании традиционно отдавались и должны отдаваться формированию моральных, духовно-нравственных, идеальных качеств личности. Индивид через образование проходит этапы социализации как личности с развитым чувством справедливости, долга перед другими людьми, ответственности за свои поступки и свое дело. И. В. Киреевский писал: «Грамотность и вообще первоначальное обучение народа может быть полезно и вредно, смотря по характеру самого обучения и тем обстоятельствам, в которых находится обучаемый класс. Полезная сторона образованности всем очевидна и всеми признана. Обыкновенно думают, что она исправляет и развивает понятия о религии и нравственности, облегчает и расширяет частную деятельность, смягчает нравы, сближает классы, открывает дорогу дарованиям необыкновенным, часто затерянным и зарытым в невежестве, дает возможность к познанию законов, помогает уничтожению злоупотреблений судопроизводства, приготавливает развитие общей государственной справедливости, расширяет потребности жизни, ускоряет обращение капиталов и пр. и пр.».

Далее И. В. Киреевский формулирует ряд вопросов, высвечивающих системообразующее ядро образования: что если понятия, получаемые народом посредством грамотности, будут неистинные, или вредные? Если нравственность высших классов хуже народной и, следовательно, большее сближение с ними ослабит нравы и привычки добрые, вместо того чтобы просветить и просветлить их? Если большее познание законов не увеличит чувства законности? Подробно рассматривая возможные ответы на эти и другие вопросы, замечательный русский мыслитель делает выводы. Вот некоторые из них: 1) «направление народного образования должно стремиться к развитию чувства веры и нравственности преимущественно перед знанием»; 2) «методы образования в школах должны сообразовываться с самою целью обучения»; 3) методы образования «должны клониться к быстрейшему сообщению

возможно больших сведений о предметах нужных при возможно меньшей книжности и к соединению истин практических с нравственными» [5].

В системе образования, даже в периоды его секуляризации, отделения от церковного влияния, все же не прерывалась воспитательная доминанта. Пример тому советский период отечественной истории, где вместе с героикой защиты Родины от различных военных нападений, дан потрясающий воображение пример героики труда. Цель советской модели образования состояла в том, чтобы высвободить огромный потенциал народной (именно массовой) энергии и направить его на решение задач созидания сильной, трудолюбивой и уютной для жизни страны. Нам не хватило времени: с 1945 г. по 1984 г. («перестройка») прошло меньше 40 лет. За это время народ, измученный и израненный (инвалиды возвращались с фронтов, партизанских отрядов, оккупированных территорий, блокадники и т. д.) войной, переживший потери в каждой семье, уничтожение всего производственного потенциала и инфраструктуры до Волги (Сталинград), вышел в космос, держал паритет сил в мире, восстановил все хозяйство и развернул промышленность за Уралом, включая Саяно-Шушенскую ГЭС, целину, БАМ. Советская модель образования воспитывала и готовила профессионалов – тружеников, а не трутней. Если сравнивать объективно с длительностью и результатами современных реформ в РФ, то очевидны преимущества советской модели образования перед нынешними римейками западных образовательных моделей. Ядром советской модели долгое время оставалась нравственность, даже и до сих пор сохранившаяся в «совках», чем они и раздражают эффективных «профи» всех уровней.

Как показывает мировой кризис, сегодня в зависимости от образования оказались реальное производство и производительный труд. В современном российском обществе сложились серьезные диспропорции в системе занятости между реальным производством и непроизводственной сферой. Особенно очевидно проявились перекосы в подготовке кадров в 2009 г., когда выпускники вузов гуманитарных специальностей оказались невостребованными на рынке труда. Частично невостребованными на рынке труда оказались и выпускники медицинских, аграрных, инженерно-технических специальностей, от которых работодатель вынужден отказываться из-за слабого уровня и качества профессиональной подготовки. Неоправданное потребностями общества распределение работающей части населения между производственной и непроизводственной сферами является, наряду с другими, следствием ценностных ориентаций и сформировавшейся мотивационной системой. Главными приоритетами для вступающей в трудовой возраст молодежи стали, если можно так выразиться, «большие и быстрые деньги» за непродолжительный и нетрудный труд. Сложившееся в западноевропейской цивилизации, включая США, общество потребления, потребительские стандарты которого в качестве образцов транслируются средствами культуры и информационными технологиями в общественное сознание российского социума, воспроизводит модель чувственного типа культуры. Чувственный тип культуры, по определению П. А. Сорокина, базируется не на морали и нравственности, а на принципах удовольствия.

В то же время, насыщение новой модели образования в России должно наполняться нравственными смыслами. Примером могут служить «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятые еще в 2000 г. и прошедшие мимо внимания идеологов и практиков всего института образования. В главе VI «Труд и его плоды» с опорой на Библию и писания святых отцов дается весь категориальный ряд, описывающий *сущность* и *существование труда* во всеобщих характеристиках, приемлемых для светского дискурса: «Труд является *органическим* элементом человеческой жизни. В книге Бытия говорится, что вначале *не было человека для возделывания земли* (Быт. 2, 5); создав райский сад, Бог поселяет там человека, *чтобы возделывать и хранить его* (Быт. 2, 15). Труд – это творческое

раскрытие человека, которому в силу изначального богоподобия дано быть сотворцом и соработником Господа. Однако после отпадения человека от Творца изменился характер труда: *в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься* (Быт. 3, 19). Творческая составляющая труда ослабла; он стал для падшего человека *преимущественно* способом добывания средств к жизни» [6].

Что здесь важно для целеполагания образования?

Во-первых, христианская антропология рассматривает труд как *естественное*, Богом данное свойство человека, *органическую и неотъемлемую* часть его жизни, отличающую человека от всего тварного мира.

Во-вторых, *целеполагание* труда также определено Богом: ухаживать за землей, облагораживать, обустраивать и украшать ее своим трудом, т. е. именно *вступать* «во взаимоотношения с природой» в качестве со-творца и со-работника Бога. *Вопрос морали* – следует ли уничтожать и «покорять» природу варварским способом в корыстных целях или оберегать ее в том виде, в котором хранится Божий замысел о ней. Этот вопрос о *гармоничных взаимоотношениях с природой* и должен быть в поле образования.

В-третьих, труд, являясь и до и после грехопадения атрибутивным свойством человека (!), после грехопадения человека изменяется: кроме *приносящего радость сотворчества с Богом* труд превращается в нелегкое, а нередко и очень трудное дело по добыванию средств для жизни – *труд в поте лица*.

Отсюда следует, что целью новой модели образования должно быть воспитание *нравственного отношения к труду*, включая достойную его оценку и *ликвидацию трудовой бедности*. В модель образования должны войти лучшие образовательно-педагогические технологии трудового воспитания молодежи. Не развлекать, а прививать трудовые навыки нужно сегодня в образовании всех уровней.

Что изменилось в человеке со времен его грехопадения? Да, человек *создал изобилие продуктов и благ*, готовых к потреблению, включая потребление информации. Да, он *освоил промышленные способы* создания бесконечного количества вещей, интеллектуальной продукции, способов удовлетворения самых изощренных потребностей. Но означает ли это, что изменился сам человек? *Искупил грехопадение?* Стал безгрешным и достойным радостной жизни и *легкого труда* в постэкономическом информационном обществе *без «пота лица»*? Церковь предупреждает: «Совершенствование орудий и методов труда, его профессиональное разделение и переход от простых его форм к более сложным способствует улучшению материальных условий жизни человека. Но *обольщение достижениями цивилизации удаляет людей от Творца*, ведет к *мнимому торжеству рассудка*, стремящегося обустроить земную жизнь без Бога. Реализация подобных устремлений в истории человечества всегда заканчивалась трагически» [7].

Социологические и криминалистические описания современного российского общества не подтверждают, что граждане России в массе своей стали счастливее, нравственно и физически здоровее, обретя за время реформ технические новинки, много вещей, разнообразной еды и удовольствий. Отсюда вывод: цель образования в новой формирующейся модели – личная нравственность каждого гражданина России на основе национальных культурно-исторических традиций.

Библиографический список

1. Горшков, М. К. Российское общество в социологическом измерении / М. К. Горшков // Социологические исследования. – 2009. – №3. – С. 16–17, 21.
2. Энциклопедический словарь русской цивилизации. – М.: Изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2000. – С. 403.
3. Повесть временных лет / Памятники литературы Древней Руси. Начало русской лите-

ратуры. IX – начало XII века. – М.: Художественная литература, 1978. – С. 69.

4. Словарь исторических терминов. – СПб.: Лита, 1998. – С. 435, 362.

5. Киреевский, И. В. Записки о направлении и методах первоначального образования народа России / Киреевский И. В. Разум на пути к Истине. Философские статьи, публици-

стика, письма. – М.: Правило веры, 2002. – С. 125–126, 139.

6. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 2000. – С. 79.

7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М.: Изд. Московской Патриархии, 2000. – С. 80.

Марцева Лидия Михайловна — доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, действительный член Петровской академии наук и искусств

Дата поступления статьи
в редакцию:
16 марта 2010 г.

©Л.М. Марцева, 2010

УДК 37.014.542

Г. И. Евсеева

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ДЛЯ РЕФОРМЫ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: реформа и цели российского образования, кризис образования, заимствование западных технологий.

Современные реформы в области образования вызывают крайне противоречивую реакцию у общественности. Это дает повод задуматься над происходящим, над целями реформирования системы образования в России. Обратившись к истории, мы найдем несколько крупных вех, становившихся отправными моментами в развитии российского образования.

Например, это реформы Петра Великого, Просвещенческий абсолютизм Екатерины II, реформы Александра II. Все они проводились на фоне экономического подъема и стремления уменьшить экономическое отставание России от стран Западной Европы. При Петре I образование стало светским и подверглось европейскому влиянию, восприятию иноземных наук, при Екатерине II в 80-е гг. XVIII в. учреждены общеобразовательные школы: четырехклассные главные народные училища в губернских городах и двухклассные малые народные училища в уездных центрах, открыта академия наук. Основанием для реформирования служили как усиление светского влияния, так и открытость перед достижениями и идеями более передовых стран, вызванная необходимостью развивать производство, наращивать экономический потенциал России. В 30-е гг. XIX в. в России начался промышленный переворот — переход от ручного труда к машинному, от мануфактуры к фабрике. Потребовались обученные рабочие. Это обстоятельство вызвало перемены в виде появления новых социальных слоев (разночинцы) и их перераспределения в пользу рабочих (пролетариата), это требовало дальнейших реформ образования. В 1863 и 1864 гг. введено новое положение о школьных учреждениях, по которому заботу о них брали на себя государство, земства и городские думы, а также церковь. Образование провозглашалось доступным для всех сословий и конфессий. Эти примеры показывают: реформирование образования обусловлено ростом производительных

сил, экономическим прогрессом; при этих реформах имевшаяся система образования не разрушалась, а дополнялась и расширялась.

Современное реформирование, с одной стороны, – неизбежный процесс, на который объективно влияют революция в сфере информационных технологий, вхождение нашей страны в рыночную экономику, и, следовательно, необходимость адаптации к быстро меняющимся условиям. С другой – насколько кардинальным, глубинным должно быть реформирование, если очевидно, что на данном этапе страна не находится на пути к экономическому подъему? Достижения отечественного образования на «заре» рынка в России оценивались достаточно высоко. К середине 80-х гг. 89 % работающего населения России имело семилетнее образование (в США – 93,1%), и «это при том, что при Сталине показатель был 12 %» [1, с. 119]. Динамика не требует комментария. Так каковы цели современных реформаций?

Если обратиться к опыту Запада, то, например, в США путь модернизации образования весьма тернист. Распространившееся в России в начале 1990-х гг. под призывы об авторских курсах вариативное образование – всего лишь калька с западных моделей. Например, в США вольница с выбором дисциплин привела к тому, что, если с 1960 по 1970 г. программу «общего образования» с преобладанием неакадемических предметов (вождение, воспитание, домоводство и т. д.) выбирали 12 % учащихся средних школ, то в конце 1970-х – 40 %. Специалисты отмечали снижение показателей основных тестов, рост преступности среди школьников, высокую степень отчуждения молодежи, отрицание ценностей старшего поколения [2, с. 241]. Увеличилось разнообразие форм образовательной деятельности, возросло предложение со стороны провайдеров образовательных услуг. И сами же американцы называли негативное последствие своих нововведений – антиинтеллектуалистская структура выбора элективных курсов (которой парадоксальным образом способствовала сама по себе высокая возможность выбора) [3, с. 270].

Можно было бы посчитать существенной предпосылкой реформ кризис отечественной педагогики под влиянием крушения советского строя. В конце 1980-х гг., как пишет д. пед. н. К. Е. Сумнительный, наметился конфликт между академическими исследованиями и творческими педагогами, авторскими школами. В результате, «фактически пришлось заново отстраивать механизмы взаимодействия педагогической науки и практики» [4, с. 7]. 26 ноября 1992 г. президент РФ Б. Н. Ельцин в выступлении на Первом съезде Российского союза ректоров тесно связал кризис в образовании с глубоким кризисом всего общества, указав, что «коренная причина» кризиса в том, что «десятилетиями высшая школа была привязана к государству, к господствующей системе. <...> Высшая школа была нацелена на воспроизводство антирыночной экономики, антидемократической системы, где нет свободного человека» [5, с. 5]. Первая часть о том, что кризис государства повлек за собой кризис образования, вполне ясна и справедлива. Тезис о том, что высшая школа была привязана к государству, к господствующей системе, не содержит причины кризиса, поскольку а) государственная система всегда господствует, б) образование всегда реализует социальные, педагогические задачи общества, государства, система образования – его инструмент. В понятие «кризис образования» под влиянием политической оценки вкралось ложное основание. Обвинение в том, что высшая школа нацелена на воспроизводство антидемократической системы, неточно. Высшая школа – часть государственной системы и была нацелена на производство специалистов – человеческий ресурс, необходимый государству.

Кризиса в отечественной педагогике в течение первого постсоветского десятилетия не произошло. На фоне крушения идеологии, попыток отнять национальные символы (Великая Октябрьская социалистическая революция, победа в Великой Отечественной войне, национальные герои) общеобразовательная и профессиональная школа усиливала патриотическое воспитание, вводила новые формы

обучения. При рыночном укладе и невзгодах с безденежьем и безработицей школьники и студенты активнее стали осваивать учебные программы, при этом многие стремились к изучению двух иностранных языков, освоению нескольких специальностей. Эта ситуация кризиса в педагогику и образование не внесла. Восприятие в последующем западного опыта на фоне отторжения достижений отечественного вело к утрате рациональности, снижению порога критичности.

Начиная с первого съезда ректоров, на котором диалога между президентом и ректорами вузов не получилось, руководители высшей школы постоянно говорили о порочности насаждения и бездумного приятия западных наработок: «Процесс демократизации образования осуществляется с определенными издержками, – пишет профессор О. Абдулина. – К сожалению, нередко демократизация понимается как отказ от традиций, разрушение сложившейся системы образования, имевшей и признанные всеми достижения» [6, с. 74].

Тяжелое положение России в постсоветский период зачастую объяснялось последствиями советской политики и экономики. На содержание понятия «кризис образования» наслоились впечатления от общей ситуации 1990-х гг. Авторы учебного пособия «Педагогика и психология высшей школы», обосновывая кризис в образовании, перечисляют недостатки, якобы переродившиеся из достоинств отечественного высшего образования под влиянием перехода к рынку [10, с. 10, 12-13]:

«...бесплатная подготовка специалистов и невероятно низкая оплата их труда девальвировали ценность высшего образования, его элитарность в плане развития интеллектуального уровня личности; его статус, долженствующий обеспечить личности определенную социальную роль и материальное обеспечение...» – бесплатная подготовка не девальвировала ценность высшего образования; не бесплатность образования и низкая оплата труда «девальвировала статус, долженствующий обеспечить» «социальную роль», а разрушение экономики, производственной базы. Происходит подмена: нам следствие выдают за причину.

«...чрезмерное увлечение профессиональной подготовкой шло в ущерб общему духовному и культурному развитию личности». Но ведь в советское время студенты имели возможность бесплатно получать различные творческие профессии, утверждать себя не только на поприще основного обучения (А. Розенбаум, М. Жванецкий, М. Задорнов и многие другие).

«...усредненный подход к личности, валовой выпуск «инженерной продукции», невостребованность десятилетиями интеллекта, таланта, нравственности, профессионализма привели к деградации нравственных ценностей, к деинтеллектуализации общества, падению престижа высокообразованного человека. Это падение материализовалось в плеяде московских и прочих дворников с университетским образованием, как правило, личностей неординарных». – Если бы эти слова касались последних 10 лет, но здесь о десятках лет невостребованности интеллекта. Явная фальсификация наводит на мысль, что автор этих строк жил в сознательном возрасте только в постсоветский период. Или в советское время была безработица среди лиц с высшим образованием, или речь идет о 1990-х гг. Ведь интеллект мы теряли в эти годы, и нам было что терять.

«...тоталитарное управление образованием, сверхцентрализация, унификация требований подавляли инициативу и ответственность преподавательского корпуса». – На практике единство требований не есть плохо, к этому всегда стремятся в любой сфере деятельности, стандартизируя ее, причем в последнее время этот процесс превзошел всю унификацию требований советского периода. Сейчас менеджмент качества образования основан на выработке единых стандартов управления, все управление качеством подведено под международные стандарты группы ISO, хотя управление качеством и само качество образования – вещи разные.

«...вследствие милитаризации общества, экономики и образования сформировались технократическое представление о социальной роли специалистов, неуважение к природе и человеку». – Технократическое представление о социальной роли человека заключалось в том, чтобы, трудясь на производстве, он приносил пользу себе, семье и обществу. Отсутствие возможности полноценно трудиться привело к ослаблению государства и его обороноспособности. С каких страниц могла сойти мысль о милитаризации общества при той идеологии создателя, строителя коммунизма, которая насаждалась в массы?

Прямое воздействие на читателя осуществляется начальными словами в каждом абзаце: «низкая зарплата», «усредненный подход к личности», «тоталитарное управление», «милитаризация». Эти умозаключения авторы подкрепляют сведениями о мировом кризисе образования. И это учебное пособие для будущих учителей, которые должны нести эти идеи в массы. Вот оно основание для настоящих реформ в России.

В России изголодавшийся по открытости информации народ воспринимал любые новые сообщения сверхэмоционально, к тому же они преподносились с нарочитой сенсационностью, поскольку так легче управлять массовым сознанием. Задача повернуть общественность к восприятию рыночной экономики с помощью насаждения идеи «кризиса образования» является способом отвлечения средств на борьбу со следствием, а не причиной, которая состоит в разрушении производственного потенциала и лишении граждан права на труд, следовательно, права на закрепление результатов обучения. С помощью такого учебного пособия для будущих педагогов к кризису ведут разрушительные подмены в сознании современной учащейся молодежи, которой предстоит обучение и воспитание подрастающего поколения.

Лишь по прошествии двух десятков лет мы начинаем осознавать, что тема гуманитаризации образования внедрялась в начале 90-х как антипод воспитания человека в условиях «несвободы» советского прошлого, а не как естественное продолжение достижений отечественной педагогической науки. И дискутировалась так активно и долго потому, что российским преподавателям трудно было понять, почему же наше образование, в котором из технарей получаются актеры, певцы, композиторы, поэты, философы, а филологи, ботаники начинают трудовой путь со строительства свинарников, БАМов, линий электропередач, требует гуманитаризации. Лишь теперь становится ясно, что это был первый политический шаг к созданию модели личности, в которой творчество, инициативность (креатив) помогут человеку самоорганизоваться невзирая на отсутствие спроса на его руки и талант в окружающей действительности. Ректор Санкт-Петербургского университета Л. Вербицкая в 1996 году писала: «Мы были субъектами истинного гуманитарного образования, позволившего даже в годы тоталитаризма сохранить традиции мирового и отечественного гуманизма, человеколюбия, патриотизма» [7, с. 84].

Процесс реформирования образования протекал под воздействием субъективных оснований (тоталитарное государство растит человека-машину, винтик). И, в сущности, российская система образования идет сейчас по тому же пути, что США в 70-е гг., – пути снижения уровня фундаментальной подготовки и увеличения доли элективных курсов, получает как результат те же «шишки» – снижение интеллектуального потенциала. На наш взгляд, внедрение элитарного образования, лучшего обучения для деньги и власть имущих идет вразрез с основными положениями рыночной экономики, когда широкая конкурентная среда рождает мощные идеи и предприятия. Предоставление равных прав на образование и равного качественного обучения всем сословиям может дать большие высококачественные интеллектуальные ресурсы государству.

При реформировании образования следует постоянно иметь в виду, что оно – звено более крупной системы, оно обусловлено другими звеньями, и наиболее силь-

но – состоянием производства. Если говорить о рынке, то система образования очень зависима от его потребностей. Анализ использования американского опыта в международных образовательных программах показал: «в развивающихся странах сохраняется спрос на знаниево-ориентированное профессиональное образование и отсутствует осознание быстрорастущего спроса на овладение гуманитарными технологиями» [8, с. 270]. Странам «догоняющим», какой является Россия, необходим производственный потенциал, поскольку всеобщего благоденствия она еще не достигла, да и природно-климатические и географические условия требуют огромного напряжения.

Профессиональное образование – звено трудовой системы, в этом звене закладываются основы для формирования специалиста в дальнейшем. Без применения знаний на практике общество не может получить специалиста высокой квалификации. Ликвидация производства в России сделала образование экономически несостоятельным. Известно, что в среднем лишь к 35–40 годам формируется квалифицированный специалист. Но в настоящее время при отсутствии развитого производства и стихийности, текучести частных фирм, формирование специалистов невозможно. Становятся обремененными трудовые книжки в нескольких томах в связи с бесконечными переменами мест работы (что характерно сейчас именно для молодежи), а то и отсутствие таковых. Государство добровольно отказывается от получения специалистов высокой квалификации, способных обеспечить научно-технический прогресс, тратя деньги не на производство, а отвлекая их на подобные реформы. Профессор Л. М. Марцева пишет: «...стремление... «силовыми» методами проводить реформы социально-трудовых отношений по западноевропейскому образцу противоречит географической и социальной природе хозяйственного развития российской цивилизации. Запредельно низкое физическое и моральное самочувствие нации, считающей труд важнейшей социальной ценностью, показывает, что «ампутация» труда в ходе реформ убийственна для народа» [9, с. 331].

К сожалению, практика показывает, что акценты в целях образования, обучения, воспитания сместились с ценности человека вообще и ценности его для государства (советская педагогика провозглашала цель воспитания гармонической личности, достойного гражданина своей страны) на адаптационную (к законам рынка) и глобальную (независимо от страны проживания) цель. В настоящее время правительство заботит экономическая сторона образования, ведь мы идем по пути сокращения обучения профессиональным навыкам (сокращение сроков и основных программ обучения в рамках бакалавриата, теперь и в рамках школы), но не государственная экономика, при которой должна больше волновать эффективность специалиста, производительных сил.

Таким образом, вызывают сомнения не только предпосылки, основы, но и цель реформирования образования. Реформы в современном понимании – не условие для прогресса и процветания страны, а инструмент для увода государства от гражданина. *Но, если образование станет для государства экономически эффективным, станет ли от этого наше государство экономически состоятельным?*

Обоснованием реформ в российском образовании стало распространение информационных технологий, дескать, они привели к подлинно революционным переменам в сознании. Но научно-технический прогресс обычно приводит не к кризису системы, а к развитию новых методов обучения, разработке и применению новых технологий. Способность или неспособность воспринимать новое может вызвать противоречия, но не кризис. Поставить новые технологии на службу воспитательным задачам общества у нас не получается. Так, при входе на детский или молодежный сайт, сайты с энциклопедиями, рефератами, которыми больше пользуются учащиеся, сталкиваешься постоянно с нагло выпирающей рекламой порнографии и секса. Зато чиновники от управления образованием увлеклись задачей заместить труд

преподавателя по чтению книг, изучению новых материалов, подготовке к лекциям и урокам, проведению внеучебных мероприятий (этим всегда гордилась отечественная педагогика) – заполнением бесконечных отчетных форм в компьютере. При этом забыли посчитать, сколько дополнительного рабочего времени на это понадобится. И поскольку в сутках 24 нерастяжимых часа, то такое «интенсивное использование компьютерных технологий» непременно будет в ущерб качеству образования. Ведь наивно полагать, что можно повысить качество обучения путем подготовки всевозможной отчетности.

Основания, по которым ведутся реформы, обоснованы близко лежащими целями, а не далеко идущими планами будущего России. Автоматический перенос процессов развития других стран на российскую действительность, в частности на образование, ничем не оправдан, он лишает общество самобытности, препятствует развитию российской культуры и науки, отрывает нас от исторических корней. Это звено государственной системы подвергнуто изменениям в отрыве от базисного звена, на которое «завязан» продукт образования – от промышленной отрасли. Реформы образования имеют смысл при созидательной деятельности государства, расширении и интенсификации производства. А этого-то как раз и не наблюдается, в основном развивается сфера услуг. А главное, на реформы отвлекаются ресурсы от строительства национальной экономики, восстановления промышленности, без которой немислим и научно-технический прогресс (кстати, это словосочетание почти вышло из лексикона россиян). Реформы образования, как впрочем, и других сфер деятельности, пока носят адаптационный характер, приспособления к текущей ситуации и сокращения государственных расходов. Политика выживания вряд ли даст через десяток лет положительный результат для развития нашей страны.

Библиографический список

1. Шляпентох, В. Э. Советский Союз – нормальное тоталитарное общество / В. Э. Шляпентох // Социологические исследования. – 2000. – № 2. – С. 117–122.
2. Ср.: в 1910 г. лишь у 15 % взрослых было образование на уровне полной средней школы. – Рыкун, А. Ю. Исследования образования и образовательные практики: возможности взаимовлияния // Американские идеи в гуманитарных исследованиях ученых Сибири: матер. Всерос. науч.-практ. конф. – Вып. 8. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 241–248.
3. Смолякова, Л. Н. О работе секции «Влияние американской системы образования на современную российскую образовательную практику» / Л. Н. Смолякова // Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавании в средней и высшей школе: матер. Всерос. науч.-практ. конф. – Вып. 9. – Томск: Изд-во ТГУ, 2008. – С. 269–270.
4. Сумнительный, К. Е. Инновации в образовании: вымысел и реальность / К. Е. Сумнительный. – М.: Чистые пруды, 2007. – 48 с.
5. Первый съезд Российского союза ректоров. Речь президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина // Высшее образование в России. – 1993. – № 1. – С. 5–10.
6. Абдуллина, О. Демократизация образования и подготовка специалистов: проблемы и поиски / О. Абдуллина // Высшее образование в России. – 1996. – № 1. – С. 73–78.
7. Вербицкая, Л. Гуманитарное образование в современной России / Л. Вербицкая // Высшее образование в России. – 1996. – № 1. – С. 79–84.
8. Смолякова, Л. Н. Указ. соч. – С. 269–270.
9. Марцева, Л. М. Советская модель всеобщего труда: Теоретические источники и исторический опыт / Л. М. Марцева. – Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2008. – 344 с.
10. Педагогика и психология высшей школы: учебное пособие /отв. ред. М. В. Буланова-Топоркова; 2-е изд., доп. и перераб. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2002. – 544 с.

Евсеева Галина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета

Дата поступления статьи
в редакцию:
28.04.2010 г.

УДК 130.2

В. С. Чижма

ФАКТОР СМИ (МАСС-МЕДИА) В САМООРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ*Ключевые слова:* культура, СМИ, идеология, самоорганизация.

Сегодня средства массовой информации стали символом эпохи современности, в которой информация является основным производственным ресурсом, а культура формируется под воздействием технологий, компьютеров и коммуникаций.

Доступность СМИ вызывает рост культурного и социального многообразия и отход от ранее господствовавшей унифицированности. Глобальные культурно-исторические процессы определяют социокультурную среду эпохи, которая транслируется с помощью масс-медиа.

В образно-виртуальной реальности глобального информационного пространства собраны сотни социокультурных концепций, которые используются популярными СМИ и являются мощным инструментом влияния государства, элиты и корпоративных структур на общественное сознание, мировоззренческие концепты, духовно-нравственные ориентации и идеологическую дезорганизацию общества. Все это составляет предельно разнообразную и насыщенную социокультурную среду.

Для культурного дискурса современности характерна осознанная (заказная) или бессознательная беспомощность в создании новых концепций культурно-исторического развития человечества и потребление уже существующих концепций культуры. С одной стороны, это доходящие до глумления фантазии о прошлых исторических сюжетах, а с другой стороны, фантазии о будущем мира на основе в большинстве своем заимствованных сюжетов. Созидательная деятельность масс-медиа сводится к более-менее добросовестному выбору из существующих матриц, адаптации их к собственным целям и задачам и массовому распространению техническими средствами коммуникации.

«То, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем, благодаря масс-медиа. Данное утверждение справедливо не только в отношении нашего знания об обществе и истории, но и в отношении познания природы. Наши знания о стратосфере подобны тому, что было известно Платону об Атлантиде: мы что-то об этом слышали... С другой стороны, мы так много знаем о масс-медиа, что не можем доверять им. Защищаясь, мы обвиняем их в манипуляции, однако это обвинение не влечет за собой значимых последствий, поскольку знание, заимствованное у масс-медиа, словно само по себе образует закрытую, саму себя подпирающую структуру» [1, с. 8].

Через СМИ проходят различные идеологии: глобализм, национализм, гражданское общество, либерализм, православие и множество других. Во взаимном сопротивлении идеологий и социокультурных концепций выковывается национальная культура России, которая прошла через трансформацию ценностей в 90-х годах прошлого века, но сохранила свое уникальное содержание, несмотря на информационно-психологическое давление, имевшее своей целью разрушение культурного ядра советского народа. «Воздействие на массовое сознание средствами информационно-психологической войны имело целью непосредственное разрушение культурного ядра народа. Был произведен демонтаж исторической памяти, причем на очень большую глубину, опорочены или осмеяны символы, скрепляв-

шие национальное самосознание, в людях разжигалось антигосударственное чувство, неприязнь к главным институтам государства — власти, армии, школе, даже Академии наук» [2, с. 65].

Подобные культурные трансформации в содержательном поле СМИ наглядно представлены в одном из важнейших структурных элементов СМИ — кинематографе. Орлов Даль Константинович, который был в свое время заместителем главного редактора журнала «Искусство кино», главным редактором Госкино СССР, главным редактором самого массового в мире журнала «Советский экран» (тираж в начале «доперестроечных» 1980-х годов 1 900 000 экземпляров) в своих мемуарах показывает драматизм этих процессов. К примеру, он рассказывает о III съезде кинематографистов России декабре 1997 г., когда в результате беспрецедентных баталий внутри творческих элит председателем Союза кинематографистов РФ был избран Никита Михалков, получив в свое распоряжение «развалины».

Д. К. Орлов пишет: «Он собрал всех кинематографистов в Кремлевском дворце и показал на экране фрагменты типичных фильмов, что ваялись тогда на киностудиях. Это было стыдное зрелище. Вот только названия некоторых российских лент того периода. Привожу их по хроникально достоверной книге Федора Раззакова «Гибель советского кино»: «Дрянь», «Фуфло», «Нелюдь», «Бля», «Бес», «Сатана», «Нечистая сила», «Шкура», «Живодер». «Палач», « Псы», «Бомж», «Саранча», «Месть», «Поджигатели», «Распад», «Кома», «Шок», «Катафалк», «Метастазы», «Автопортрет в гробу», «Только для сумасшедших», «День казни» и т. д. Никита возвал к совести и профессиональному достоинству коллег. Существуют ли они еще?» [3, с. 150].

Ценностные трансформации в кинематографе — самом массовом структурном элементе СМИ, о котором В. И. Ленин сказал «великий немой заговорил», захватывали в свою орбиту буквально все население постсоветского периода. Возможно, в приведенном примере уже и обнаруживаются тенденции синергии, определяющие процессы самоорганизации в отечественной культуре. С одной стороны, это поражающие отвратительностью названия кинолент, отражающих реалии происходящего в стране. Но можно увидеть и позитивную сторону в перечисленных названиях фильмов. В коротких, жестких и даже жестоких названиях предельно ясно обозначены самые омерзительные «продукты» распада советского общества. Возможно, в гиперболическом виде прямо в лицо еще советскому человеку — потребителю кинопродукции нового образца сказано его же настоящее имя. Это можно рассматривать как вызов и призыв к тому, чтобы люди ужаснулись от себя и задумались над смыслами происходящего. Возможно, именно такого рода вызовы способны пробиться к совести, нравственности, человеческому достоинству людей, порождая креативные импульсы к социально продуктивной культурной деятельности.

Официальная пропаганда была направлена на разрушение культурного ядра советского народа, но стихийная память народа более стабильна и инертна. Она основана на реальных фактах, событиях из воспоминаний старшего поколения; на существующих заводах, фабриках и станциях, которые были построены еще в советскую эпоху; на культурных продуктах советской эпохи.

Как только в СМИ изменилась информационная политика, самобытная культурная матрица России начала медленно отторгать чужеродные элементы, навязанные пропагандой. И в традиционных СМИ, и в новейших технологических масс-медиа мы можем наблюдать проявления процесса самоорганизации культуры.

Отметим, что современные СМИ являются коммерческими предприятиями и используются для извлечения политической и экономической выгоды. Массовые

технологии информирования используются для обогащения, наживы и пропаганде определенных политических и культурных ценностей.

Из традиционных СМИ наиболее ориентированным на коммерческий и политический рейтинг является телевидение. В первую очередь это связано с исторической тотальной популярностью современных телеканалов и мощным влиянием их на массовое сознание. Телевидение старается задеть эмоциональную сферу зрителя, приковать его любопытство, вызвать сопереживание к событию или герою. В основе выбора сюжетов для экранизации лежит поиск сенсационного и зрелищного. «Телевидение склонно к драматизации в двойном смысле этого слова: оно выводит на сцену, изображает то или иное событие и преувеличивает его значение, серьезность, его драматический, трагический характер» [4, с. 32].

Однако внутри общества небольшие группы самоорганизуются и показывают в СМИ альтернативные идеологии и социокультурные концепции. Примером подобного процесса самоорганизации может служить первая православная телекомпания «Союз», учредителем которой является Екатеринбургская епархия. Начав вещание с небольшого провинциального города Первоуральска, к настоящему времени телекомпания «Союз» вещает на более чем тридцать населенных пунктов в трех странах. «Создаваемое телевидение – это своего рода альтернатива. Если мы уж так любим говорить о «демократическом обществе», то давайте уважать право людей на выбор. Давайте дадим людям эту возможность выбора. Пока ведь у нас практически на всех телеканалах, за исключением, может быть, «ТВЦ», идет одно и то же безобразие» [5].

Необходимо отметить, что структура технических и виртуальных носителей и средств массового информирования в современном мире как никогда масштабна и разнообразна. Влияние медийных процессов, их «всеохватность» современного человека и общества можно охарактеризовать как расширение человека до размеров глобальной информационной вселенной в поле, создаваемом масс-медиа. «Сегодня, когда истекло более столетия с тех пор, как появилась электрическая технология, мы расширили до вселенских масштабов свою центральную нервную систему и упразднили пространство и время, по крайней мере в пределах нашей планеты. Мы быстро приближаемся к финальной стадии расширения человека вовне — стадии технологической симуляции сознания, когда творческий процесс познания будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего человеческого общества примерно так же, как ранее благодаря различным средствам коммуникации были расширены вовне наши чувства и наши нервы» [6, с. 6].

В статье «Человек и машина» Бердяев писал, что сама по себе техника и технологии нравственно нейтральны, только от человеческой культуры зависит, превратит ли человек машину в культ или подчинит машину нравственно-духовной культуре [7, с. 143]. Обосновывая различия цивилизации и культуры, Н. А. Бердяев рассматривает технику как фактор развития цивилизации. Культура имеет духовно-нравственные, а не технические основания. Это различие культуры и цивилизации Бердяев выводит из специфики отечественной философии: «Нужно отметить, что русские задолго до Шпенглера делали различия между «культурой» и цивилизацией», и они обличали цивилизацию, когда оставались сторонниками «культуры» [8, с. 158]. Тема воздействия техники на культуру волнует и современных философов и культурологов. Наблюдения и выводы Н. А. Бердяева получают развитие при анализе состояния культуры при совершенно другом типе техники и ее потенциальных возможностей воздействия на человека. Оценивая в этом смысле XX век, Ю. В. Мамлеев пишет: «Двадцатый век оказался самым черным веком в новейшей истории человечества. Да, появились чудеса техники и так далее, но критерием исторического развития является человек, а не техника.

А человек в XX веке был поврежден: океаны крови, зверский материализм, атеизм и близость возможного самоуничтожения рода людского» [9, с. 222].

Об этом же слова игумена Димитрия, руководителя информационно-издательского отдела Екатеринбургской епархии в интервью газете «Вечерний Первоуральск свободный»: «... ни телевизор, ни радио, ни телефон, ни компьютер, ни Интернет не несут в себе зла. Они – нравственно нейтральны. Они – техника, средство в руках человека. Они не могут быть ни злыми, ни добрыми сами по себе. А вот что человек в них вкладывает – это другой вопрос. То, что многие люди, определяющие сегодня политику телеканалов, как вы говорите, «разрушают семью и общество, пропагандируют насилие, безверие, пошлость, секс, ложные ценности и т. д.», – это объективная реальность. Так считают не только «религиозные деятели». Вы знаете, что все больше людей – причем, не «темных», а образованных, состоявшихся в жизни, занимающих вполне престижные должности, просто не смотрят телевизор и запрещают смотреть его своим детям? Представьте себе, это так! Они защищают себя и своих детей от всего того, что вы перечислили» [3].

В современном обществе технологическая система масс-медиа функционирует таким образом, что создает особую среду, насыщенную информационными потоками. Являясь членом общества, индивид постоянно пребывает в информационном пространстве данного социума: он воспринимает, перерабатывает разнообразные информационные потоки и функционирует, согласуясь с формирующейся у него под влиянием СМИ картиной мира. Роль масс-медиа в познании и интерпретации все более усложняющейся реальности постоянно возрастает. Эволюция и масштабность информационных процессов сопровождается усложнением их структуры.

С одной стороны, СМИ являются мощным инструментом влияния государства, элиты и корпоративных структур на идеологию общества и, следовательно, на социокультурную среду. С другой стороны, технологическая эволюция СМИ становится предпосылкой для самоорганизации авторских, альтернативных массовых медиа, собирая группы по интересам, сетевые сообщества, киноклубы и авторские радио, телепередачи, видеоролики.

Библиографический список

1. Луман, Н. Реальность масс-медиа / Н. Луман; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.
2. Кара-Мурза, С. Г. Матрица Россия / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2007. – 320 с.
3. Орлов, Д. К. Воспоминания «действующего лица» / Д. К. Орлов // Наш современник. – 2010. – № 1. – С. 150.
4. Бурдье, П. О телевидении и журналистике / П. Бурдье; пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.
5. Телеканал «Союз» – первое православное телевидение России [Электронный ресурс] // Интервью с игуменом Димитрием (Байбаковым). – Режим доступа: URL: http://tv-soyuz.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=10&Itemid=55
6. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева – М.: Жуковский, 2003. – 464 с.
7. Бердяев, Н. А. Человек и машина: (Пробл. социол. и метафизики техники) / Н. А. Бердяев // Вопр. философии. – 1989. – № 2. – С. 143–162.
8. Бердяев, Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – 528 с.
9. Мамлеев, Ю. В. Русские походы в тонкий мир / Ю. В. Мамлеев. – М.: АСТ: Зебра Е, 2009. – 256 с.

Чижма Владислав Сергеевич – соискатель кафедры связей с общественностью, программист, кафедры АиСУ Омского государственного университета путей сообщения
© В.С. Чижма, 2010

Дата поступления статьи
в редакцию:
25.03.2010 г.

УДК 378.16:002.2

Т. Ю. Шорец

СИБИРСКОЕ ВУЗОВСКОЕ КНИГОИЗДАНИЕ В ФОРМАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ

Ключевые слова: Сибирь, культурно-исторический процесс, вузовское книгоиздание, книгоиздательство, вузовская книга, издательская деятельность вузов, производство печатной продукции, издательская продукция, университет, вузовское издательство, формационный подход.

Вуз без книги, учебников и пособий немислим. В своей книге «The Idea of the University» Я. Пеликан отмечает, что распространение знания посредством издательской деятельности является фундаментальным предназначением университета, но университет не может осуществить это предназначение без университетского издательства (1, с. 102). Таким образом, в настоящее время трудно себе представить университет, академию или любое другое российское высшее учебное заведение, не занимающимся издательской деятельностью. Роль издательской деятельности высших учебных заведений в научно-методическом обеспечении учебного процесса и реализации научно-педагогического потенциала высшей школы трудно переоценить. Вузовское книгоиздание – один из важнейших компонентов поддержки системы высшего образования. Это общественный процесс, поэтому его осмысление непосредственно связано с глубоким изучением возникновения и развития данного явления.

Для составления объективной картины вузовского книгоиздательства вообще, и в Сибири в частности, следует опираться на определенную методологию, на некие общие принципы, которые позволяли бы упорядочить весь накопленный исследовательский материал по конкретной теме и создавать эффективные объясняющие модели как прошлого, так и настоящего или даже будущего. Таким образом, с помощью базовых принципов формационного подхода можно относительно целостно представить возникновение, становление и развитие вузовского книгоиздания.

Принцип единства человечества и, как следствие, единства культурно-исторического процесса относится и к такой человеческой деятельности, как книгоиздание. Вузовское книгоиздание имеет временную последовательность – непрерывное развитие, как во времени, так и в пространстве.

Принцип исторической закономерности (в историческом процессе действуют общие, устойчивые, повторяющиеся существенные связи и отношения между людьми и результатами их деятельности) позволит выявить непосредственную взаимосвязь между культурой и ее подсистемами: образованием, развитием науки, литературы, искусства, художественного творчества. Важное значение при этом имеют исторические закономерности развития материальной культуры – совокупности технических и технологических средств и способов производства, тиражирования, распространения и хранения издательской продукции. Кроме того, в историко-культурных процессах важными оказываются такие факторы, как государственная политика и благосостояние потенциальных потребителей и пользователей издательской продукции, особенности сословных приоритетов в отношении различных изданий, внешняя политика и интенсивность межкультурных коммуникаций с другими странами. Каждая из этих отдельных взаимосвязей так или иначе воздействует на издательскую деятельность.

Принцип детерминизма (признание существования причинно-следственных связей и закономерностей; формационный методологический подход рассматривает определяющим основанием в историческом процессе способ производства мате-

риальных благ) касается и издательской деятельности. Вузовское книгоиздание постоянно видоизменялось как по способам печатания, так и в типе и виде издаваемой литературы. Кроме того, современное книгоиздание вузов складывалось на протяжении нескольких столетий под непосредственным влиянием разновеликих взаимодействующих факторов.

Принцип прогресса указывает на то, что все общественные процессы имеют свойство изменяться. Научно-технический прогресс определяет основные этапы в издательской деятельности. Он, во-первых, обуславливает общую динамику культурно-исторических процессов, всегда связанных с «ростом научных знаний и образования» (В. И. Вернадский), а во-вторых, создает потенциальные условия для более высокого качественного уровня производства печатной продукции. В XXI в. можно за очень короткие сроки выпустить многомиллионный тираж печатного издания высокого качества. В XIX в. о современном тираже и полиграфических технологиях издательской деятельности не могли и подумать... Научно-технический прогресс позволил улучшить и ускорить производство печатной продукции. Цифровые технологии и программное обеспечение являются в издательской деятельности определяющими. Более того, эти же технологии способствуют быстрой презентации, рекламированию, распространению, продажам и доставке печатных товаров.

Ничто так не стимулирует развитие технического прогресса как потребности общества и рынка. Интересы и потребности объекта реализации издательской продукции более всего обнаруживаются на книжном рынке. Здесь же буквально на поверхности лежат интересы субъекта книжной продукции (издателя, посредника, продавца). Столкновение интересов объекта и субъекта издательской деятельности выражается в огромной массе развлекательной, содержательно обедненной, часто непристойной и вредной для подрастающего поколения литературы, с одной стороны, а с другой – недостаток и даже дефицит качественной образовательной литературы, включая школьные и вузовские учебники. Своеобразным индикатором противоречий интересов сбытчиков и потребителей часто выступает цена: более доступной, чем учебные и научные издания, оказывается цена хорошо изданной некачественной развлекательной продукции. Такое состояние книжного рынка актуализирует исследование особенностей вузовского книгоиздательства в современном российском социокультурном пространстве.

С развитием интересов и потребностей общества увеличился ассортимент издательской продукции, в том числе и вузовской. Несмотря на то, что учебная и научная литература преобладает в тематических планах издательств вузов, учебными заведениями стала издаваться и литература другого типа. Так, вузы издают библиографические словари, посвященные заслуженным ученым (страны, региона, вуза). Во многих университетах существуют творческие кружки, занимающиеся прозой и поэзией. В основном вузовские прозаики и поэты выпускают свои литературные произведения в «родных стенах». Кроме того, издаются для локального пользования внутренние распоряжения, приказы, положения вуза.

Таким образом, формационный подход применим к культурно-общественному процессу сибирского региона – вузовскому книгоизданию.

Библиографический список

1. Цит. по: Беккер-Нильсон, Т. Университет как издатель [Текст] / Т. Беккер-Нильсон; пер. с англ. А. Тотонов // Эффективное книгоизда-
ние: сб. статей. – М.: Весь мир, 2002. – С. 102-108.

Шорец Татьяна Юрьевна — методист научной библиотеки Омского государственного университета путей сообщения

Дата поступления статьи
в редакцию:
02.09.2010 г.

© Т.Ю. Шорец, 2010

Нравственное и физическое здоровье нации

УДК 159.964.2 +159922.32

Н. В. Коптева

УРОВНИ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ УВЕРЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ЗДОРОВЬЕМ (НА ОСНОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ Р. ЛЭЙНГА)¹

Ключевые слова: концепция онтологической неуверенности – уверенности Р. Лэйнга, бытие-в-мире и его элементы, воплощенное, невоплощенное (в теле) Я, ложное Я, личностная автономия, связи Я с людьми и миром и их особенности

Проблема онтологической уверенности. М. Хайдеггер, выступая перед врачами и психологами на Цолликонских семинарах, заметил, что «бытие больным является модусом существования в отсутствии. Природу бытия больным, соответственно, нельзя схватить без четкого определения бытия здоровым» [1, с. 83]. Вероятно, это хорошо понимал английский экзистенциальный психиатр Р. Лэйнг [2]², который в своем исследовании онтологической неуверенности (ontological insecurity) шизоидов и шизофреников как переживания собственного бытия на границе болезни и бытия больным одновременно обратился к вопросу об онтологической уверенности (ontological security) как переживанию человеком своего бытия в состоянии здоровья. В знаменитой книге «Расколотое Я», («The Divided Self», 1957), изучая онтологическую неуверенность, он следовал новаторским путем своей соотечественницы М. Кляйн, открывшей для психологии своеобразный, не постижимый для сознания взрослого человека, состоящий из причудливых фантазмов внутренний мир младенца, и экзистенциальных психологов Л. Бинсвангера, М.Босса, делавших то же самое в отношении другого неведомого мира – шизофрении. Пытаясь

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант 10-06-82-607a/У.

² Существует несколько вариантов перевода фамилии на русский язык: книги автора публиковались под именами Лэнг, Лэйнг (второй вариант более распространен), встречается также написание Лайнг.

определить онтологическую уверенность, он оказался в еще более неизведанной области психологии. А. Маслоу, первооткрыватель проблематики психологического здоровья в 1954 году характеризовал состояние этой области науки как неизвестность и полную темноту, в которой остается брести на ощупь [3, с. 219]. Тем не менее Р. Лэйнг удалось в основных чертах представить свой подход к психологическому здоровью, отличающийся от его известных моделей, которые считаются сегодня общепринятыми.

В отечественной науке к творчеству Р. Лэйнга обращались редко, причем преимущественно философы. Пестрый набор исследований от фундаментальных научных трудов до учебных пособий для студентов (А. М. Руткевич, В. М. Лейбин, Е. В. Косилова, А. И. Пашинский Ю. В. Тихонравов, Н. Г. Валентурова, О. А. Матвейчев) объединяет то, что они в лучшем случае обращаются к толкованию понятия онтологической неуверенности, практически оставляя без внимания ее антипод – онтологическую уверенность.

Уверенность и неуверенность как онтологические чувства существенно отличаются от своих коррелятов: уверенности и неуверенности как личностных характеристик. А. М. Руткевич приравнивает онтологическую неуверенность к другому, самому известному онтологическому переживанию – экзистенциальной тревоге [4, с. 129], всеобъемлющему, беспредметному страху, относящемуся к человеческой реальности, бытию-в-мире в целом. Однако в отличие от онтологической неуверенности экзистенциальная тревога в рамках одной психологической концепции не имеет противоположного полюса. Р. Мэй противопоставлял невротической экзистенциальной тревоге нормальную экзистенциальную тревогу [5]. Понятие «мужество быть» как оппозицию экзистенциальной тревоге предложил его друг экзистенциальный философ П. Тиллих [6], операционализировали в качестве «жизнестойкости» С. Мадди и С. Кобейса, а начало его активной разработке в отечественной психологии положили Д. А. Леонтьев и Е. И. Рассказова, адаптировавшие соответствующую диагностическую методику [7]. В подходе Р. Лэйнга речь идет о континууме, крайними точками которого являются онтологическая уверенность и неуверенность. В нем преимущественное внимание автора было сосредоточено на отрезке, примыкающем к негативному полюсу «онтологическая неуверенность шизоидов – онтологическая неуверенность шизофреников».

Как феноменолог, Р. Лэйнг очень скуп «дозировал» в своем исследовании теорию, это характеризует положения, относящиеся к онтологической уверенности, которые не всегда вполне прояснены как по отдельности, так и в своих связях. В этой статье мы предпринимаем попытку реконструкции понятия онтологической уверенности Р. Лэйнга, с опорой на его концепцию онтологической неуверенности. Название книги Р. Лэйнга намекает на известную метафору З. Фрейда, сравнившего больных с расколотыми кристаллами, обнаруживающими свою структуру, невидимую в состоянии здоровья, а соответственно возможность понять его через патологию. Основное внимание будет уделено части обсуждаемого континуума, примыкающей к позитивному полюсу, которую Р. Лэйнг лишь намечил и фрагментарно представлял по мере необходимости на протяжении исследования. Решение этих задач мы рассматриваем как очередной шаг в развитии общепсихологической концепции онтологической уверенности [8, 9 и др.].

Онтологическая уверенность и воплощенность. В отличие от А. Маслоу, сопоставлявшего характеристики самоактуализации с характеристиками «обычного» человека, Р. Лэйнг противопоставляет онтологической неуверенности достаточно неоднородные проявления здоровья, одни из которых присущи большинству людей, другие – более или менее выходят за рамки представлений о том, каким является «обычный» человек. Специально различия между ними не обсуж-

даются, хотя подчеркивается условность понятия «нормальности» [2, с. 73, 78, 158 и др.]. Мы попытаемся на основании текста книги провести подобное различие.

На наш взгляд, ключевой для понимания многих феноменов, обсуждаемых Р. Лэйнгом, является категория «воплощенности» (ментального Я в теле), называемая им среди основных «составляющих» онтологической уверенности: «индивидуум может переживать свое собственное бытие как реальное, живое и цельное; как отличающееся при обычных условиях от остального мира настолько явно, что его индивидуальность и автономия никогда не ставятся под сомнение; как континуум во времени; как обладающее внутренней согласованностью, субстанциональностью, подлинностью и ценностью; как совпадающее пространственно с телом; и, обычно, как начавшееся в момент рождения или около того и подверженное уничтожению вместе со смертью. Таким образом, у человека есть твердая сердцевина онтологической уверенности» [2, с. 36]. Представляется, в частности, что понятие «воплощенности» обладает потенциалом для дифференциации различных уровней онтологической уверенности как психологического здоровья.

Подобно «онтологической уверенности – неуверенности», Р. Лэйнг понимал «воплощенность – невоплощенность» как экзистенциальные положения или позиции [2, с. 33, 62, 112], (аналог понятия «установка» в экзистенциальном подходе), к которым в той или иной степени приближается каждый человек. Эти положения имеют непосредственное отношение к надежности структурирования бытия-в-мире, которое он собой представляет.

В составе бытия Р. Лэйнг различает центральный анклав – Я, к которому в норме вместе с ментальным Я относится тело как ядро истинного "я" [2, с.60]. Стороны бытия личности за пределами анклава Я обозначаются Р. Лэйнгом как Не-Я. В норме аспекты бытия за пределами Я входят в его состав, не являясь, однако его необходимой частью.

Онтологическая уверенность «обычных» людей. «Воплощенность» выступает в качестве основания структурирования бытия, по которому «обычный» человек отличается от шизоида. Люди в основной своей массе являются «воплощенными» личностями, идентифицирующими себя с телом, связывающими с ним границы собственного существования во времени и пространстве. Шизоид, способ существования которого Р. Лэйнг называл в отличие от шизофренического здоровым, но сопряженным с такого рода проблемами и трудностями, что жизнь его характеризовал как «частную форму человеческой трагедии» [2, с. 7–8], ощущает себя в виде усеченной ментальной сущности, мифической личности, отдельной от собственного тела. При этом шизоидную природу Р. Лэйнг считал отчасти прямым выражением и причиной онтологической неуверенности, а отчасти попыткой ее преодолеть» [2, с. 112]. К.Г. Юнг определял инстинкт как единство ментального и поведенческого. Р. Лэйнг отмечает у шизоида в младенческом возрасте девиацию важнейшего орального инстинкта, которая заключается в том, что это единство нарушено (явно голодный ребенок не сосет активно, не достигает насыщения). Свой «вклад» в дальнейшее развитие «невоплощенности» вносит «шизогенная мать», которая вместо того, чтобы проявить чуткость к потребностям ребенка, берет в свои руки управление телом экзистенциально так и не родившегося ребенка. В дальнейшем она формирует практически все поведение ребенка, в котором он сам отсутствует. «Тело явно занимает двусмысленное переходное положение между "мной" и миром. С одной стороны, оно является сердцевинной и центром моего мира, а с другой – оно есть объект в мире других [2, с. 140] и представляет собой, таким образом, самый уязвимый момент в структуре бытия. Чувствуя, что телом «завладели» взрослые, ребенок использует расщепление как защитный способ организации бытия внутри себя. «Если все бытие индивидуума нельзя защитить, индивидуум оттягивает свои оборонительные линии до тех пор, пока не оказывается

в главной цитадели. Он готов отдать все, чем он является, за исключением своего Я» [2, с. 74–75].

В отличие от структуры бытия изначально «невоплощенного» шизоида: **"я" <-> (тело-другой)**, структурирование бытия в раннем детстве (**"я"/тело**) <-> **другой**, определяющее способ существования «обычного» человека может считаться само собой разумеющимся. Это относится и к ходу развития, при котором за физическим рождением следует экзистенциальное рождение ребенка, предполагающее такие переживания онтологической уверенности, как ощущение себя реальным живым, субстанциональным, распространяющееся на других людей и мир. В этих отношениях и онтологическая уверенность представляет собой нечто само собой разумеющееся. Поэтому вполне естественно, что подобной онтологически уверенной личности, с присущим ей «чувством своей неотъемлемой самости и личностной тождественности, неизменности вещей, надежности природных процессов, субстанциональности природных процессов, субстанциональности других очень трудно перенестись в мир индивидуума, чьим переживаниям чрезвычайно недостает неоспоримой самообосновывающей определенности» [2, с. 33]. Большинство «нормальных» людей отличает способность успешно справляться с обычными жизненными условиями, которые, однако, угрожают нижнему порогу безопасности онтологически неуверенной личности. В рассмотренных выше характеристиках *онтологическая уверенность выступает как достояние почти любого человека*.

Почему же тогда не менее справедливым, чем утверждение о трудностях взаимопонимания воплощенной и невоплощенной личности, является обратное по смыслу, свидетельствующее об их близости, о том, что у них есть и сходные проблемы? «"Онтологическую неуверенность" Лэйнг описывает настолько психологически убедительно, что, прочитав "Разделенное Я"¹, хочется сказать "да это же точно про меня" почти любому, даже здоровому, человеку» [10, с. 133]. Дело в том, что воплощенность большинства людей предполагает, скорее, предпосылки психологического здоровья, чем его гарантию: она является лишь отправной точкой для переживания себя в качестве целостной личности [2, с. 64], а также для переживания своего тела как основания, на котором он может быть личностью вместе с другими людьми [2, с. 62]. Онтологическая уверенность индивида, «подлинно основанного на собственном теле», существенно ограничена, есть основания рассматривать ее лишь как некоторый уровень психологического здоровья: «воплощенный индивидуум, целиком впутанный в желания, потребности и поступки своего тела, подвержен чувству вины и тревоги, сопутствующему подобным желаниям, потребностям и поступкам. Он подвержен как телесным расстройствам, так и плотским наслаждениям. Собственное тело не является убежищем от уничтожающего самопорицания. В воплощенности как таковой нет гарантии против чувства безнадежности или бессмысленности. За пределами своего тела ему по-прежнему приходится узнавать, кто он такой. Его тело можно переживать как больное, отравленное, умирающее. Короче, телесное "я" не является нерушимым оплотом, спасающим от разъединения онтологическими сомнениями и неопределенностями: само по себе оно не является защитой от психоза [2, с. 63–64]. Тело, таким образом, являясь бытийной опорой, само может быть источником онтологической неуверенности, уязвимо в экзистенциальной ситуации не только шизоида, но и обычного человека. Множество «воплощенных» людей следуют мощной культурной традиции, выдвигающей идеал невоплощенной духовности, которая представляет собой одну из попыток ее преодолеть. Шизоидная ситуация, в которой Я поработает тело, столь же неблагоприятна для психологического здоровья, как обратная ей ситуация, возможная для воплощенной личности. «Сейчас, как никогда, актуальна и извечная проблема связи

¹ Е. В. Косилова считает такой перевод названия книги более соответствующим оригиналу.

духовного и телесного, обуздания и раскрепощения плоти, христианской аскезы, познание собственной телесности и психорегуляции, психопатических конфликтов личности со своей плотью, типичные явления ухода в болезнь, рабской зависимости от соматических ощущений и боли, от инстинктивных позывов, погруженность сознания в пучину обмена веществ» [11, с. 100]. Р. Лэйнг указывает на то, что множество исследований, посвящено психопатологии воплощенной личности, которая, не будучи расщепленной на разум и тело, может быть разделена множеством других способов.

Особенности присущей большинству людей онтологической уверенности могут быть раскрыты через второй смысл понятия воплощенности, имеющий отношение к подлинности бытия (одно из центральных понятий экзистенциальной психологии). Этот смысл Р. Лэйнг раскрывает на примере онтологически неуверенной личности. Невоплощенность шизоида не сводится к телесной. В ходе патологического процесса его тело превращается в ядро «системы ложного Я» (false self system), в личину, маску. Истинное Я, не воплощенное ни в общении, ни в деятельности, выступает в качестве чисто ментальной сущности. Р. Лэйнг приводит рассуждения Гегеля о подлинных действиях, бытии, которые могут устоять при столкновении с «предметной стихией», с миром, и мнимых, внутренне ничтожных, которые подобного столкновения не выдерживают [2, с. 88]. Последнее относится к раздвоенному бытию шизоида, которое сводится к тому, что его истинное Я занимается фантазиями в частном мире ментальных вещей, своих собственных объектов, и наблюдает за ложным Я, в одиночку занимающимся жизнью в «разделяемом с другими мире» [2, с. 145]. Невоплощенности истинного Я шизоида, ограниченного только ментальной деятельностью, представляющего собой «несчастное сознание» (выражение Гегеля) соответствует его отчужденность не только от тела, но и от всего, что составляет «бытие телом». Это проясняет причины ужаса, испытываемого онтологически неуверенной личностью при любой встрече с реальным миром, грозящим «поглотить», «разорвать», «деперсонализировать» усеченное ментальное Я и разрушить бутафорскую конструкцию ложного Я.

Возможность взаимопонимания шизоида и обычного человека, связана с тем, что последнему ложное Я также не чуждо. Р. Лэйнг обращает внимание на то, что «самый любопытный феномен личности — тот, что наблюдался веками, но который еще не получил полного объяснения, — состоит в том, что там, где индивидуум кажется средством выражения личности, он не является самим собой. Кажется, что им "обладает" чья-то чужая личность и находит выражение посредством его слов и поступков, тогда как собственная личность индивидуума временно "потеряна" или "исчезла". Кажется, существуют все степени одного и того же основополагающего процесса, начиная с простейшего, добродушного наблюдения, что такой-то и такой-то "весь в отца" или что "в ней проявляется материнский нрав", вплоть до крайнего несчастья человека, обнаруживающего себя вынужденным принять на себя характерные черты личности, которую он может ненавидеть и (или) чувствовать ее совершенно чуждой своей собственной» [2, с. 35]. Сравнивая ложное Я «обычного» человека и шизоида, он обращает внимание на то, что первому маски помогают достичь собственных целей, в то время как второй с их помощью осуществляет цели, поставленные другими. Естественно, что Р. Лэйнг заостряет характеристики для доказательства собственной мысли. «Незаинтересованный» в этом отношении К. Г. Юнг рассматривает персону как компромисс между собственными желаниями и желаниями других, а соответственно наличие у обычного человека проявлений, подобных шизоидным. Впрочем, и сам Р. Лэйнг считает случаи, в которых ложное Я становится почти полным олицетворением того, кого человек ненавидит, вполне совместимыми с «душевым здоровьем» [2, с. 103]. Границу между нормой и патологией определить трудно. Она зависит от «степени пагубности» одних и тех

же проявлений: каждый человек в какой-то мере носит маску, обнаруживает поведение соответствующее персоне, личине, это «персональное» поведение более или менее конфрontiрует со спонтанным поведением, самовыражением, воспринимается самим человеком как более или менее принудительное, более или менее враждебное собственному Я.

Актуальность проблемы «ложного Я» в наши дни подчеркивают призывы к «мужеству быть собой», оставаться естественным несмотря ни на что. Д. И. Дубровский констатирует «типичную для нашей жизни всепоглощающую игровую имитацию. Везде – сплошные маски и роли. Самая интересная, притягательная, самая популярная персона – артист. И чем искуснее имитируют нечто, тем выше волны восторга. Безукоризненное лицедейство, безошибочное исполнение роли – как актерами, так и зрителями – есть то, что принимается за настоящую реальность» [11, с. 103].

А. Маслоу считал «норму» скорее болезнью или задержкой психического развития, которые как таковые не идентифицируются только потому, что встречаются сплошь и рядом [12, с. 38]. Воплощенность Я, в основном ограниченная телом, не является единственной надежной бытийной опорой, не отменяет необходимости создания человеком других бытийных опор в мире, которые, как можно предположить, не только утверждают его онтологическую уверенность, но и уязвимость в определенных отношениях. Переживание своего бытия большинством людей, локализовано в точках континуума «онтологическая уверенность – неуверенность», относительно удаленных от обоих краев и соответствует мере воплощенности как в теле, так и за его пределами, конструкциям бытия-в-мире различающимся надежностью.

Неподлинность бытия, отчуждение как нарушение смысловых связей в структуре жизненного мира личности (Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин) хотя и различается по своему характеру и мере выраженности у обычного человека и шизоида, отдаляет того и другого от онтологической уверенности.

Онтологическая уверенность как психологическое здоровье. Следуя логике Р. Лэйнга, можно заключить, что онтологической уверенности психологически здорового человека соответствует воплощенность Я как «укорененность» в собственном теле и в бытии в целом. Он представляет собой то, что современная психология называет «бытийствующим» сознанием¹ (то есть полную противоположность изолированного от мира и людей «несчастливого сознания»). Обычного человека от него отличает неполнота воплощения. Впрочем, и высшие проявления воплощенности – скорее идеальный предел, чем реальность.

Исходя из вышеизложенного, понятно, почему многие из характеристик онтологической уверенности, которые дает Р. Лэйнг, также могут быть представлены различными градациями проявлений от вполне обыденных вплоть до высших достижений. Это относится к одной из основных характеристик онтологической уверенности – личностной автономии, которую он определяет как «ощущение "я" надежно укорененное в здоровье и самообоснованности» [2, с. 36]; «чувство своей неотъемлемой самости и личной тождественности» [2, 1995, с. 33]; «надежно заложенное ощущение индивидуальности» [2, с. 116]; ощущение самого себя как бытия в своем праве [2, с. 199] и т. д.

Как известно, автономия рассматривается в качестве важного «измерения» самоактуализации, осмысленности жизни, как признанных моделей психологического здоровья. Самоактуализация – актуализация самости, означает способность прислушиваться к ее голосу и следовать ему, самодостаточность, независимость от

¹ Понимание сознания как бытийствующего встречается в современных его отечественных трактовках (М. Мамардашвили, В. П. Зинченко, Д. А. Леонтьев [14, с. 139]).

окружения, собственный выбор и т. д., то есть автономию. Аналогично осмысленность жизни предполагает внутренний локус контроля «представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле» [13, с. 14].

Другая важная характеристика онтологической уверенности, также допускающая целый ряд градаций выраженности вплоть до личностной зрелости, отличается от упомянутых моделей. Речь идет о взаимосвязях человека с другими людьми и миром, которые Р. Лэйнг характеризует не только как прямые, непосредственные [2, с. 86], как участие в жизни [2, с. 90], витальный контакт [2, с. 145, 155], но и как диалектические [2, с. 74, 147], спонтанные, естественные, творческие, лишенные тревоги [2, с. 80, 71, 82, 91], приносящие удовольствие как индивидуальную встречу с миром посредством неотъемлемой самости [2, с. 93], изначальный союз Я и Ты, взаимоотношение «Я–Ты» [с. 9, 80], отношение привязанности, основанное на подлинной взаимности [2, с. 49], отношение бытия к бытию [2, с. 36], обмен между двумя бытиями, «конгениальными» друг другу [с. 86], соучастие без потери бытия [2, с. 93], переживание себя «вместе с остальными людьми», ощущение «меня-и-тебя-вместе», «мыйности», прорыв к тому, что Л. Бинсвангер называет дуальным модусом бытия в мире [2, с. 155]. Очевидно, большинство приведенных определений описывают скорее «идеальную форму» отношений, чем реальные отношения людей.

С точки зрения А. М. Руткевича, именно способность быть автономной индивидуальностью «Лэйнг считает главным условием «онтологической безопасности», которая наделяет человека одновременно «самоидентичностью» и способностью вступать в общение с другими» [4, с. 126]. Аналогично В. В. Летуновский соотносит онтологическую неуверенность прежде всего с дефицитом автономии и независимости [15]. Можно согласиться с тем, что концепция Р. Лэйнга дает основание для того, чтобы в переживании онтологической уверенности особую роль отводить этому аспекту: «если индивидуум не ощущает себя автономным, это означает, что он обычным образом не может переживать ни отделенность от другого, ни связанность с ним» [2, с. 49]. Вместе с тем Р. Лэйнг отмечает присущую любому человеку «общую потребность обладать собственным присутствием, одобренным или подтвержденным другим, потребность в признании собственной полной экзистенции; по сути, потребность быть любимым» [2, с. 125–126]. «Реальность мира и «я» взаимно усиливаются благодаря непосредственным отношениям между «я» и другим» [2, с. 80], Я может быть реальным только в связи с реальными людьми и вещами [2, с. 189], «индивидуальность достигается и поддерживается двумерно, она требует признания самое себя как другими, так и простого признания собой» [2, с. 146].

Представляется, что концепция Р. Лэйнга, в которой не расставлены все точки над «и», дает возможность для рассмотрения автономии Я как центра индивидуального бытия, с одной стороны, и диалектических связей, диалога, творческих контактов Я и Не-Я, с другой стороны, в качестве «равноправных» признаков надежного структурирования бытия, соотносимого с онтологической уверенностью как проявлением психологического здоровья. Во всяком случае, нам такой подход ближе, он более созвучен современной психологии, с позиции которой со-бытие и само-бытность взаимно предполагают друг друга [16].

Представление об онтологической уверенности, предполагающей автономию, диалектические творческие связи с миром, целостность и масштабы бытия, к которым обычный человек может приближаться в большей или меньшей мере в отдельные своей жизни, роднит его с самоактуализацией, осмысленностью жизни. Подобно им *онтологическая уверенность как психологическое здоровье представляет собой «идеальный предел», не является чем-то окончательно состоявшимся, раз и навсегда достигнутым.*

К онтологической уверенности как уверенности в своем существовании в целом, объединяющей переживания собственной автономии и переживания себя в связи, единстве с людьми и миром, наиболее близка модель психологического здоровья, предложенная А. Адлером. «Составляющие» онтологической уверенности можно рассматривать как аналоги выделенных им критериев здоровья: стремления к превосходству (самоутверждения) и чувства общности, оценивая последнее выше любых индивидуалистических устремлений. В поздних работах А. Адлер расширил понимание чувства общности до экзистенциальных масштабов, что еще больше сближает оба подхода «Наша современность... есть звено в цепи вечного развития и еще весьма несовершенная попытка достичь приспособления. Человек как центр всего происходящего на Земле обречен. Мы несем ответственность, и смысл нашей жизни – в нашей связи с миром» [17, с. 195].

Ограничение Р. Лэйнгом отождествления воплощенности с нормой и здоровьем, а невоплощенности – с ненормальностью и патологичностью [2, 61-62], связано еще и с тем, что, по его мнению, шаг к здоровью, онтологической уверенности может быть предпринят из любого состояния.

Психологическое здоровье как созидание собственного бытия в мире, утверждение воплощенности и онтологической уверенности. Онтологическая уверенность в концепции Р. Лэйнга, выступает как способность осознанно структурировать надежное бытие-в-мире. Вопрос о психологическом здоровье в экзистенциальной психологии – это вопрос собственного выбора и ответственности человека за избранный им способ существования, меру воплощенности, как меру реального участия в жизни. «Невозможно неограниченно долго сохранять душевное здоровье, если пытаться стать человеком, разобщенным со всеми остальными и отчужденным даже от большей части собственного бытия» [2, с.146]. В конечном счете, утверждение онтологической уверенности или отказ от нее – дело самого человека.

В частности, шизоиды могут избежать психоза, связываясь «с деперсонализированными личностями, с фантомами собственных фантазий (имаго), вероятно, с вещами, вероятно, с животными» [2, с. 74]. Проблемы в общении для них представляют наибольшую трудность, однако эффективная жизнь с расщеплением возможна, в частности, если они выбирают более приемлемую для себя стратегию выстраивания творческих отношений с миром в предметной сфере. Остается заключить, что невоплощенность в теле можно компенсировать, воплощая свое истинное Я в мире, и тем самым обеспечивая себе определенный уровень онтологической уверенности. Этот уровень может быть весьма значительным «Вырождение и распад являются лишь одним итогом изначальной шизоидной организации. Совершенно ясно, что могут быть достигнуты и переживаться подлинные варианты свободы, мощи и творческой способности. Многие шизоидные писатели и художники, сравнительно изолированные от других, преуспевают в установлении творческих взаимоотношений с вещами в этом мире, которые делаются для воплощения образов их фантазии» [2, с. 90].

«Как и Сартр, Лэйнг придерживался мнения, что душевнобольной несет ответственность за свои страдания, он всегда может сделать выбор и выйти из своей шизоидной изоляции к подлинному здоровью и искренним отношениям с другими» [18, с. 10]. Р. Лэйнг упоминает двадцатилетнюю Марию, которая в течение недели каждый день ходила смотреть итальянский фильм «Дорога», судьба героини которого напоминала ее собственную. Увидев себя со стороны, она осознала, что отрезала себя от любых реальных взаимоотношений с другими людьми, испугалась собственного образа жизни, поняла, что так жить нельзя. «С "объективной", клинико-психиатрической точки зрения нужно сказать, что произошла приостановка в процессе прогрессирующего психотического ухудшения, вероятно, на органической

основе. С экзистенциальной же точки зрения можно сказать, что она поборола стремление себя убить. Она увидела, что ее жизнь состояла в непреодолимом стремлении уничтожить собственную индивидуальность и стать никем. Она избегала всего, посредством чего ее можно было конкретно определить как действительную личность, вовлеченную в конкретные действия вместе с другими» [2, с. 164]. Нет сомнений, что обычный человек также может прийти к онтологической уверенности в результате собственных усилий, трансформируя себя как бытие-в-мире. Социальные условия могут существенно облегчить или затруднить эту задачу (на антипсихиатрическом этапе своего творчества Лэйнг, хотя и в достаточно спорном ключе, развивал идею о связи здоровья индивида и общества).

С позиций гуманитарного подхода к действительности, в соответствии с которым главной ценностью является человек, приоритет исследований, имеющих отношение к проблеме психологического здоровья людей не вызывает сомнения. Представляется, что обсуждаемый подход к пониманию психологического здоровья обладает значительным потенциалом в прикладном плане (диагностики психологического здоровья, создания условий для его формирования).

Библиографический список

1. Власова, О. А. Феноменология в пространстве психиатрии: Хайдеггер и клиницисты / О. А. Власова // Хора. – 2007. – №1/2. – С. 78–86.
2. Лэйнг, Р. Д. Расколотое "Я" / Р. Д. Лэйнг. – СПб.: Белый Кролик, 1995. – 352 с.
3. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
4. Руткевич, А. М. От Фрейда к Хайдеггеру: критический очерк экзистенциального психоанализа \ А. М. Руткевич. – М.: Политиздат, 1985. – 175 с.
5. Мэй Ролло. Смысл тревоги. – М.: Независимая фирма «Класс». – 2001. – 384 с.
6. Тиллих, П. Мужество быть // Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995. – С. 7–131.
7. Леонтьев, Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Расказова. – М.: Смысл, 2006. – 58 с.
8. Коптева, Н. В. Онтологическая уверенность: теоретическая модель и диагностика: монография / Н. В. Коптева; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2009. – 158 с.
9. Коптева Н. В. Концепция онтологической неуверенности–уверенности / Н. В. Коптева // Сибирский психологический журнал. – 2010. – № 37. – С. 66–70 (Журнал ВАК).
10. Косилова, Е. В. Культурологический анализ научной парадигмы в психиатрии на примере антипсихиатрии и философии Р. Лэйнга / Е. В. Косилова: Дисс.... канд. филос. наук. – М., 2002.
11. Дубровский, Д. И. Обман. Философско-психологический анализ Д. И. Дубровский. – М.: Рэй, 1994. – 120 с.
12. Маслоу, А. Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1997. – 430 с.
13. Леонтьев, Д. А. Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО) / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1992. – 16 с.
14. Леонтьев, Д. А. Психология смысла / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.
15. Летуновский, В. В. Экзистенциальный анализ. История, теория и методология практики / В. В. Летуновский: Дисс.... канд. психол. наук. – М., 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://hpsy.ru/public/x1435.htm>
16. Слободчиков, В. И. Развитие субъективной реальности в онтогенезе / В. И. Слободчиков: Автореф. дисс... д-ра. психол. наук. – М., 1994.
17. Адлер, А. Наука жить / А. Адлер. – Киев: Port-Royal, 1997. – 288 с.
18. Фенько, А. Власть нормы. Предисловие / А. Фенько // Лэйнг Р. Д. Феноменология переживания; Райская птичка; О важном. – Львов: Инициатива, 2005. – С. 8–19.

Коптева Наталия Васильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии Института психологии Пермского государственного педагогического университета

Дата поступления статьи
в редакцию:

22.09.2010 г.

УДК 008+111.11

Л.И. Мосиенко

ЗАКАТ ГЕРОИЧЕСКОГО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Эссе

Ключевые слова: герой, героическое, героический миф, экзистенция, трансцендирование, трагическое, ужасное, мужество, ценности, культура, искусство.

Я думаю, что уважение к героям, в различные эпохи проявляющееся различным способом, является душой общественных отношений между людьми, и что способ выражения этого уважения служит истинным масштабом для оценки степени нормальности или ненормальности господствующих в мире отношений.

Карлейль Т. [1, с. 329]

Сказано: "Если сами мы холопы, для нас не может быть героев". Мы не узнаем героя, даже если увидим его, — мы примем шарлатана за героя.

Карлейль Т. [Там же]

Воспоминание о личном. Постановка проблемы

Уважаемый читатель, чтобы проблема, волнующая меня и ставшая основой рассмотрения данной статьи, была сформулирована с максимальной ясностью, я позволю себе небольшое личное воспоминание.

Мой отец был участником Великой Отечественной войны. Но он очень не любил пионеров, расспрашивающих его о боевом прошлом. На все праздничные приглашения в школу, на встречи ветеранов и тому подобные мероприятия, столь популярные в советскую эпоху, он старался не пойти — сказывался больным или занятым. Будучи ученицей советской школы (хотя и конца «эпохи застоя»), я искренне недоумевала — почему мой папа скрывает свое героическое прошлое. Когда я стала постарше, мама «открыла» мне глаза: «Да нет у него никакого героического прошлого: всю войну сидел в тыловых частях, а те несколько месяцев, что был на фронте, служил в финансовой части». Тогда я решила напрямую спросить папу:

— А сколько ты фашистов убил за войну?

Но вразумительного ответа, помнится, я так и не получила: отец пустился в какие-то общие рассуждения о войне.

Он не любил большинство советских фильмов о войне. А фильм «В бой идут одни старики», помню, вообще выключил, прибавив с раздражением:

— Войну превратили в оперетту. Все было *не так*.

— А как?

— Было страшно. — Кроме этой лаконичной фразы от отца больше ничего добиться и не удалось.

А однажды я узнала вообще потрясающую вещь: оказывается мой отец в юности — в годы становления советской власти — был председателем сельского совета! Об этом он рассказал совершенно между прочим, вспоминая свои детские и юные годы, проведенные на Украине:

– А никто в деревне не хотел быть председателем сельсовета – вот меня и выбрали как молодого и грамотного. Мне было тогда 18 лет. Ну, поносил я в кармане печать одну неделю, да и отказался.

К тому времени я уже училась в старших классах («Поднятая целина» М. Шолохова была мною уже прочитана): я могла ясно формулировать свои чувства и мысли. Вот я, помнится, и сформулировала свой вопрос к отцу максимально кратко и жестко:

– Папа! Ты жил в героическое время!! Почему же ты не стал героем?!!

Ответ отца я помню почти дословно:

– Умереть тогда было слишком легко, гораздо труднее было выжить. *Я выжил – и в этом мой героизм.* Те, кто грудью шел на амбразуру, остались лежать там, либо умерли от ранений вскоре после войны. ... Разве было бы лучше, если бы я тоже погиб, и тогда бы не было вас – моих детей: *Вали, Вовы и тебя...*

Я не приняла тогда отцовской логики, но почему-то хорошо запомнила эти слова – они были фрагментом какой-то *другой, неизвестной мне культуры...*

Ну, а известная мне тогда культура предполагала восхищение перед героическим, почитание героев прошлого. Вот только стать героем самому было не просто, хоть в известной песне тогда и звучало: «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой!» В том-то и дело, что страна уже ничего не приказывала – во всяком случае, в то время, когда я и мои одноклассники становились юными и взрослыми – в конце эпохи «застоя». Советский космос (порядок) уже давно установился, все драконы были перебиты, героические времена, соответственно, остались позади. Советская культура формировала тоску по героическому, но наша эпоха уже не давала утolenия этой тоски. – Мы жили в профанное время. Поэтому мне так досадно было осознавать, что мой отец – заставший героические времена – «упустил свой шанс». Я страдала от того, что живу в профанное время – сколько перечитано было мною книг из серий «ЖЗЛ», «Пламенные революционеры»! А вот газеты читать было невыносимо скучно: страна выполняла и перевыполняла планы очередной пятилетки.

Предыдущее поколение осваивало целину и верило в коммунизм, но к моему поколению эти идеи пришли уже изрядно выхолощенными. Как же стать героем, если все драконы уже перебиты? Некоторые (хотя и очень немногие) из моего поколения рвались в Афганистан – лично я знаю одного такого энтузиаста, ныне – вполне успешного бизнесмена. Но для большинства тогда идея выполнения «интернационального долга» уже казалась слишком подозрительной. Коммунистическая идея переставала быть действенной идеей.

Я стала мечтать о научных открытиях. Я была морально готова на подвижничество и даже на жертвы ради установления или отстаивания научной истины. – Это был мой «дракон»...

Возможно, не стоит в этом сознаваться, но я испытала нечто вроде радости, услышав на втором курсе университета о предкризисном состоянии нашей экономики – неужели! Неужели моя благополучная мать-страна больна и нуждается в моей помощи!!! И я со всем рвением, на которое способны двадцатилетние души, отдалась «развитию гласности и перестройки»: казалось – вот и для моего поколения нашлось дело, вот и для нас наступила героическая эпоха... Сколько мною – секретарем комсомольской «первички» – было сказано смелых слов на лекциях в «сети полит.просвещения», сколько было организовано комсомольских мероприятий и акций.....

Но вот на экранах телевизоров появились сумрачные лица членов ГКЧП...

– Что же делать? – спросила я тогда себя, тоскливо слушая известные выступления. И в тот же момент отчетливо поняла очень неприятную вещь о себе самой: делать ничего не буду, *ни на какие баррикады я не пойду.*

– Вот они – отцовские корни, – подумала я тогда. – Но, может, отец был хотя бы отчасти *прав*? Ведь «звездное небо надо мной» есть всегда: независимо от того, что под ним – диктатура или демократия. Я не пойду на баррикады, потому что ради отстаивания политической свободы я могу потерять главную свою свободу. *А главная моя свобода – это сама жизнь!*

– Ну, а как же «нравственный закон во мне»? – нет, он тоже не зовет меня на баррикады: он не тождествен политическим идеям. Добро не может быть редуцировано к представлению о нем той или иной партии или идеологии.

Да, есть нечто во мне, что я никогда и ни в какой ситуации не смогу предать. Но это – не мои политические убеждения....

Таким было мое *отречение от героизма*. – А может, только поиском его новых форм, расширением его рамок? В любом случае то, что происходило со мной, происходило и со страной: политическая революция вызвала к жизни *культурную революцию* – произошла «переоценка ценностей». Как всякая революция, она обнажила основы жизни, заставила мыслящих людей искать эти основы.

Как профессиональный философ, то есть человек узревающий *предельные* основания и первопричины, я осознала тогда, что *реальность моего Я*, мое истинное бытие лежит глубже социально-политической реальности и рационально выраженных идей. Я – не социальное, а духовное существо. Я – не часть мира: я больше, чем мир! А это значит: героизм не в социально-политической, а в какой-то другой сфере, а может и вовсе не героизм, а что-то другое (гениальность? святость?) только и сможет решить проблему моего личностного существования. И я ушла в «подполье» – в духовную жизнь. Я уже не организовывала комсомольские субботники. Я жадно читала книги и ходила на проповеди разных религиозных организаций и сект. Я впервые тогда прочитала Библию и Коран, а также книги многих отечественных и зарубежных философов, которых раньше просто не издавали. – Благо, эти богатства стали наконец-то доступными: «приватизировать» их мог всякий желающий! – беспрепятственно и без разборок с бандитами. Мир политики и экономики стал надолго для меня неинтересен.... А в это же время мои ровесники типа Ходорковского, делали свои первые миллионы. Симбиотическое единство советской молодежи раскололось. Ну, что ж – так бывает всегда: кто-то стяжает себе ценности духовные, кто-то – материальные!

...И вот теперь мой сын подходит к тому возрасту – когда вопрошают о смысле жизни, то есть о высшей ценности человеческого бытия, а, следовательно, и о том – «с кого делать жизнь?». Мы – «рожденные в СССР», помним – как на этот вопрос отвечала наша советская культура. Но нынешняя российская культура о вещах самых важных почему-то молчит: она говорит только о *целях*, но не о *смысле*. Какова высшая ценность человеческой жизни? – Это не только личный вопрос. Это вопрос и о том, что нас всех объединяет: Бог? Родина? Истина? Почитание героев прошлого – это то, что должно было бы нас объединить в некой универсалии, вывести нас на территорию нашей истинной родины.... Там, где наши основы. Там, где мы обречены себя. Там, где, припав к земле своей родины, мы обречены силу, чтобы жить в этом мире дальше.

Кто они – герои прошлого, с которых «делать жизнь» новым поколениям? Ведь на словах быть человеком никого не научишь: нужен личностный образец. Педагоги об этом знают, но застыли в нерешительности: что же делать с патриотическим воспитанием после работы по демифологизации прошлого, проделанной историками за последние двадцать лет? Воспитательная работа в школах нынче сводится к дискотекам и посещениям театров – музеев (в общем, к развлечениям). Демифологизирующий смерч, пронесшийся по страницам отечественной истории, поставил под сомнение возможность существования героического как такового: и красные, и белые, и синие, и зеленые – все оказались одинаково плохи, а если точнее – оказа-

лись просто людьми, а не героями. Оказалось, что все возвышенное можно редуцировать к низменному: к экономическим интересам, инстинктам и проч. Значит, героев-то и не было: были идеологические конструкции! Советский героический миф, как нас почти убедили, – это всего лишь продукт политических технологий.

Ну, а герои сегодняшнего дня? – о них культура тоже умалчивает. Ощущение, что тема героя в современной культуре закрыта – закрыта вместе с прошлым – время требует сосредоточенности на настоящем. Современный человек словно бы спрятался в середине своего существования, отодвинулся подальше от края, от обрыва бытия (даже от мысли о своей смерти) – от своих начал и концов, от прошлого и от будущего. То ли устал, то ли думает, то ли спит, то ли просто функционирует.

Ну, а вопрос о целях решается просто: личный успех! Поэтому культура ориентирует человека не на образы героев (раз остался нерешенным вопрос о смысле), а на образы кумиров – примеры успешных людей.

Я подозреваю, что и у моего сына нет потребности в героическом. Не спросит ли сын у меня нечто другое: «А почему у тебя, мама, нет миллионов, как у Березовского? Ты ведь жила в такое время, когда многие богатели!» ... Да, я не стала богатой, как и мой отец – героем. Личный успех и героизм – две разные ценности двух разных эпох одной и той же страны.

Успех сам по себе не плох: не будем духовность путать с бедностью. Плохо, что он занял неподобающее ему место на вершине пирамиды ценностей. Точнее – эта пирамида вообще не имеет вершины. Плохо еще и то, что эта пирамида стоит в пустыне – в обезбоженном мире.

ИТАК, что же произошло с героическим в нашей культуре? *Мы видим изменения, но хотелось бы знать – насколько они глубоки? Что стоит за ними? Лежит ли в их основе естественное и поступательное развитие культуры или оно – при ближайшем рассмотрении – оказывается симптомом разрушения культуры как таковой? ...*

Является ли героизм только мифом? Возможен ли он в современной культуре? Хорошо или плохо, что ценность героического ушла в прошлое? Что происходит с культурой и ее будущим, если она вот так меняет свои идеалы – с героя на кумира?

Эти проблемы актуальны для всех тех, кто имеет детей и озабочен не только их материальным, но и духовным обеспечением. Это проблема для всех, кто думает о будущем, ибо закат героического – кристалл, через который можно увидеть – насколько фундаментальны произошедшие изменения в культуре.

Тоска по героическому и ее экзистенциальный смысл

А может, это и хорошо, что современный человек не стремится к героизму? Он не жертвует своей неповторимой жизнью, спасая горящий совхозный трактор [2], не пытается освоить крайний север – раз там все равно нет возможности жить? Он перестал делать разоряющие движения – те, что не выгодны, не приносят прибыли, чреваты гибелью. На смену пассионариям (Л. Гумилев) пришли гармоничные люди? Значит, культура переходит в фазу своей зрелости, значит, мы становимся цивилизованными?

Может, все же прав Й. Хейзинга, считавший, что культ героического в культуре – это не показатель здоровья, а наоборот – болезненного, кризисного состояния культуры? «Он означает, что понятия служения, миссии, долга больше не имеют достаточно силы, чтобы стимулировать энергию общества. Ее нужно усиливать, как голос через громкоговоритель. Энтузиазм людей необходимо раздувать, а может быть, и "надувать".» [3, 327] Правда, Й. Хейзинга тут же пишет и о другом: «Разумеется, нельзя отрицать положительную ценность подобной героической

позиции, систематически культивируемой властью во имя Государства. Поскольку героизм означает повышенное осознание личностью своего призвания – не щадя сил, вплоть до самопожертвования, участвовать в осуществлении общего дела, – то его можно назвать позицией, которая придется кстати в любую эпоху» [3, 326].

Но что же тогда тревожит душу? Почему есть ностальгия по героическим образам? Есть ли это всего лишь ностальгия по пионерско-комсомольской юности – вполне понятная, но не дающая права на уныние, а тем более на критическую позицию?

Что есть ностальгия по героическому? – тоска по прошлому или тревога за будущее? Я думаю, что все же – тревога (в экзистенциальном смысле этого слова).

Тоска по героическому – это, в основе своей, желание быть! Подвиг – это акт выявления моего лица в этом мире, как лица Человека во всем его величии и силе! Поэтому так актуальна жажда героического для ранней юности – на первых шагах личностного становления. Но героический подвиг – это не только акт самовыявления, это – утверждение единства мира, вскрытие основы существования всех нас. Через героев (веры, науки, политики) мы, разбросанные по миру и не похожие друг на друга, обретаем единство (в боге, в социуме, в истине, в красоте...). Герои утверждают реальность этого Единства, они ведут нас за собой. Они дают нам надежду, они показывают нам – *как можно по-настоящему жить*. Они – медиумами между этой и той, высшей, реальностью, наши проводники и поводыри...

Тоска по героическому – это глубоко экзистенциальная тоска, по сути, она – экзистенциальная тревога, обусловленная нашей конечностью и заброшенностью... Она есть у всех, кто ощущает вселенский ветер, слышит музыку небесных сфер и видит свет метафизических далей... Она есть чаще всего у юных. Но и у многих – как у меня в середине жизни – тоже «находит»: после многих земных дорог, начинаешь тревожиться – твои цели есть ли миражи или все-таки реальность? Есть ли наше единство – если не в социуме, то хотя бы в боге?

Проблема героического – это не только и не столько идеологическая проблема, сколько проблема философская, экзистенциально-личностная. Она тесно связана с главной особенностью человеческой экзистенции – ее незавершенностью (имеющей онтологическое основание в смертности человека) и возможностью трансцендирования. Через акт трансцендирования личность решает вопрос о «началах и концах» своего существования, избирает смысл жизни, а, значит, и свою сущность. Согласно С. Л. Франку, обретение смысла жизни возможно при наличии двух условий: веры в абсолют (бога) и живой связи с ним [4]. Именно в героическом акте происходит выполнение этих условий. Героическое деяние – это та точка, где происходит соединение моей жизни с целым, с универсумом, где сущность и существование сливаются. Где вспышка сакрального прожигает завесу, декорации профанного. Где спектакль становится реальной жизнью. Где мы из исполнителей своих ролей, функционеров, становимся людьми.

Жертвоприношение, как и молитва (словесная жертва), всегда были формами диалога человека со своими богами. Герой приносит самую большую – невыносимо большую жертву – свою жизнь. И божество вновь говорит с людьми. Таким образом, стремление к героическому есть нормальное явление в плане смысло-жизненных поисков.

Сакральный смысл жертвоприношения имеет место не только в военном подвиге, но и в деторождении. Многодетная мать – это, действительно, героиня (и не только в рамках идеологического словоупотребления, но и в точном философском смысле этого слова). Однако все больше женщин, искренне не понимающих – а зачем дети? А тем более к чему два – три ребенка! Звание мать-героиня звучит сегодня уже почти иронически.

Современная культура скептически настроена против героического самопожертвования. Настроена, казалось бы, на основе требований гуманизма: жизнь – высшая ценность; личность – не средство, а цель. Однако философы знают: «образ человеческий держится силой высшей, чем есть он сам» (Н. А. Бердяев). Сохраняя жизнь, человек ее теряет: отодвигаясь от всех краев (даже от мысли о своей смертности), полагая высшей ценностью жизнь, он ее обесценивает. Такова логика нигилизма.

Героизм – это всегда выход к краю – краю своих возможностей, к тому краю, где заканчивается твоя жизнь и начинается жизнь целого. Где заканчивается материк человеческой жизни и плещется океан безмерного... Целое, как океан, может поглотить твое имя – «слава павшим героям», но в акте героического подвига снимается противоречие между индивидуальным и универсальным. Поэтому героическое деяние есть максимальная точка развития личности.

Бытие героического в современной культуре: ссылка на удаленный файл?

Итак, героическое ушло в прошлое: что же теперь делать? – Заглядываю в Интернет, чтобы посмотреть, что пишут по этому поводу мыслящие люди. И нахожу всю гамму возможных реакций на ситуацию.

Во-первых, ругают СМИ: они не интересуются героическим, их интересует только скандалы, хотя примеры героического – даже в советском смысле этого слова – можно найти в сегодняшней жизни...

Во-вторых, ругают современную российскую художественную литературу: нет героев, только *персонажи*, а те, которые есть – из разряда невозможных – пьяницы, сумасшедшие и проч.

Еще ругают политиков, стоящих у власти, – не дают госзаказа на положительный образ. Обвиняют также и политиков, не стоящих у власти, – не может никак оппозиция выдвинуть из своих рядов более-менее героическую личность. Многие обвиняют и политиков прошлого – как же они допустили развал советских ценностей, их предательство! Некоторые причиной всех наших бед увидели Запад – экспортера чуждых нам ценностей и образов...

«Поплавав» несколько дней по Интернету, забывая различные словосочетания со словом «героическое» в поисковике, я вдоволь прочитала такого рода мнений и рассуждений о героическом...Общее впечатление – анализ не доходит до предельных оснований: в героическом усматривается только социальный, психологический или политический, но не духовный феномен. А речь должна бы идти в первую очередь о смене мировоззрения, о смене картины мира, а возможно, и об изменении самого человека. Героическое, герой – это образы *иной реальности, чем та, в которой живет современный человек...*

Я понимаю современных политиков, которые не «педалируют» процесс конструирования новых героев России – если персонифицировать силы добра, то ведь надо будет персонифицировать и силы зла! А кто есть главный «дракон» сегодня? – Вопрос очень «скользкий». К тому же поляризовать общество на героев и злодеев опасно.

Однако потребность в героях есть. – Об этом говорят результаты интернет-опроса «Героические идеалы в современной России», обобщенные О. А. Дороховой: «на сегодняшний день в обществе присутствует ироничное, негативное отношение к героизму, но при этом не отрицается значимость и важность этого явления». Правда, как отмечается в этом же исследовании, само понятие «героизма» изрядно размыто: «Такие качества героя, как самопожертвование, мужество, инициативность, неординарность, стремление к великим целям, например, достижение

справедливости, альтруизм, лидерство – не являются сегодня основными в его определении, они выступают в качестве второстепенных качеств» [5]. Особенно активно отвергается самопожертвование: «смерть героя <...> – проявление слабости, а не высшая точка героических усилий, которая служит доказательством того, что он отдал все, что у него было и даже жизнь. Слабость заключается в том, что задача, трудность не была эффективно разрешена, и герой позволил себе умереть. Остаться в живых – это доказать “свою способность на сверхвозможности”» [Там же]. В общем, классический образ героя приобретает все более черты супермена и даже – просто кумира. О. А. Дорохова, резюмирует, что для современного понимания героя характерно «снижение уровня требований к герою, утилитарный подход к нему, отождествление понятия “героя” с “кумиром”. Это свидетельствует о том, что данное понятие сильно трансформируется относительно классического представления о герое, но главное, что интерес к нему не пропадает» [Там же].

Ну, а мое резюме следующее: да, понятие «героическое» существует в нашей культуре, но как *ссылка на удаленный файл*. – Понятие есть, но содержание размыто, бесспорных примеров найти невозможно и главное: *нет того социокультурного контекста, в котором героическое стало возможно* (хотя бы и на уровне специально сконструированного идеологического мифа): *нет «файла»!* Есть ссылка – заходишь: либо разговор явно не о том, либо это тоже очередная ссылка, либо тебе объявляют, что информации нет, а то, что была раньше – удалена... . Резонно возникают вопросы: *А что было в том удаленном файле? И кто удалил? (не вирус ли пробрался? – может, файл все-таки есть, но стал просто невидимым)? И что теперь делать – как-то восстанавливать утраченную информацию или и так проживем?*

Возможен ли герой в абсурдном мире?

Я думаю, дело все-таки не в чем-то злом умысле. Возьмем те же СМИ – банально говорить, что они отбирают информацию по принципу коммерческого успеха. Ведь пользуется успехом именно то, что соответствует каким-то глубинным ожиданиям людей, их мироощущению.

Скандалы, катастрофы, несчастные случаи и прочие происшествия – это лишь черты того образа абсурдного мира, в котором ощущает себя пребывающим современный человек.

Можно ли убедительно описать героя, если у массового человека нет ощущения, что он может быть *субъектом* социальной деятельности? Другой вопрос – а почему такое мироощущение? Ответ для человека, знающего философию трех последних веков, тоже очевиден: произошла десакрализация культуры. – Бог был основой гармоничности, справедливости и разумности мира. Вслед за тезисом о «смерти Бога» (Ф. Ницше) звучит тезис об абсурдности мира (экзистенциализм). Абсурдный же мир не трагичен: в трагическом мире была судьба, а значит – логика и порядок, пусть и не всегда выгодные человеку. (На поединок с судьбой и выходили герои – чтобы еще раз убедиться в ее силе.) Абсурдный мир не трагичен, он *ужасен*: в нем нет единства, в нем нет надежды на воскресение, любая смерть и гибель – окончательны. Перед лицом абсурдного мира бессмысленно быть героем (в гибели твоей будет столь же мало смысла, как и в твоей жизни). Перед его лицом человеку хочется спрятаться – прикинуться ребенком или вообще мимикрировать до не-бытия – что и делает современный цивилизованный человек, погружаясь в обезличенное функционирование.

Теперь человек ощущает, что мир управляется скорее сатаной, хаосом, случаем, чем богом. В этом убеждают нас не только журналисты, но даже ... ученые. Недавно смотрела передачу о метеоритах и кометах. – Выступления ученых имели

однозначный вывод: мир в любой момент может погибнуть, не существует пока каких-либо средств защитить планету от крупных метеоритов. Остается только дивиться – как (не смотря на долгую историю человечества) мы до сих пор еще живем на матушке-Земле? – Лично у меня после просмотра научно-популярных фильмов такого рода всегда возникает почти уверенность – а Бог-то наверное, есть! (Ну, раз мы живы до сих пор!) Ну, не бог как личность, то хотя бы бог как мировой разум, как гармония, как универсум, как логос (не до конца понятная человеческому разуму имманентная логика развития и существования этого мира).

Утеряно трагическое мироощущение, где смерть упреждала жизнь, где победа над злом была возможна, где что-то можно было сделать – хотя бы ценой невероятных усилий, хотя бы коллективно. Поэтому утеряны и герои. Герой – персонаж трагедии, в абсурдном и ужасном мире ему просто нет места. Он *неуместен*. Его там просто не может быть!

В героическом мифе ужасное обитало на периферии космоса, таилось в хаосе, персонифицировалось в драконах. *Ужасное было вовне, а не внутри*. Герою было на что опереться в борьбе с ужасом – на своих богов или на родную землю. Современный же человек сам стал частью ужаса: в подвале его личности (ОНО), согласно психоанализу, сидит немало монстров. Ужас стал повседневностью. Нигде нет космоса – порядка, благообразия, красоты, гармонии, божественности.

Герой попросту невозможен – писателю или публицисту уже не удастся его *убедительно* изобразить. А если изобразит, то читатели – не поверят. Даже те, кто должен профессионально сражаться с хаосом и охранять порядок – космичность мира – милиция и военные, если верить российским СМИ, в массе своей сами есть источник хаоса, провокаторы хаоса... Нет космоса даже в сакральном центре – в столице: нами правят не боги и герои, а только люди, несовершенные люди... Поэтому сегодня всякий, кто способен на самопожертвование – хотя бы в силу своей профессии: погибший пожарник, милиционер – сколь бы героической не была его гибель, – *не герои, а жертвы* происшествия, несчастного случая, чьей-то халатности, терроризма или бандитизма.... Погибший, но не давший себя ограбить почтальон, спасший деньги пенсионеров от бандитов, – герой в самом настоящем смысле этого слова, но для современных СМИ – только лишь жертва бандитов. СМИ, пожалуй, более заинтересует почтальон, просадивший деньги пенсионеров всей деревни «однорукому бандиту»: хаос внутри нас! (См. об этом статью Ухова Е. в газете «Республика Татарстан» [6])

Героизм как преодоление ужаса

Трагическое мироощущение не исключает переживания ужасного. Ощущение ужасности происходящего (ощущение не мира в целом, а только событий) происходило с людьми на войне. Те, кто видел ее своими глазами, оказывался совсем в другой реальности. Героический миф был нужен как спасение от этого ужаса, как преодоление его (мысль Неклюдова С. в его выступлении на радио «Свобода» [7]). Поэтому использовались даже самые грубые технологии для его конструирования, даже прямая ложь. Я не думаю, что сегодня надо устанавливать: как звали на самом деле того летчика, который совершил «подвиг Гастелло»; сколько на самом деле было панфиловцев – 28 или гораздо больше, и были ли они вообще. Главное, что эти мифы работали, спасая людей от ужаса, подсказывая им необходимые в этих ужасных условиях модели поведения; помогали осмыслить то, что рассудок был не в состоянии понять. Спасибо тем журналистам и политикам, кто эти мифы создал (как уж смогли, как уж получилось – пусть и с ошибками, пусть и с преувеличениями). Героический миф – это не ложь, это рассказ, повествование о герое. Как всякий

рассказ, он эмоционален и образен, он не имеет ссылок на научно установленные факты.

Через героический подвиг человек перестает быть жертвой событий, вырывается из лап ужасного... И самое главное, эти мифы реально помогали выстоять в тех почти безнадежных условиях, в том отчаянном положении, в которых была советская армия в начале войны, перед лицом «коричневой чумы XX века».

А теперь мы не среди ужасных событий, а среди ужасного мира. Мы словно опять на войне – какой-то другой (информационной войне?), *но уже без щита героического мифа.*

Так что же нам заменило этот миф? Как же мы выживаем в этом ужасе?

Можно ли жить в хаосе? – Нет, конечно. Вот современный человек и не живет, а преимущественно функционирует. У него есть много защитных механизмов – *механизмов выживания* в абсурдном, ужасном мире.

Один из них – номинализм. Да, я могу написать о ком-то, кто пожертвовал своей жизнью ради общего блага... Но что есть общее благо? Современный человек слишком номиналист, чтобы всерьез понимать реальность существования каких-либо универсалий. У него предметное, а не символическое мышление.

Второй механизм выживания – игнорирование прошлого и будущего. *Человек спасается от временности своего существования, поселившись на пяточке сиюминутности....*

Игнорирование будущего означает игнорирование и факта своей смертности. Смерти, как естественного завершения жизни в современной культуре просто нет – есть медицинская ошибка, опять же катастрофа, несчастный случай (см. исследования понимания смерти в современном массовом сознании у Ф. Арьеса [8] и Ж. Бодрийяра [9]).

Современный человек ничего не хочет знать о смерти, поэтому он ни в коем случае не будет идентифицировать себя с героем, значит, «примерять» на себя и его смерть. – Нет, современный человек невротически отшатывается от этой идеи – смерть это с кем-то чужими, с плохими, злодеями, монстрами... Он отгораживается от образа положительного героя иронией и цинизмом: «вот дурак – умер, да еще и добровольно».

Но именно образ гибнущего героя – через самоидентификацию с ним – когда-то приводил человека трагического мироощущения к катарсису, к изживанию страха смерти. (Первоначально понятие «герой» и было понятием, имеющим отношение только к умершим (см. об этом у Й. Хейзинги [3, 322])).

Человек же абсурдного мира отшатывается от всех краев, от своих начал и концов, спасаясь в «середине» бытия, в цивилизации, в гедонизме и прагматизме. Если уж жертвовать чем-то, то только деньгами – кумиры толпы сплошь заняты благотворительностью (в этом их «социальная значимость» и «социальная полезность»). Герои теперь не умирают, а остаются в живых, чтобы обозреть гору поверженных им трупов или поле сраженья, а в последнем кадре повествующего о нем боевика поцеловать уста какой-нибудь тоже выжившей девушки (Эрос против Танатоса!).

Культура, в которой «бог умер», совсем не заинтересована в том, чтобы кто-то вопрошал о началах и концах своего существования. В десакрализованной культуре это *опасно!* – «Если ты долго смотришь в бездну, то и бездна смотрит на тебя» (Ф. Ницше). Гедонизм, эвдемонизм – способы самосохранения такой культуры, иначе от нее вообще ничего не останется: дума о смерти – самая страшная нигилистка, которая – пусти ее в душу – и камня на камне не оставит ни от права, ни от морали, ни от добра, ни от красоты. *Перед лицом смерти все теряет свою ценность!* Это прекрасно знают те, у кого есть опыт затяжных депрессий.

Если за смертью стоит вечная жизнь (в рамках религиозного мировоззрения), то тогда, действительно, дума о смерти наполняет твою жизнь истинным содержанием, отбрасывая все суетное и второстепенное, выстраивая истинную иерархию ценностей. Но если за смертью – ничто, то тогда о смерти, действительно, лучше и не думать – иначе через эту думу в твою жизнь вторгается пустота, все сметая на своем пути. (В точности так же, как через дыру в обшивке самолета, находящегося в полете, при его разгерметизации врывается воздух и разрушает самолет!) Достоевский очень хорошо чувствовал эту идею (не зря же он был однажды в «пограничной ситуации»), неоднократно высказываясь о том, что *без религии и бессмертия души нравственная жизнь человека просто невозможна!*

Итак, думать опасно, надо просто функционировать. И даже пожилым людям, которых древние культуры наставляли на отшельничество и заботу о душе, современная культура навязывает ценности молодости, спорта и т. д. – то есть все той же суеты. Культура ничего не хочет знать и о старости, как и о смерти – такого «эмпирического факта» в ней просто нет. *Но насколько жизнеспособна такая культура?*

Единство мужества, духовности и любви

В «Одноклассниках» увидела страничку давнего друга.... «Здравствуй, Комсорг», – по первому движению души написала я. Он действительно был когда-то комсоргом дружественной «первички», с которой в далекие 80-е мы проводили вместе многие мероприятия, делали попытки «перестроить» комсомол. И *Комсоргом* он был тоже: предельно честным, надежным, порядочным человеком. (Это именно тот мой знакомый, писавший заявление о своем желании служить в Афганистане, которого я упоминала выше.)

После обмена краткой информацией о своей жизни за последние двадцать лет, мы, перешли к обмену своим экзистенциальным опытом. Почти сразу же заговорили о взаимоотношении с подрастающим поколением – в том числе, со своими сыновьями. Он написал, что любит двух своих сыновей, гордится их успехами, но видит у них слишком прагматичное отношение к миру и не уверен – достаточно ли у них мужества, чтобы (в случае войны) «пойти грудью на дзот или с гранатой – под танк». Зная Комсорга, уверена – он бы смог. А вот сыновей его не знаю – не знакома. А мой пока еще не созрел как личность...

Тревога наша выявляет связь, известную интуитивно многим, но не всегда видимую в свете философской рефлексии. – *Мужество нуждается в силе бытия, большей, чем силы индивидуального Я.* Поэтому оно имеет если не явные, то скрытые религиозные корни. Патриотическое воспитание всегда поэтому было тесно связано с религиозным воспитанием. Так считает, в частности и современный протестантский теолог П. Тиллих: «Мужество есть выражение веры, и только в свете мужества быть можно понять, что такое вера. Мы определили мужество как самоутверждение бытия вопреки небытию. Сила этого самоутверждения есть сила бытия, которая действует в каждом акте мужества. Вера есть опыт этой силы» [10, 120].

Соглашаясь с П. Тиллихом, можно лишь добавить, что культура, выстраивающая себя на ценностях гедонизма и эвдемонизма, *запускает программу самоуничтожения.* Если российской молодежи двадцать лет внушали «бери от жизни все!», «не дай себе засохнуть» и т. д., то что же теперь наши идеологи удивляются, что призывников в армию не собрать! А чего они хотели? – иметь 2 в 1: и бездумного потребителя материальных благ и патриота в одном лице?!

Мужественный поступок, сила, преодоление страха возможны только, если у тебя есть духовная почва. Сила – не в тебе, сила – в том универсуме, с которым ты нашел возможность отождествить себя. *Ты стал частью того, что нельзя уни-*

чтожить. И поэтому тебе уже не страшно погибнуть (физически, финансово, социально) – ты останешься жить в этом целом. Поэтому ты можешь бесстрашно смотреть в глаза опасности, смерти, огульной критике, непониманию, в дуло пистолета и т. д.

Более того, твоя гибель или хотя бы твое мужество, твоя смелая позиция делают еще и для многих *очевидной* ту духовную реальность, в которой ты черпаешь силы, поможет колеблющимся уверовать и тоже распрямить спину и тоже сделать шаг навстречу бытию. Поэтому героизм существует прежде всего как *миф* о герое....И эти мифы так *живучи*, потому что у человека всегда была, есть и будет экзистенциальная потребность в единении с другими людьми: *утверждение духовного мира есть утверждение единства мира!*

В материальном мы разбросаны и разъединены, мы жалки и некрасивы, мы смертны и эгоистичны. Проблема лишь в том, чтобы найти то божество, ту идею, которые смогли бы нас всех объединить, а значит – даровать бессмертие. *То, ради чего погибает герой, есть ведь и решение проблемы смертности человека – основа нашей вечной жизни. Гибель героя – это акт трансцендирования – это всегда ответ на вопрос о наших началах и концах.* Конечно, всегда найдется скептик, который будет рассуждать об иллюзорности и ошибочности трансцендирования – любой ответ можно оспорить. Но любой ответ *заслуживает уважения* как состоявшийся выбор, как деяние в свободе, как *усилие быть*.

Истинное единение людей – это любовь. Истинная любовь не возможна без дара: не торгашеский обмен: ты мне – я тебе, а именно тот дар, от которого ты становишься богаче, а не беднее. Тот жест дарения, который абсолютно бескорыстен и в котором нет самолюбования (об этом хорошо сказано у Э. Фромма в его «Искусстве любви» [11].) Героический поступок – это и есть доказательство возможности такого дара, это дар в чистом виде. *Поэтому жертвенный подвиг – это всегда проявление любви к человечеству.* Как всякая истинная любовь, она взаимна: человечество любит своих героев.

Всякая любовь – это трансцендирование за рамки своего Я. Это и результат, и основа любви. Это и результат, и основа героического деяния тоже. *Героизм есть всегда акт утверждения духовности мира – акт веры и любви, акт трансцендирования.*

Герой – это человек, имеющий мужество верить в реальность универсалий, в единство мира; имеющий мужество действовать на основе этой веры; имеющий мужество идти там, где с точки зрения номиналистов просто ничего нет, что бы удержало человека – идти по воде, идти по воздуху, идти по звездным тропам...

Многообразие форм героического. Героизм в искусстве?

Однако было бы ошибкой сводить героическое только к военному подвигу и рассматривать его в рамках патриотизма. Может, мы просто не видим героизма («файл» не удален, а лишь стал невидимым), только лишь потому, что редуцируем феномен героического к некоторым его формам. Формы связи с целым могут быть многообразны. Мужество требуется не только на войне, но и в науке и даже в искусстве. И даже в философии. Разве не был героем Дж. Бруно?

Формы героического многообразны. Т. Карлейль в своей известной книге «Герои, почитание героев и героическое в истории» [1] рассматривает шесть форм героического: *герой как божество, как пророк, как поэт, пастырь, писатель и вождь.* К сожалению, даже беглый взгляд на этот перечень, подсказывает нам, что кризис героического затронул фактически все его формы. Образ ученого как героя, противостоящего стереотипам и мнениям, приносящим (если это надо) в жертву себя и

свое благополучие – был когда-то такой образ ученого в советских книгах и фильмах. Куда он делся? Почему он больше не интересует писателей и кинематографистов?

Возможна ли реализация героического в поэзии и в писательстве? – Теоретически, да. Мы можем без труда вспомнить вполне героические личности писателей и поэтов в том числе советского периода, но нельзя не заметить, что и с искусством тоже нечто произошло. Что-то, что изменило саму суть творческой деятельности, где героическому тоже не стало места.

Недавно я смотрела «Музыкальный ринг» 1986 года с «Аквариумом» и с молодым Борисом Гребенщиковым в качестве главных героев. Поклонницей «Аквариума» я никогда не была – в молодости я эту группу как-то «пропустила», но какие-то песни Гребенщикова, конечно, слышала, а некоторые – нравились. Пожалуй, певца я более-менее пристально разглядела только недавно – на канале «Ностальгия» шла передача о нем. Но личность особо не впечатлила: заслуженный музыкант как-то не отличался новизной или пронзительностью суждений. От некоторых острых вопросов ведущего (например, о чувстве ответственности духовных лидеров 80-х за день сегодняшний) вообще ушел – просто *не захотел* услышать вопрос. По рассказам о прошлом было видно, что он неплохо знает восточные учения, но кто тогда – в 90-х – не интересовался Востоком! Ну, а по рассказам о дне настоящем, было видно, что человек живет преимущественно частной жизнью, хотя и продолжает писать песни. Гораздо интересней текущей беседы были архивные ролики, которых я раньше не видела, в том числе – с совсем юным Гребенщиковым на арене «Музыкального ринга»: «Рок-н-рол мертв, а я еще жив...». Вот, собственно, почему я постаралась вовремя включить телевизор, увидев в программе передач показ полной версии того самого «Музыкального ринга».

И посмотрела его с большим удовольствием, погрузившись в полузабытое время своей молодости: знакомые прически и пиджаки 80-х, какие-то особые – которых уже нет ни у кого сейчас – выражения лиц у зрителей, такие наивно-советские по духу вопросы и суждения. Такие устаревшие, но такие понятные по тем временам обвинения группы в «романтизме» и «мистицизме»! ... Высокий, худой Гребенщиков – в желтом свитере с закатанными рукавами, с открытым лицом и широкой улыбкой. Молодой, но зрелый поэт с бесстрашно-пронзительным лиризмом и вибрирующим голосом, исполняющим свои песни; серьезно и достойно отвечающий на вопросы зрителей, немногословный и корректный. – Замечательный концерт, интересная по замыслу и воплощению передача...

Но выключила телевизор, и что-то тоскливо-тягостное придавило душу... Нечто, что сложно выразить словами. – Ощущение какой-то *потери*. – Чего-то важного и прекрасного. И дело не в том, что этот талантливый и своеобразно-красивый юноша состарился – старость ведь тоже бывает красивой и даже величественной. И дело даже не в Борисе Гребенщикове. *Что-то случилось с нашей культурой за эти 20–25 лет!*

То, что она потеряла за эти годы (и что, возможно, потерял с годами и сам музыкант) – предстало с такой очевидностью: ведь в глазах, в лице, во всем облике *того* Гребенщикова отразился свет метафизических высей, свет далеких звезд, проблеск иной реальности. *Он выражал не себя – он был лишь скромным проводником того, что было выше и больше, чем он сам.* Он не был даже слишком талантлив (да простят меня его почитатели, но стилистика русской речи у него сильно хромает!), но все же *достаточно* талантлив, чтобы принять и передать другим это высшее – или хотя бы *намекнуть* на него. Собственно содержанием его творчества и был этот намек на иную реальность – ту, где больше кислорода; ту, в которой больше тайны и глубины; ту, которая соразмерна человеку и его дерзновениям... *Это был намек на глубину мира, на возможную его божественность...*

Это то, что создавало дистанцию между ним и зрителями, и одновременно то, что притягивало этих зрителей к нему, интриговало их. Именно это давало ему силу держаться прямо, открыто смотреть в глаза зрителям и телекамере, наезжавшей «крупным планом»: спокойно «держат удар» глупых или неприятных вопросов (тоже имевших место в ходе передачи), не заискивать перед зрителями, не подстраиваться под них, а быть собой – именно быть, и именно собой. Эта же *спокойная сила* позволяла ему уважать этих зрителей, не относиться к ним свысока – спокойно и достойно принимать и их непонимание тоже...

Он стоял не на арене «Музыкального ринга», не в телевизионной студии – *он стоял на краю: понимания, выразимости, политкорректности...* И как всякий стоящий на краю – *он рисковал*: сорваться в пропасть, оступиться. Как всякий стоящий прямо, расправив плечи и во весь рост, он рисковал вдвойне: он мог стать хорошей мишенью для жаждущих пострелять, да и сильный порыв ветра мог тоже случиться... И для всякого, кто *видел* это – то, как этот человек *рискует* (*при полной своей вменяемости, достаточной зрелости и совершенно всерьез*), становилось очевидным – есть, существует та реальность, о которой он говорит: иначе откуда у человека эта сила? иначе непонятна причина его бесстрашия там, где обыкновенно человек боится! И хотелось тоже взглянуть туда – в те горизонты, о которых он говорил и пел, и, быть может, тоже увидеть их.... Он был вполне убедителен в своем противостоянии штампам, стереотипам, традициям, непониманию...

Это то, что делает простого человека творцом. (Собственно, только в состоянии «экстазиса» (выхода за рамки своего Я), человек и способен творить. – Так считала уже античная эстетика.) Это то, что делало фигуру молодого Гребенщикова вполне героической, и то, что как-то скомкалось, уменьшилось, исчезло в современном искусстве, что потонуло в мутном потоке современных СМИ...

В современной культуре человек выражает только самого себя. В этом – его ничтожество. Он думает, что возвысил себя, но все наоборот – максимально унизил. Человек традиционной культуры, еще не возомнивший себя первоосновой, субстанцией, мыслил себя выражением, воплощением чего-то большего, чем есть он сам – рода, бога, социума. Поэтому он никак не мог чувствовать себя ничтожеством – он мог, конечно, чувствовать себя несовершенным воплощением, но все равно – воплощением *великого*. Его ценность могла бесконечно приближаться к нулю, но никогда с ним *не сливалась*. А вот человек, ставшей субстанцией, может ощутить себя *нулем*: совпадение противоположностей – все и ничто есть одно и то же. Поэтому еще Достоевский так горько иронизировал над «гордым одиночеством» в своих «Записках из подполья» [12].

Одиночество стало изолированностью от универсума, утерей связи с абсолютным, значит – началом аннигиляции, нигилизма. Поэтому гордость и одиночество стали несовместимы, хотя первоначально одиночество и было средством самовыявления. Но это «само» имело природу, содержание. Став замкнутой системой, оно выродилось.

И даже в искусстве он – Петр, Иван, Макс – *выражает только себя и свое глубоко человеческое*. – В этом секрет массового искусства. Творцы тоже утратили связь с абсолютным, с божеством. Музыку и стихи им теперь нашептывают не Музы, а инстинкты. Поэтому их продукция выполняет функцию регрессии, а не сублимации. Поэтому в этой продукции нет красоты, а только красивость. Нет душевного труда, а только суетность.

Слово – это путь к бытию, но оно может оказаться и простым писательством: например, сборником советов как выйти замуж за миллионера или книгой какой-нибудь Бони из «Дома-2» с рассказом о себе и о местных нравах. Бони выражает только себя. Настоящий поэт или писатель выражает универсальное, ведет читателя к универсальному. Объективно, конечно, и какая-нибудь Боня – тоже проявле-

ние универсума. И в этом плане ее бесхитростные жизнебытописания тоже могут быть поучительны – даже в высшем нравственном смысле. Но это в случае гениального читателя. А если читатель – Боня № 2, то соединение с абсолютным так и не состоится. Правомерный вопрос: а чего же мы с таким интересом читаем эту Боню?...

Кумиры вместо героев

В современном почитании публичных людей, в современном идолопоклонстве можно увидеть архетипическое: актерская профессия ведь восходит к жрецам – обязательным участникам древних мистерий, повествующих о мифологических событиях в драматической форме. Они когда-то были посредниками между сакральным и профанным, а, согласно логике мифа, прикосновение к части приобщает и к целому. И теперь актеры – «образы несуществующего мира». Измельчали люди – вот и боги их измельчали, стали божками. *Божественная жизнь стала ограничиваться просто богатой жизнью, красота редуцирована к гламуру.*

Аннигиляция человека параллельно с коллапсированием культуры – это то, что мы называем цивилизацией. Это то, что так возмущает в современности людей, несущих в себе культуру (да, советскую культуру, но ведь именно – культуру, а не бескультурие!) Человек выражает только себя. Озабочен только собой. Он не хочет нести в себе не только бога, но и социум, и даже – род.

Нет героев, поэтому мы поклоняемся хотя бы актерам, играющим героев. Актерская игра делает их отдаленными участниками древних мистерий о спасении мира, о победе над смертью и злом. – Пытаясь хоть как-то сохранить себя, саморазрушающаяся культура поддерживает свое существование фантазиями, снами, грезами!

Героизм как решимость и мужество быть

Что же дальше? Будем надеяться на лучшее: опыт функционирования – опыт тоже полезный. За молчанием последует Слово. Надеемся, что духовная работа продолжает идти. Может, героическое сегодня и сейчас заключается в том, чтобы БЫТЬ. *Быть живым. Наперекор всему, что тебя обезличивает.*

Не функционировать, а чувствовать и думать. Быть не машиной, автоматом, а человеком. А быть человеком – это значит, совершать усилие (мысль М. Мамардашвили). Для этого усилия тоже необходимы сила и мужество.

В многочисленных фильмах, где герой спасает планету от нашествия инопланетян-роботов можно увидеть отражение экзистенциальной драмы современного цивилизованного человечества: *победить робота в себе*, чтобы Земля, действительно, не оказалась заселенной роботами, только вполне земного и человеческого происхождения. Только спастись от этого можно не с помощью супер-оружия, а с помощью саморефлексии, с помощью философской мысли...

Что происходит с философией в современном обществе – особая тема. Фактически «социальный заказ» на философию состоит в том, чтобы она *исчезла* (или деформировалась настолько, чтобы не смогла выполнять своего назначения). Философия мешает функционировать. Заставляет думать: берет наслаждающегося индивида за руку и подводит к краю пропасти – смотри, ты смертное существо... Берет за руку подростка и ведет его на вершину горы, откуда *видно*. Помогает человеку подняться к той вершине, где его уже не достанут современные СМИ, стремящиеся сделать его удобной жертвой своего идеологического манипулирования...

Заключение: победить дракона!

У этого мира есть темные ночи, и их много.

Бернард Клервоский

Несмотря на преимущественно пессимистический тон моей статьи, я подхожу к ее концу (и мой читатель, надеюсь, тоже) все же с надеждой и даже некоторым оптимизмом.

Я думаю, что тоска по героическому имеет экзистенциальную природу. Я думаю, что никакая культура не способна существовать без ценности героического – хотя бы в какой-то ее разновидности. Иначе у культуры нет единства, центра, солнца. Иначе – она в кризисе. Иначе она влачит сумеречное или только ночное существование, если у нее нет солнца – героев. Такова ситуация в современной российской культуре – мы были свидетелями заката героического. *Мы – в долгой ночи существования российской культуры.* На небе – бесчисленные «звезды», свет которых, конечно, не сопоставим с солнечным. Ночь – время отдыха и полубессознательного состояния. Она тоже иногда нужна культуре, как ночь – уставшему человеку. Особенно после такого сложного и многострадального дня, каким стала история нашего отечества в XX веке. Но я верю в «вечное возвращение»: будет новый день.

Я думаю, что файл о героях и героическом *есть, существует в программе нашей российской культуры*, и он даже *не удален*: просто пробравшийся в нашу культуру вирус сделал его *невидимым*. (А духовно спящий человек, действительно многого не видит!). Вирус – это специфическая система ценностей, утвердившая себя в последние два десятилетия через СМИ как единственно возможная.

В общем, наш компьютер, то есть нашу культуру, надо лечить от этого вируса: ну не может существовать культура, если материальные ценности ставятся выше духовных! – Программа саморазрушения, запущенная в нашей культуре, рано или поздно будет обнаружена и удалена. Это как с алкоголизмом: если хочешь жить – лечись! Можно тянуть с излечением какое-то время, но всегда есть предел... Думаю, российская культура уже подошла к такому пределу.

Специалисты по вирусам – это мы, философы. Те, кто все последние двадцать лет помогал студентам осваивать духовные богатства человечества, учил их не покоряться стереотипам, самостоятельно и критически мыслить, узреть универсальное.... В общем, учил философии.

Кардинально решить проблему одним просветительством, конечно, не получится. Сил одних интеллигентов мало. Во всяком случае, это задача не на один день. – Деформация ценностных ориентаций общества, культурный кризис имеет, конечно, и экономическую природу.

В России не люди имеют деньги, а наоборот – деньги «имеют» люди: как богатых, так и бедных. Социологи говорят о необходимости среднего класса как условия стабильного общества. – Возможно, они правы: здоровое общество может опираться только на людей, которые имеют деньги, а не наоборот. В идеале это и есть средний класс – люди *делают дело, а не деньги*. Деньги – побочный продукт их деятельности, а не самоцель. Денег хватает на полноту жизни, но они не требуют полного подчинения им своего владельца. Именно у таких людей на вершине ценностной пирамиды могут быть культурно конструктивные ценности – истина, добро, красота....

Но пока у нас считается, что все люди хотят быть богатыми. Материальное богатство – высшая ценность современной российской культуры. Оно же – критерий оценки человека и его успешности. Оно же грозит стать критерием всего и вся в рыночной идеологии: покупают – значит, хорошее, не покупают – значит, плохое. Мы

преувеличиваем обычно значение той ценности, которой не имеем. Россия – бедная страна, поэтому мы все так помешаны на хлебе насущном. Поэтому мы все так невротически боимся бедности, хотя чуть ли не треть страны в ней и пребывает. Мы, педагоги (в большинстве своем), тоже в ней пребываем. Но как российские интеллигенты мы относительно независимы от своей эпохи. Мы укоренены в универсуме, поэтому наше зрение сильнее, чем у обыкновенных людей: чтобы видеть реальность, нам не нужны очки с мутными стеклами социальных стереотипов – у нас у самих хорошее зрение (точнее – умозрение).

Что вижу лично я? Я вижу, что ничего принципиально не изменили в этом мире ни революции, ни перестройки, ни реформы, ни дефолты и прочая и прочая. Если приглядеться, то изменения затронули поверхность бытия, но не его суть: есть богатые и есть бедные; есть честные и не очень; есть свобода в одном, и нет свободы в другом. – Так было всегда! Ничего особо исключительного наш сегодняшний мир из себя не представляет! Двадцать лет страну полихорадило, побросало из стороны в сторону – и все вновь стало *почти* на те же места.

Ведь это только кажется, что ценность богатства выдвинулась на первый план только сейчас – *всегда* были люди (коих много), которые стяжали себе материальные богатства, и *всегда* были те, кто стяжал богатства духовные. Неужели мы все сейчас забыли об этом? Современные идеологи даже на секунду не сомневаются в том, что стремление к обогащению – потребность «общечеловеческая». Как бы не так! Помните у Некрасова? – «Средь мира дольного для сердца вольного есть два пути. Взвесь силу твердую, взвесь волю гордую: каким идти?... » – *Путей всегда, как минимум, два!*

Многие читатели этой статьи, наверное, помнят замечательный фильм перестройки «Убить дракона» (М. Захарова). С драконом тоталитаризма мы справились. Но какой ценой? Не призвав ли другого? (Цитата из фильма: «Чтобы не бояться дракона, надо иметь своего») Дракон – это внешняя преграда. И кажется, что для победы над ним необходимы мечи и баррикады. Но есть и внутренние преграды. Актуально бы вновь перечитать старую книгу Г. Маркузе «Одномерный человек» [13]: тоталитаризм многолик. Современный капитализм – дракон «нового поколения» – более изощренный. Он имеет не облик монстра нечеловеческой природы, а тот самый – который он имел в конце фильма: облик доброго взрослого дяди, который учит детишек запускать змея....

Я думаю, что Дракон жив (и бесплатно дарю сценаристам идею написать сценарий фильма «Убить Дракона-2»). Он сменил облик монстра на добропорядочно-человеческий. Ланцелот в конце фильма опознал эту *трансформацию*. Он опомнился и, бросив заниматься политикой, поспешил к этим детям. ... Последние кадры фильма – удаляющиеся к горизонту фигуры Дракона и Ланцелота, окруженные толпой детей и подростков...

Я думаю, что и моя жизнь – вузовского преподавателя философии – не была после ГКЧП полным отречением от героического. Просто я тогда интуитивно поняла то же, что и Ланцелот в конце фильма: бороться с Драконом куда сложнее, чем думают те, кто идет на баррикады. – Не на баррикадах (не только на них) проходит линия борьбы...

Драконы всегда есть – в любой культурной ситуации, в любую историческую эпоху. Просто не всегда хватает остроты зрения, чтобы их увидеть, в том числе – внутри себя. Ну, а если драконы всегда живы, значит, всегда нужны и герои. Культура всегда амбивалентна: ее динамика развития и строится на борьбе противоположных начал. Всегда нужны люди, своим примером напоминающие другим людям о том едином, что их объединяет – истине, добре, красоте, Боге и Родине. Всегда нужны люди, противостоящие хаосу, стереотипам, угрозам личностному существованию человека. Надо выбираться из культурной ямы. Чтобы в ней не остались

наши дети – надо бороться с этими новыми «драконами» за юные души. Победит тот, чью систему ценностей примут молодые.

Убить Дракона нельзя, но победить можно: посадить на цепь, запереть в подвал, как-то использовать его «в мирных целях». Будучи «вирусом», сделавшим невидимым файл о героическом, он тоже не подлежит полному уничтожению – он будет и дальше бродить по мировой сети, пробираясь в культуры других стран, а то и вновь возвращаясь в нашу ... *Но отправить этот вирус в «карантин» и поставить хорошую антивирусную защиту на свою культуру – можно!...*

А пока я дописываю эту статью, мой 13-летний сын сидит за своим компьютером и в очередной раз «спасает мир», а если точнее – какую-то абстрактную страну от террористов, используя, понятное дело, далеко не одну жизнь.

Рядом с ним – на полке стеллажа – стоит старая книга «Всего одна жизнь», некогда подаренная мне Комсомолком (уж не помню, по какому поводу), с подборкой статей журналистов «Комсомольской правды» о героической советской молодежи. В первой статье этой книги, озаглавленной «Верен Родине и себе» [2], рассказывается о 18-летнем трактористе, спасавшем ценой своей жизни от пожара свой трактор и необработанное поле совхозной пшеницы.

Эту книгу мой сын никогда не читал (и вряд ли будет читать), и, в отличие от нашего поколения, он не вспомнит ни одного имени пионера-героя в Великой Отечественной войне, зато знает все 12 подвигов Геракла – в школе недавно задавали.

Возможно, утверждения данной статьи могут показаться читателям спорными. Что же, давайте поспорим, то есть – вместе подумаем: что же будет дальше с нашими сыновьями, с нашей культурой, с нашей страной.

Библиографический список

1. Карлейль, Т. Герои, почитание героев и героическое в истории // Карлейль Т. Теперь и прежде/ Сост., подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. – М.: Республика, 1994. – 415 с. – (Б-ка этической мысли).
2. Симонов, К. Верен Родине и себе / К. Симонов // Всего одна жизнь (Журналисты «Комсомольской правды» о молодом современнике, а также о ценностях истинных и мнимых) – М.: Правда, 1984. – С. 6–19.
3. Хейзинга, Й. В тени завтрашнего дня // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: Прогресс, 1992. – С. 241–367.
4. Франк, С. Л. Смысл жизни / С. Л. Франк // Смысл жизни: антология русской религиозной философии. – М, 1994.
5. Дорохова, О. А. Героические идеалы в современной России (по результатам проведенных интернет-дискуссий сентябрь–ноябрь 2006 г.) [Электронный ресурс] / О.А. Дорохова. – Режим доступа: www.ethicscenter.ru/biblio/dorochova.html
6. Ухов, Е. Герой нашего бремени [Электронный ресурс] / Е. Ухов // Республика Татарстан. – 2008. – № 60-61, 25 марта. – Режим доступа: www.rt-onlain.ru/articles/60-61_26177/75482/Казань.
7. Советский героический миф: механика, прошлое, настоящее // Радио Свобода: Программы: история и современность. – Режим доступа: [//archive.Svoboda.Org/programs/TD/2001/TD.111801.asp](http://archive.Svoboda.Org/programs/TD/2001/TD.111801.asp).
8. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес. – М.: Прогресс, 1992 – 524 с.
9. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – 2-е изд. – М.: Добросвет; КДУ, 2006 – 389 с.
10. Тиллих, П. Мужество быть // Тиллих П. Избранное: Теология культуры. – М., 1995.
11. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм. – СПб.: ИД «Азбука-классика», 2008. – 224 с.
12. Достоевский, Ф. М. Записки из подполья // Ф. М. Достоевский – Полн. собр. соч. в 30 тт.: Т. 5 – Л.: Наука, 1973.
13. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М.: Relf-book, 1994. – 368 с.

Мосиенко Лилия Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета

Дата поступления статьи в редакцию:
12.05.2010 г.

УДК 008+159.722.32+17.023

А.М. Хадыкин

ЭНТРОПИЯ КУЛЬТУРЫ И МОРАЛИ

Ключевые слова: энтропия культуры и морали, психофизическое состояние, открытая система

В середине XX века американский ученый Э. Деминг создал теорию изменчивости, согласно которой любой процесс (в том числе развитие культуры и морали) подвержен постоянному воздействию множества факторов, влияющих на конечный продукт. Другими словами, любой процесс подвержен совокупности причин изменчивости. При этом можно выделить две группы причин: случайные, вызывающие естественные вариации процесса и особые причины, которые вызываются действием как отдельных определяющих факторов, так и их совокупностью. Если первые факторы носят вероятностный характер, то вторые – детерминированный и, следовательно, могут быть управляемыми.

В процессах современной культуры можно также выделить случайные и детерминированные составляющие. Детерминированные составляющие процесса – это те, что определяются историческим развитием, менталитетом нации, то есть объективными закономерными взаимосвязями и причинами. Следовательно, есть процессы (детерминированные), которыми может управлять власть, а есть процессы стохастические (вероятностные), которые являются случайными. Но это не значит, что среди них нет процессов, которые могут на данном временном интервале быть управляемыми. К случайным процессам применим энтропийный подход.

Прежде чем рассматривать рост энтропии культуры и морали, следует определиться с самими понятиями: *культура, мораль, энтропия, система*.

Культура (от лат. *Cultura* – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание), исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженных в типах и формах организации и деятельности людей, а также создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Мы будем рассматривать культуру не в сфере материальной деятельности, а в более узком смысле – в сфере духовной деятельности людей [1].

Мораль (от лат. *moralis* – нравственный) – особая форма общественного сознания в виде общественных (моральных) отношений; один из основных способов регулирования действий человека в обществе с помощью норм. Есть традиции и обычаи. В отличие от них нравственные нормы получают идейное обоснование в виде идеалов добра и зла. В отличие от права, требования морали определяются лишь формами духовного воздействия. Мораль включает в себя: общечеловеческие нормы, исторические переходящие и классовые отношения, обусловленные стратификацией общества. Нравственность – качество человека, его деятельности, поступков, мыслей, отношение к другим людям, определяемое через соответствие понятиям добра и зла, выражаемых в нормах морали. Мораль связана с воспроизводством жизни общества, в частности, в современной культуре она закрепляет в своих нормах рост энтропии (зла) [1].

Энтропия (от греческого *entropia*) – поворот, превращение. Будем рассматривать энтропию в части социальных систем, к которым отнесем культуру и мораль. В социальных системах энтропия – психофизическая энергия людей. Рост энтропии означает ухудшение психофизического состояния социума [3].

Система – иерархически организованная и целенаправленно функционирующая совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов и подсистем. Функционирование систем проходит в условиях внешних и внутренних воздействий. Качество системы можно определить количественной мерой ее неупорядоченности (неопределенности) – энтропией.

Культура и мораль как система могут случайным образом под воздействием факторов оказаться в той или иной ситуации с некоторой степенью неопределенности. Очевидно, что чем больше состояний, тем больше неопределенность системы (больше беспорядок – больше энтропия).

Культура и мораль как система могут быть изолированы от внешней сферы, то есть замкнутыми. В таких системах энтропия перераспределяется внутри системы и через какое-то время система становится равновесной. Реальные системы, как правило, открыты, поэтому они имеют значительно большие возможностей в функционировании, чем сумма возможностей всех ее отдельных элементов (подсистем). Культура и мораль в нашем обществе являются открытыми системами. М. Пригожин доказал, что для естественной открытой системы выполняется принцип: структурное состояние системы должно стремиться к такому, при котором производство энтропии минимально. Система, в которой этот принцип нарушается, распадается [5]. В современной культуре и морали идет рост энтропии и, следовательно, система идет к разрушению.

Следует иметь в виду важное свойство: в открытой системе энтропия всегда возрастает, но никогда не уменьшается сама собой.

Открытая система импортирует энтропию. Наша страна, перейдя на рыночную экономику, стала полностью открытой системой не только в экономике, но и в культуре и морали, хотя основными законами в современной экономике являются законы системной борьбы, а не законы рынка, которые навязаны нам определенной группой людей, называющих себя почему-то реформаторами. *Реформа – изменение формы, совершенствование структуры системы. Так называемые реформаторы провели системную диверсию, заменяя сильно организованную экономику, на более отсталую – рыночную.* Реформа проходит в Китае, где высокоорганизованная система постепенно реформируется плавным введением рыночных отношений, что способствует самоорганизации и развитию экономики.

М. Колодиев [2] назвал применение рыночных отношений к сильно организованной экономической системе «системной диверсией», т. к. навязанный нам тип экономики, более отсталый, чем созданный в советское время, что подтверждено практикой «реформаторских лет». Поэтому М. Колодиев назвал «реформаторов-рыночников» диверсантами. Реформаторов-организаторов в культуре и морали, как будет показано ниже, следует также называть диверсантами.

Культура и мораль являются высокоорганизованными подсистемами более сложной системы – социальной. Есть в нашей недавней истории факт, когда именно культура и мораль побуждали наш народ работать, не получая месяцами (а то и годами) зарплату. Но надолго ли хватит у народа «запасов» культуры и нравственности, если в культуре и морали идет рост энтропии, которая впитывается людьми, ухудшая их состояние по всем показателям не только нравственности и культуры, но и другим показателям качества социальной жизни: социальная активность, желание иметь детей, здоровье, образованность, благосостояние, благожелательное отношение друг к другу и т. д. Можно утверждать, что сознание социальных условий безнравственности, аморальности и бескультурия ведет к росту энтропии в целом в обществе.

В статье не ставится цель охватить необъятное. Для того чтобы «объять», надо составить схемы причинно-следственных связей для нравственности и культуры, взаимодействие и взаимосвязи между элементами подсистем, разработать известную в менеджменте качества схему К. Исикавы. А это самостоятельная исследовательская задача.

В представленных размышлениях об энтропии современной культуры и морали (нравственности) факты роста энтропии (в более общем понимании как роста зла, а если переходить к категориям религии – к усилению власти дьявола) рассматривается, исходя из фактов нашей повседневной жизни, представленной в средствах массовой информации. Конечно, отследить все и вся нереально, но увидеть тенденции – возможно. Рассматриваются примеры возрастания энтропии, приведенные в «Аргументах и фактах», «Аргументах недели» и др. Автор взял на себя смелость комментировать те или иные высказывания и соображения. Кроме того, использованы мысли и высказывания людей, которых мы можем отнести к совести нации: Л. Толстой, А. Пушкин, Ф. Достоевский, М. Горький, А. Солженицын, В. Распутин, и многих других.

Итак, сегодня мы, хотелось написать наблюдаем, но правильное являемся, соучастниками роста энтропии культуры и нравственности. М. Горький в статье «С кем вы, «мастера культуры»?» (1932) писал: «... некоторые интеллигенты начинают понимать, что «творчество культуры», которое они считают своим делом, не результатом своей «свободной мысли» и «независимой воли», уже не их дело и что культура не является внутренней необходимостью капиталистического мира ... Этому миру не нужна высокая культура. Им нужна культура для украшения их бытия, для «утешения богатых в пошлых горестях их жизни» [6]. Поэтому рост энтропии – это заказ богатых для нравственного подчинения людей. Рост энтропии особенно влияет на молодое поколение, которое имеет маленький практический социальный и жизненный опыт и которому важны красивые слова (послушайте-ка наших «вождей»!), а не разумные действия. Следствие – раздвоение личности. По В. Высоцкому – это два Я (одно зовет на балет, второе на скачки). Чувственная сфера молодежи расшатывается, хочется чего-то «остренького», «крутого». Отсюда извращенность чувств, злоба, вражда к людям, немотивированные поступки (а вы хотели чего-то другого от зомби?!). М. Горький еще в 1909 году писал в своей статье «Разрушение личности»: «Надо ждать, что в близком будущем кто-то мужественный и честный напишет грустную книгу «Разрушение личности» и в этой книге ярко покажет нам неуклонный процесс духовного обеднения человека, неустрашимое сжатие Я» [6]. В современном понимании это рост энтропии. Из современных мыслителей такую «грустную» книгу могли бы написать немногие (А. Солженицын, В. Распутин).

Наибольшее влияние на нравственность оказывает искусство, понимаемое в широком смысле как художественное творчество народа (литература, архитектура, скульптура, живопись, декоративно-прикладное, музыка, танец, театр, кино и др.).

Ганс Сакс (1494–1576), немецкий поэт-мейстерзингер (мастер-певец) сказал: «Искусство и народ процветают и возвышаются вместе...». Наверное, можно высказать суждение, что замена истинного искусства, которое понимает, любит и ожидает от его создателей народ, на некоторый суррогат, ведет к снижению нравственности и культуры, рождает в душе пустоту, жизнь становится все более жестокой; тревожность, неуверенность, кипение вражды (количество немотивированных преступлений возрастает), – все это характерные черты возрастания энтропии – отрицатель-

ной психофизической энергии. Рост энтропии ведет к разрушению личности, его психики. Человек становится циником, отрицая все, что было у него в прошлом (детей мы все-таки учим добру, порядочности, любви к людям). Человек оказывается лишенным социальных связей, ценностных ориентаций, у него развиваются негативные установки (фиксированные, ситуативные и другие). Все это, в конечном счете, приводит к отрицанию ценности жизни своей (число самоубийц неуклонно растет) и чужой (в 2007 году от рук преступников погибли 2,5 тысячи детей, – это то, что зафиксировано в протоколах). Руководитель отдела взаимодействия со СМИ следственного комитета при Прокуратуре РФ В. Маркин заявляет: «количество преступных посягательств на детей (сексуальное насилие, убийства, причинение телесных повреждений) в последнее время увеличилось. Только за 2007 год совершено 161 000 преступлений».

В XVII веке внутри католицизма возникло религиозное учение, получившее название квиетизм (от лат. *quietus* – спокойный, безмятежный), суть которого состояла в пассивном отношении к своей судьбе. Наш народ в своем большинстве не стремится к лидерству. Все надежды на царя или вожда. Пассивность, вот что ведет к росту энтропии. Не надо очаровываться большими цифрами участвующих в выборах. Они не отражают сути жизни народа, они следствие информационного воздействия. Следует оценивать, как много участвуют людей в протестных акциях и как часто в них участвуют. При такой оценке все становится на свои места. Мы как народ ориентированы на утрату лидерства, мы – квиетисты. Мы забыли, что жизнь – борьба, что только борьба ведет к ограничению энтропийного процесса как необратимого процесса потери психофизической энергии народа. Сегодня не у кого спросить: «Пассионарии, где вы?» Характерной чертой многих людей является мессианство – вера в пришествие мессии. Причем мессия – это не столько Бог, а скорее всего вожак. «Настоящих, буйных мало, – вот и мало вожаков», – говорил В. Высоцкий и, хотя со времени его высказывания прошло много лет, истинных вожаков нет (не будем говорить о тех, кого нам навязали, да и впредь будут навязывать в качестве вожаков).

Наибольший рост энтропии вносит телевидение. Главный редактор журнала «Искусство кино» Даниил Дондурей сказал: «По сути, ТВ сегодня атакует главный ресурс общественного развития – жизнеспособную мораль, жестко цензурирует реальность, предлагая миллионам зрителей фальшивую, но хорошо продаваемую его версию...» На Западе тоже есть проблема желтизны ТВ. Но там производство энтропии ограничивают государство и гражданское общество через систему запретов. А в случае нарушения запретов вступают в силу суды. Причины роста производства энтропии в морали и культуре – деньги. Д. Дондурей говорит: «Деньги побеждают мораль» (АИФ, 2007, № 15). Для того чтобы больше получать с рекламодателей, надо иметь высокий рейтинг передачи, а для этого в коммерческом ТВ, да и в других СМИ все средства хороши: если мораль и культура накладывает запреты – будем менять и культуру, и мораль. Все делается для того, чтобы человек выключил мозг (вспомним лозунг президентских выборов 1996 года – голосуй сердцем. Еще циничней звучит слоган ТВ канала 242: «Выключи мозги: включи 242».

Митрополит Климент сказал на заседании Общественной палаты: «Ни одна семья не учит своих детей убивать, грабить, насиловать, ненавидеть. Но при этом насилие почему-то захлестывает наше телевидение. Как подсчитали социологи, на центральных каналах совершается порядка 1600 убийств в неделю. А ведь и взрослые, и дети большую часть свободного времени проводят перед экраном, через него они постигают жизнь. Восприятие убийства стало в нашем сознании чем-то при-

вычным, обыденным. Философ Александр Пятигорский сказал, что «...такое отношение к смерти погубит страну». Телевидение и другие средства СМИ ведут деморализацию страны. Разложение нравственности – это уже привычное явление нашей жизни. Жестокость, предательство, алчность, коррупция, ксенофобия становятся ее фактами. И все это рост энтропии. Сознательно или бессознательно идет процесс эстетизации зла. Московская тусовка пресытилась, добродетель не в чести, ей хочется чего-то «остренького», они устали от своей пресной жизни. Иногда кажется, что многие из них продали душу дьяволу: им нужен рай здесь, на земле.

Человек всегда может выбрать между ангелом (он всегда за нашим правым плечом) и дьяволом (за левым), выбрать рост энтропии (зла) или ограничение производства энтропии. Наше телевидение (кино) старательно внедряют в сознание людей «благородство» бандитов, эстетизируют их судьбы. Почва подготовлена давно. Немало в нашем отечестве семей, в которых кто-то когда-то был в ГУЛАГе. Но в 40-х, 50-х, 60-х и, наверное, в 70-х годах, если кто-то когда-то из бывших ЗК пел блатные песни («Владимирский централ», «Поезд мчится полным ходом с Пензы на Москву», «Когда я был мальчишкой» и др.), то люди его жалели за неудавшуюся жизнь. Сейчас восхищаются (не все, конечно). Может, это происходит потому, что в них, бандитах люди видят какую-то защиту от других «бандитов» – коммерсантов, да и от власти тоже (по «понятиям» – надежней). Почему эстетизация зла достаточно сильно проникла в общественное сознание за последние 20 лет? Напрашивается ответ в вопросе: «Во что верить?» Действительно, охаянная Советская власть предлагала веру в коммунизм и, хотя вера в бога отрицалась, но моральный кодекс коммунизма – это список из заповедей бога. Когда эту веру взорвали Горбачев и К°, не дав взамен более интересную социальную или политическую идею, страна рухнула. Были разрушены прежде всего нравственные основы отношений между людьми. Быстро внедрялось бандитское сознание (сегодня ты умри, а я завтра). Александр Пятигорский прав: «Сегодня алчность людей власти в России – это отражение нашей собственной неспособности придумать, чем занять наши умы и души» (АиФ, 2008. № 3). Самый популярный стиль нашей власти – имитация бурной деятельности. Эту видимость деятельности каждый день нам показывают по ТВ, внушая, что все хорошо (скоро, наверное, будут внушать, что все уже отлично). Ожидать от такой власти усилий по ограничению роста энтропии (и не только в культуре и морали, но и в экономике) по меньшей мере наивно. И если считать, что культура и нравственность – это те предохранители, которые при росте энтропии перегорают первыми, то мы сегодня четко видим этот процесс. Юрий Шевчук, человек, который никогда не гнул спину перед властью, сказал: «Зло стяжательства и вульгаризм нового капитализма родили равнодушие, исковерканную молодежь, не помнящую родства своего, окончательно закатало в бетон небоскребов систему духовных и эстетических ценностей (культуру и мораль, авт.)» (АиФ 2008, № 14). Современные культура и мораль поражены очагами вырождения и деградации. Савелий Ямщиков, художник-реставратор, в своих рассуждениях: «Духовная элита» изошлась в тусовках» сказал: «Мы прекрасно понимаем, что культуру, если она утеряна, восстановить практически невозможно» (АиФ, 2008, № 14). Банкеты, юбилеи и просто тусовки, – все это для того, чтобы в СМИ еще раз «засветиться, доказать (только кому?), что мы – элита. Додумались, что на юбилей Любимова подали ко входу золотую карету». У нас было много выдающихся режиссеров и актеров, но что-то в истории не припомнить такого случая.

Носителями культуры и нравственности в нашей стране всегда была интеллигенция. Именно она препятствовала распространению зла. И хотя кто-то из ин-

теллигенции не верил в бога, но он и не служил дьяволу. Именно о ней сказал Ю. Шевчук: «Незаметная, некичливая, ненаглая, но весомая сила исчезает на пространствах нашей с вами страны» (АиФ, 2008, № 14). И далее он продолжает, что интеллигенция беззащитна, у нее вечные проблемы борьбы со злом, она теряется, бесконечно удивляется хамству, цинизму и расчету. Стойкое отвращение к власти – внутреннее (на генном уровне) понимание вечной порочности системы. Следует заметить, что в большинстве своем работники искусства действительно служат народу. Несмотря на нищенскую зарплату, не ищут более жирный кусок, не поют осанну власти, не становятся в очередь за званиями, премиями, орденами. Их не награждают правительство и различные фонды, их не приглашают на многочисленные ток-шоу. Именно эти служители культуры противостоят росту энтропии. К счастью для отечества их немало, особенно «за пределами Садового кольца».

Можно привести значительное количество примеров таких людей. Только один пример, который хорошо понятен омичам. В городе Омске и области за последние годы местная власть сделала существенные духовные и материальные вложения в культуру. Омичи помнят, что в городе работало всего три театра: академический театр драмы, театр юного зрителя и театр музыкальной комедии. Сегодня к ним добавились: Пятый театр, камерная сцена Татьяны Ожиговой, «Арлекин», «Галерка», Лицейский театр, студия Любви Ермолаевой, театр в г. Тара, театр-студия Александра Гончарова. Можно соглашаться в чем-то с омской властью или нет, но с перечисленным не поспоришь. Если вспомнить различные ежегодные конкурсы и фестивали, Большереженский историко-культурный комплекс «Старина сибирская», который награжден Национальной премией «Культурное наследие» и многое другое, то следует признать, что в Омске и области жестко противостоят росту зла, росту отрицательной психофизической нагрузки на людей, а значит росту производства энтропии. Следовательно, власть, если захочет, может управлять энтропией. Обязательно следует отметить православную, мусульманскую и другие культуры, непосредственно определяющие нравственность. На местном, провинциальном уровне, в нашем отечестве идет работа по уменьшению роста энтропии. Другое дело – центральная власть, которая, в лучшем случае, позволяет развиваться культуре стихийно, а нравственность вообще где-то на обочине.

В литературе, скорей всего, отражается умеренный рост энтропии. Конечно, множество, так называемых произведений литературы: детективы, женские романы и другое, – вызывает рост энтропии (сцены убийств, секса и др.), в то же время привлекает (довольно слабое утешение) людей к чтению (конечно, это не 70–80-е годы прошлого века, когда все писатели были «на слуху»). Есть сегодня «великий писатель», книги которого сплошь матерщина, это В. Ерофеев, которого нам постоянно навязывают СМИ и который «учит нас жить». Он работает на рост энтропии. Вообще, проблема мата и секса в литературе, театре, СМИ – это, наверное, проблема номер один. Показательно то, что бывший министр культуры России обсуждал на всероссийском телевизионном канале возможности мата в литературе и СМИ (вспомним «культурную» программу на ТВ – «Патриотизм – прибежище негодяев»... и др.). В АиФ обсуждают проблему под звучным названием «Чем дышим?»: «за» и «против» мата в искусстве. Разумеется, мнения разделились: режиссер А. Житкин – за (аргумент: вохровцы в морге по другому не говорят); М. Бутов, писатель, лауреат премии «Русский Букер», – решительно против («это дешевое заигрывание с публикой, демонстрация полного цинизма»). Н. Гоголь, А. Тютчев, Л. Толстой и многие великие российские (именно российские, а не русские) писатели, наверное, не знали эту ненормативную лексику, т. к. в их произведениях нет ее.

Носителями русского языка, культуры, нравственности в первую очередь является интеллигенция. Она совесть народа. Хотя есть такие ее представители, которые, считая себя совестью народа, выступали против него (не надо называть имен, но вспомним Октябрь 1993 г., когда они призывали к уничтожению других – инакомыслящих). Есть такие и сегодня так называемые интеллигенты.

Рассуждая о русской интеллигенции, истинный русский художник Савелий Ямщиков сказал: «Если с экрана ТВ нас будут учить жизни «великий писатель» Виктор Ерофеев, книги которого сплошная матерщина, если наши культуртрегеры будут всерьез обсуждать, являются ли музеи кладбищем культуры, если они в качестве самых главных экспонатов на Московском биеннале будут выставят замёрзшие сосульки из мочи, тема, какой быть российской интеллигенции, станет неактуальной. Просто потому, что исчезнет сам объект дискуссии» (АиФ, 2008, № 14).

Проблема русской интеллигенции, ее роль в отечественной истории, – это самостоятельное исследование и не одного человека.

Очень важный вопрос в исследовании роста энтропии в современной культуре и нравственности – это соотношение политики, культуры и морали, что в этом соотношении ведет к росту энтропии. Следует отметить, что многие из нас хотят снять с себя гражданскую ответственность: Я – свободен). Политики это используют в своих интересах и, прежде всего, деятелей культуры в качестве приманки для людей. В «Аргументах недели» («Аргументы и время») приводится информация, что неизвестный Глеб Павловский (в очках, как Н Сванидзе) на юбилее «Независимой газеты» показал фигу Е. Евтушенко и М. Розовскому (несмотря на то, что хотя они разные, но все-таки властители дум) и сказал: «Вот, что вы все, демократы, получите от власти!». Фотография была во многих газетах. Сейчас Г. Павловский «разрабатывает» национальную идею. Конечно, к этому можно отнести по принципу «ну с кем не бывает», но следует помнить, что равнодушие сродни преступлению (особенно на ТВ, где все играют в ток-шоу).

Власть коррумпирована сверху донизу. Очень трудно ответить на вопрос: «как победить коррупцию?» Это значит победить власть. Есть ли сегодня силы, способные на борьбу с ней? Ответ простой: «Нет». Следовательно, власть лицемерием или, по-русски, враньем увеличивает производство энтропии.

Особенно хотелось бы остановиться на влиянии власти на систему образования и, следовательно, о последствиях этих действий. Россия всегда славилась своим образованием. Можно привести многотысячные примеры, когда наши специалисты занимали и занимают выдающиеся позиции в различных сферах человеческой деятельности в странах Западной Европы, Америке, Китае и др. Только человек, заинтересованный в росте энтропии, мог включиться в пресловутый Болонский процесс.

Нормальный ученый (да и менеджер) вначале анализирует ситуацию (проблему), выявляет факты, мешающие развитию, а также то, что требует поддержки. Что же у нас с Болонским процессом? Никто не сказал, не проанализировал проблемы образования. Главный «козырь» – диплом должен быть конвертируемым. По-видимому, до сих пор из наших выпускников (дипломы-то не конвертируемые), никто не работает в Западных фирмах.

Можно много рассуждать на тему образования в России, но ответ будет один: власти не нужно массовое образование, все рассуждения об этом – пустое. Современный научно-культурно-образовательный потенциал России велик; накопленный в советское время сегодня, он недоиспользуется (а может быть не нужен?). Болонские соглашения и вступление России в этот процесс открыли двери для экспорта энтропии (следовательно, получили беспорядок). Мы видим, наши соседи Индия

и Китай всячески противостоят экспорту энтропии не только в культуре и нравственности, но в экономике, социальной жизни людей. Поэтому они сильны в моральном отношении, и выходят на позиции лидеров в мире. А у нас: идеологии нет, миссии нет, стратегии нет, – мы не лидеры. Лидер это тот, кто ставит и решает проблемы страны. Вывод один: власть должна противостоять энтропии не спонтанно, а системой действий (детерминированно).

Процесс роста энтропии особенно наблюдается в так называемой масс-культуре. Сейчас в нашем отечестве существует «остров поп-культуры». Задача его населения – отнимание денег у людей с помощью личного художественного образа. Здесь все идет в ход: брак – развод, рождение ребенка, любовь – ненависть, юбилей (вспомним 25-летие Н. Баскова, а как же, заслужил!), ограбления (с перечислением потеряннго), пластические операции, любовницы и любовники и многое другое. Главное в этой тусовке – «засветиться». Остров поп-культуры, как коррозия, ускоряет процесс разложения нравственности. Примерно два-три десятка поп-див и мальчиков по всем каналам ТВ навязывают нам «нервную дрожь» или «два кусочка колбаски».

Эту культуру ее представители не только навязывают нам через СМИ, но и тиражируют через так называемые «Фабрики звезд». А. Градский отозвался о ней так: «Участники «Фабрики звезд» – мерзавцы» (АиФ, 2008, № 6). Почему? Потому что у зрителя крадут время и чувства, ловят их на примитивные чувства. Это ненадолго, но время и деньги потеряны. В. Высоцкий писал: «Я к микрофону встал как к образам... Нет-нет, сегодня точно к амбразуре». Есть ли сегодня А. Матросовы среди попры? Ответ однозначен – нет. А те, кто не идет вслед за попсой, тому дорога к микрофону заказана.

Но вернемся к рассуждениям А. Градского. «Гламурная развлекуха на всех каналах очень злит и раздражает необеспеченную молодежь». Если тебе тычут в нос ребятами, которые только жрут икру или только лапают друг друга («Дом-2»), то может быть хочется в Москву, а может взять в руки дрын? А. Градский как-то спел о ТВ: «Ах мразь телевизионная, бесстыжее радийное мурло...». А. Малахов «убедительно» ответил, что можно просто не смотреть ТВ. Продолжим: можно не пользоваться автомобилем, холодильником и водопроводом. Он же: «Сегодня мы живем в условиях рынка. Потому любой публичный человек продает себя как может» Следует вывод, главное подороже себя продать. Хайтман (г. Барнаул) замечает: «...самая лакомая пища ТВ – отбросы общества» (АиФ, 2008, № 15). Современная поп-культура (и не только попса, но и другие направления) – это работа на моральное понижение, побуждение к низменным чувствам. Власть ли намеренно разводит этот бордель? Хотелось бы верить, что руки не дошли, а, может быть, живем по принципу беременной женщины, – а вдруг само рассосется? Есть большое сомнение, что рассосется.

Даже в великий праздник День Победы на экране, в концертах все та же попса – «Темную ночь» поет С. Пьеха с подвыванием и непониманием, что в ней главное – слова и музыка, а исполнительские возможности – вторичное. Вспомним Бернеса. Конечно, когда ее поет Д. Хворостовский, то слезы бегут из глаз не только ветеранов, но и молодых. Почему-то не было на ТВ известного исполнения Хворостовским песен военных лет. Может потому, что они возбуждают в людях чувства добрые? А. Градский говорит: «Сколько людей не трави попсой, они всегда отличат певца от дилетанта (слишком мягко сказано, – *авт.*). Мы очень певучая нация. И под гармошку, и под гитару понемногу в компании поют все. Талант не пропаешь». (АиФ, 2008, № 6). С. Катин, композитор поясняет: «В России нет шоу-бизнеса,

а есть клон и самодеятельность. Артисты шоу-бизнеса пользуются калькой или, попросту говоря, воруют у западных коллег имидж, «манеру», т. е. мы создаем вторичную музыкальную культуру (обезьяны) и, следовательно, способствуем импорту энтропии. Шоу-бизнес – это обычный конвейер по зарабатыванию денег и всем наплевать, что они при этом используют» (АиФ, 2008, № 11).

Люди стали различать праздник тела и праздник души. Для души главное – совесть, а совесть определяется нравственной составляющей человека. Сейчас в нашем отечестве культура не определяет нравственного совершенствования человека, наоборот, идет разрушение нравственности (идет деморализация страны), что ведет к тому, что люди превратятся в монстров. Философ В. Библихин пишет: «Ничтожества становятся интеллектуальной и моральной нормой среднего человека».

В современном российском обществе человека побуждают бороться за выживание. Это страшное явление общества: тут все толкают друг друга, все бегут и плохо тому, кто выпадает из этого непрерывного бега, его затопчут, сомнут. Человек должен быть как все: в масс-культуре у всех одни голоса – «фанера», одни кумиры и др. Надо удовлетворить свои мерзкие потребности (всегда из одного миллиона людей найдется тысяча, которая будет прыгать и свистеть от радости, что увидела «звезду», «кумира»). Следует помнить, что Господь в своих заповедях говорит: «Не сотвори себе кумира». Возрастание отрицательной психофизической энергии общества – возрастание энтропии. Еще более полтора века назад Н. В. Гоголь говорил: «В искусстве таятся семена созданья, а не разрушенья. ...Искусство имеет в себе что-то успокаивающее и примирительное. Искусство есть водворение в душу стройности и порядка, а не смущения и расстройства... Искусство должно выставить нам на вид все доблестные народные наши качества и свойства...» [7].

Утром включаешь радио и там, конечно, слышишь не русские мелодии, а жесткую пропаганду западной попсы. Вместо плавной напевности, широты понимания смысла жизни, нам навязывают жесткие ритмы и даже не нашу отечественную попсу, а американскую. Нам внедряют в сознание, что их певческая культура – это то, что нам надо. Может кто-то у нас спросил: надо ли это нам, нуждаемся ли мы в этих певцах? Почему нам навязывают не нашу певческую культуру? Значит, кто-то заинтересован в ухудшении психофизического состояния народа, в росте энтропии.

Нас, русских, всегда грела старина, есть какая-то русскость в ностальгии, прошлое и сегодняшнее – они вместе. Это качество нашего народа отмечал в далеком прошлом (Отечественные записки, 1845) Иван Сергеевич Тургенев: «Да, русская старина нам дорога, дороже, чем думают иные. Мы стараемся понять ее ясно и просто; мы не превращаем ее в систему, не втягиваем в полемику; мы ее любим не фантастически вычурною, старческою любовью: мы изучаем ее в живой связи с действительностью, с нашим настоящим и нашим будущим, которое совсем не так оторвано от нашего прошедшего, как опять-таки думают другие» [9].

В развитие мыслей И. С. Тургенева можно привести впечатление детства М. Ю. Лермонтова: «Когда я был трех лет, то была песня русская, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если бы услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее напевала мне покойная мать... Если захочу вдаваться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях» [8].

На центральном ТВ практически нет передач, отражающих народную культуру. Можно назвать передачу в субботу по 1 каналу «Играй, гармонь любимая». Идет она с 8.30 до 9.10. Зато следующая передача «Лило и Стич», «Дональд Дик»

представляют 50 минут (с 9.10 до 10.00) в более удобное время. Иногда кажется, что Россия стала филиалом западной песенной, да и не только песенной культуры.

А. С. Пушкин писал: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие» [10]. У каждой нации есть свое великое прошлое.

В. Распутин: «Русскость, так же, как немецкость, французскость, есть общее направление нации, внутреннее ее стремление, выданное ей при мужании, когда обозначаются успехи, аттестат на особую роль в мире. У одних она практическая, у других – художественная, у третьих религиозная, но каждая нация призвана на оплодотворение собой, помимо общих усилий, чего-то отдельного, к чему она имеет склонность» [11]. Много есть склонностей у нашего народа, но главная – песенная культура.

О роли песенной культуры в нашем отечестве лучше всех сказал Владимир Поветкин – почетный гражданин Великого Новгорода. Его имя внесли в книгу мировых достижений «Диво» как человека, который воссоздал самые древние гусли XI века. Он помог академику В. Л. Янину, археологу и историку, восстановить древнейшую в славянском мире книгу – Новгородский псалтырь, ровесницу официального крещения Руси (АиФ, 2008, № 21). В. Поветкин сказал: «Наши предки все мудрость вековую хранили в песнях ... Я люблю свой народ, ценю его идеалы. Но я буду первым, кто скажет: трудно сегодня найти более ущербный народ, чем наш в области культуры. У нас выкорчевывалось все лучшее. И не ищите виноватых на стороне. Мы и только мы позволили так надругаться над собой... Песни – это богатство всей человеческой истории. ...Да, мы живем в кошмарном времени. На нас словно наброшено черное информационное покрывало, уничтожающее все, что еще осталось от наших традиций мало-мальски ценного».

У И. С. Тургенева есть рассказ «Певцы», в котором именно пение переполняло сердца не только певцов (Турка и Рябчик), но и слушателей: «оно было поэзией их жизни, и в нем, как в зеркале, все они выразились» (Н. Некрасов, «Современник», 1851, № 2). В своей переписке с семьей К. С. Аксакова (идеолог славянофилов) Тургенев писал: «... по моему мнению, трагическая сторона народной жизни... ускользает от Вас, между тем, как сами наши песни громко говорят о ней!» (И. С. Тургенев. Письма. Т. 2, с.108).

И если рост энтропии на ТВ (попса, идеализация зла и др.) очевиден, то в театре не сразу отличишь зло от добра. В наше время у некоторых режиссеров есть свое «прочтение» классических произведений, которое носит специфический характер. Все мы, даже далекие от оперы люди, в той или иной мере знакомы с оперой П. И. Чайковского по поэме А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Постановка оперы молодым режиссером Д. Черняковым в Большом театре (2006) была принята неоднозначно. На наш взгляд, достойную оценку этой постановке дала великая русская певица Галина Павловна Вишневская: «Я не понимаю, что такое новаторство, когда идет искажение материала, в данном случае оперы... Ты хочешь экспериментировать? Напиши свою оперу... напиши лучше, чем Пушкин, лучше, чем Чайковский, и экспериментируй, сколько хочешь. А классику не трогай. Не ты сделал – не тебе разрушать». В опере особенно мерзко представлены главные герои: Ольга – истеричка, Татьяна – пьяница, Ленский – недоумок. Г. П. Вишневская пишет: «Может надо было показать русских людей такими кретинами, как на ларинском балу? Такие люди везде есть. Но почему-то Чайковский не про них писал» (АН, № 21(56) 24.05.2006). Такие постановки вносят существенный вклад в рост энтропии культуры и нравственности.

Отечественный театр всегда обожествлялся не только на родине, но и на Западе. Вот что говорит театровед В. Я. Вульф: «В Нью-Йоркском университете я своими глазами видел портрет Маргариты Юрьевой, которая играла после А. Тарасовой Машу в «Трех сестрах» в знаменитом спектакле Немировича-Данченко уже в шестидесятых годах, когда МХАТ был на гастролях в Америке. Почему ее портрет висит, спрашиваю? – Ну что вы, это же легенда, это «Три сестры». Вот такое отношение» (АН, № 11(24), 19.10.2006).

Мы теряем то, что осталось от прошлой театральной культуры. Идет падение, ее распад. Еще пример. В октябре 2006 г. режиссер К. Серебряков провел театральный фестиваль «Территория». При этом было сказано также «новое слово» в театральном искусстве: актеры матерились, раздевались, изображали мочеиспускание. Можно ли представить великих отечественных актеров, которые занимались бы дешевым, вульгарным эпатажем? Евгений Весник, народный артист СССР говорит: «Если человек не может выразить идею произведения, он прибегает к вещам, которые будоражат. И думает, что это влияние на зрителя. На самом деле это вызывает отвращение».

Сейчас пойти в театр для просмотра спектакля – дело довольно рискованное, можно попасть на очередное «прочтение» произведения. Начало традиции положил «классик мата» драматург М. Волохов в скандальной пьесе «Игра в жмурки». Вот что он говорит: «В драматургии подчас просто некуда деться – искусство лепится из «натуральных соков языка». В искусстве мат имеет значение лишь в контексте высшего смысла литературного произведения. Мат – это экстремальная позиция. И мат надо уметь слушать. А все остальное ложь, галдеж и провокация». По Волохову, – все великие драматурги и писатели, конечно, не заслуживают внимания, так как все, что они делали – ложь, галдеж и провокация.

При президенте РФ существует Общественный совет по культуре, который собирается пообщаться раз в год. Член Совета режиссер Александринского театра В. Фокин ставит спектакли, в которых актеры по ходу действия плюют в зрительный зал. Что-то не было слышно, чтобы совет заступился или помог кому-то из нуждающихся работников искусства. Никакие эпитеты, вдохновенные слова не скажут и толики того, какое влияние оказывала народная артистка СССР В. М. Леонтьева на наш народ, какие добрые чувства она вызывала своими передачами. При жизни была забыта и даже на похороны пришли только простые ее почитатели, у других – высоких – не нашлось ни времени, ни слов. Народный артист СССР Б. А. Смирнов умер и похоронен как бомж (следует признать, что совета еще не было). К сожалению, таких «брошенных» работников искусства в нашем отечестве немало. Думается достаточно примеров, подтверждающих рост энтропии в театральном искусстве.

Закон возрастания энтропии в открытых системах является фундаментальным фактом. Энтропия нравственности и культуры будет расти. Это такой же неизбежный факт, как наступление старости. Поэтому необходимо действовать по принципу ограничения производства энтропии, впервые высказанному И. Пригожиным [5]. Применительно к нравственности и культуре необходимо в стохастический процесс ввести элементы управления со стороны общества. Это необходимо сделать срочно потому, что уже активно ведется информационная война против нашего отечества. Запад первым понял значение газет, радио, телевидения, эстрады как инструмента психологического воздействия на человека. Кто-то очень точно заметил: «Современный танк бессилен против телевизора».

Ф. Энгельс сказал, что Россию нельзя победить, в нее нужно внедрить учение. Другими словами, надо навязать свою мораль и культуру. Еще в 1945 г. А. Даллес

выдвинул доктрину, как победить Россию. «Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, – все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания своего самосознания.

Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением..., исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и прославлять так называемых художников, которые станут насаждать и вдальблывать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство. Национализм и вражда народов, прежде всего вражда к русскому народу – все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Мы будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Аллен Даллес, 1945»[13].

«Московский комсомолец» пишет: «Эта цитата затерта до дыр. Множество раз ее использовала «патриотическая пресса»... Предположим, что вышеприведенное не было сказано А. Даллесом. Что изменилось, если автор – «Джон Джонсон»? МК пытается подменить содержание на общие рассуждения. Такие рассуждения – общеизвестны. Когда мы всмотримся в суть рассуждений «А. Даллеса», мы увидим реалии сегодняшнего дня: каждая фраза в этих рассуждениях подтверждается фактами нашей жизни. Поэтому не очень важно, кто сказал, важно, что сделано. Больше полувека идет информационная война и не только против нашей страны, но и против всего мира. Автор этой войны – Соединенные Штаты Америки, которые полагают, что они станут хозяином современного Мира. И если мы не будем сопротивляться росту производства энтропии, то они смогут нас победить!

В основу информационной войны положена психология пропаганды, которая в первой четверти XX века, как самостоятельный раздел социальной психологии, усиленно развивалась учеными Б. Берельсоном, Х. Кантрилом, П. Лазарсфельдом, Г. Ольпортом, и У. Шрамом [12]. Различаясь в деталях, создаваемых концепцией, труды этих ученых оказались едиными в манипулятивном подходе к сознанию людей. Сегодня эти исследования послужили основой в области информационных войн и манипулятивной пропаганды.

Современная психология пропаганды учитывает интенсификацию психического и коммуникативного взаимодействия миллионов людей, что позволяет СМИ воздействовать на их сознание разнонаправленной пропагандой, включая и такие воздействия, которые противоречат их жизненным и классовым интересам и осуществляются в виде идеологических диверсий. Например, люди идут голосовать за тех, кто принимает законы, направленные против интересов этих людей (вспомним законы о ЖКХ, ЖК, о монетизации и др. и голосование за ЕР, В. Путина).

Первоосновой информационных войн является теория установок Д.Н. Узнадзе, нашего отечественного психолога и философа. В социальной психологии установка используется при изучении отношений личности как члена малой группы к социальным объектам, устойчивости и согласованности социального поведения, процесса социализации и изменения установки, например, под влиянием СМИ, а также при прогнозировании возможных форм поведения личности в определенных ситуациях. Различают фиксированные, ситуационные и актуальные установки.

Для информационных войн важным является формирование у людей на уровне подсознания фиксированных установок. Сегодня мы свидетели того, как СМИ объявили информационную войну нравственности и культуре нашего народа, навязывают (формируют установки): западную мораль, культуру, образ жизни, бомбардируют наше сознание. СМИ стреляют по нашим духовным основам. Эксперименты показывают, что огромные массы людей можно на длительное время вводить в состояние гипноза. При этом сохраняется их способность к деятельности. Эти люди не будут задаваться высокими вопросами, они следуют реальности и установкам, навязанным СМИ. И при этом люди думают, что они свободны в своем выборе. Это и есть результат информационной войны. Куда Геббельсу с его пропагандой до современных манипуляторов сознания людей! Создание условий для роста производства энтропии культуры и нравственности – одна из основных задач информационной войны. Как победить в этой войне? Для этого руководство страны должно понять, что эта война ведется против народа. В 2006 г. в Военно-дипломатической академии ГРУ ВС РФ был прочитан цикл лекций по современным информационным войнам. Рукопись была разослана в АП, ФСБ, МВД, МИД и другие ведомства. Из администрации президента последовала команда о необходимости изучения этих лекций. Прошло несколько лет. Кое-что изменилось. Например, усилилось патриотическое воспитание, но это на уровне государственных мероприятий. Прошли они, и вновь СМИ ведет атаку на нашу культуру и мораль, внушается чужое мировоззрение. Подсознательно люди стремятся быть самими собой, но сознательно следуют внушенным ориентирам.

Выводы. Первое, власть, элита должны понять, что мы находимся в состоянии информационной войны. Следовательно, необходимо ограничить рост энтропии нравственности и культуры. Мышление людей (и большинства элиты), как у собаки Павлова, на уровне рефлексов, они не могут свободно мыслить. На нетривиальные идеи, решения, поступки способны только немногие лидеры («настоящих буйных мало – вот и нету вожаков»).

Второе, ограничение роста энтропии культуры и нравственности возможно, если вместо навязываемых нам ориентиров, мы будем следовать своим, историческим, отечественным. Нашей стране, возможно, дан последний шанс сохранить свою самостоятельность. Для этого надо не так уж много. Простое сопротивление чужому ведет к поражению. Вспомним СССР: «глушилки», «железный занавес», верность идеалам партии (не ЕР, а КПСС). Д. Узнадзе отмечал, что фиксированную

установку нельзя уничтожить, ее можно заменить, построить рядом нужную нам установку. Значит, мы должны предложить идею, которая увлекла бы большинство людей. Объединяя мысли А. Солженицына и В. Распутина, можно предложить в качестве такой объединяющей идеи патриотизм и приращение народа. Необходимо формировать общество, в котором главными будут отеческие чувства («И дым отечества нам сладок и приятен»). Надо создавать и внедрять в жизнь свое, отечественное. Может быть, наша медовуха хуже кока-колы, или русские, татарские, украинские песни не отражают нашу любовь к отечеству? А нам с утра по радио объясняют как нам «близка» американская попса. Кто же формирует программу передач?

Необходимо создать свое традиционное, но неординарное, индивидуальное. В нашем шоу-бизнесе большинство артистов – всего лишь клоны западных коллег. Конечно, не все артисты – клоны. Есть достаточно много артистов, которые, даже не зная этого, ограничивают производство энтропии в культуре и нравственности. Назовем только некоторых из них: Г. Вишневская, великая оперная певица из поколения продолживших и развивших отечественную культуру России, Д. Хворостовский, подхвативший эстафету, А. Нетребка – драгоценный самородок, Олег Погудин – современный С. Лемешев; в эстраде: Л. Зыкина, И. Кобзон, Э. Пьеха, Т. Гвердцетели, Л. Долина, хор Турецкого и много других самобытных артистов.

Третье условие/ Надо работать на благо Отечества. Что мы сегодня имеем? Те, кто относится к категории богатых, пробившись наверх, не загадывают больше, чем на несколько лет вперед. Где их капиталы, где учатся их дети, где недвижимость? – За «бугром». И, думается, их могилы будут там же. У них все связано с Западом. Чтобы облегчить им жизнь, власть предлагает снизить для них налоги. Они говорят: эта страна, а большинство из нас – Родина, Отечество. Поэтому Российское государство вместо создания благ богатым должно главной задачей считать благо Отечества.

Сейчас большинство людей одержимо деньгами и, самое страшное, они не понимают, что деньги заменили все. Наша жизнь становится все менее предсказуемой. Наши цели, работа прежде всего, направлены на то, как больше заработать денег. Быть полезным обществу стало анахронизмом (в 1986 г. 26 % ответили положительно, а в 2006 г. – только 6 %). Ценностные ориентации соотечественников существенно изменились. По данным Института сравнительных социальных исследований в 1986 г. на вопрос «Что вы считаете наиболее важным для достижения успеха в жизни?» 74 % респондентов поставили на первое место трудолюбие, затем шли честность, отзывчивость, взаимопомощь, ответственность. Сегодня люди считают, что для успеха надо образование (54 %), затем трудолюбие, а далее – везение, поддержка близких, «связи», материальная помощь родителей и влиятельных родственников, целеустремленность, умение приспособиться, лидерство. Комментировать не надо.

Мы когда-то пели: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Хочется повторить: «Где вы, пассионарии?».

Четвертое главное условие ограничения роста энтропии: власть, если она отражает интересы большинства людей, должна создать условия для всех, богатых и бедных, для работы на благо Отечества. Действительность отражает то, что это условие, в лучшем случае, может реализоваться в каком-то будущем, а худшем – его реализацию можно отнести к фантазии (город Солнца). Поэтому не следует ожидать усиленного ограничения роста энтропии культуры и нравственности.

По мнению Дмитрия Аграната, через 20 лет обретенные нами ценности, какими бы отрицательными они нам не казались сегодня, приживутся и станут неотъемлемой частью нашего поведения (АН, № 15/5, 07.09.2006). Можно было в какой-то части смириться с этим положением, но информационная война идет. А в каждой войне есть победитель и побежденный. Где мы, где наше Отечество? Философ А. Пятигорский сказал: «Человек должен быть великим, а не государство. Я думаю, эпоха великих держав прошла, и чем быстрее они войдут в тираж, тем лучше! Это мое политическое убеждение.

- И что вы предлагаете взамен?

- Нормальное государство, где можно будет нормально жить, говорить, делать. Есть, а не объедаться» (АиФ, 2008, № 3).

Чтобы жить в нормальном государстве, иметь настоящее и будущее, необходимо ограничить рост производства энтропии, в первую очередь в нравственности и культуре, а рядом вести ее ограничение по другим направлениям жизни страны.

Вот слова В. Поветкина: «Да, мы живем в кошмарном времени. На нас словно наброшено черное информационное покрывало, уничтожающее все, что еще осталось от традиций мало-мальски ценного. Но вот смотрю на парней и девушек, которые приходят к нам в Центр музыкальных древностей, и удивляюсь, и восхищаюсь. Не понимаю, как они находят ориентиры в этом лживом, агрессивном информационном поле и сохраняют в себе человеческое... Иногда про себя думаю: «Я бы свихнулся, не выдержал этого испытания». А они готовы эти невзгоды преодолеть. И преодолевают. На них можно надеяться – они удержат мир в красоте и берегут Россию» (АиФ, 2008, № 21).

И в заключение из молитвы оптинских старцев: «Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне насущный день. Дай мне всецело передаться воле твоей святой. На всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня». Можно только добавить: «Господи, спаси и сохрани Отечество мое, землю и народ мой русский».

Библиографический список

1. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1982. – 1600 с.
2. Колодиев, М. Энтропия / М. Колодиев // Отечественные записки. – 2004. – Вып. 50. – С. 8–11.
3. Политехнический словарь / редкол. А. Ю. Ишлинский (гл. ред.) и др. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 656 с.
4. Толковый словарь живого великого русского языка / сост. В. И. Даль. – СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1881. – Т. 1, 2, 3, 4.
5. Пригожин, И. От существующего к возникающему / И. Пригожин; пер. с англ. – М.: Мир, 1985. – 312 с.
6. Горький, М. Собр. соч. : в 16 т.: Т. XVI. – М.: Правда, 1979.
7. Гоголь, Н. В. Собр. соч. в восьми томах: Т. VIII. – М.: Правда, 1984.
8. Лермонтов, М.Ю. Собр. соч. : в 4 т. – М.: Правда, 1968.
9. Тургенев, И. С. Собр. соч. : в 12 т.: Т. 12. – М.: Художественная литература, 1980.
10. Пушкин, А. С. Полн. СОБР. соч. : в 10 т. : Т. VII. – Л.: Наука, 1978.
11. Распутин, В. Интеллигенция и патриотизм / В. Распутин // Советская Россия. – 1991. – № 19 (104), 26 янв.
12. Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985.
13. <http://WWW.mk.ru> (20/01/2005 г.)

Хадыкин Анатолий Михайлович – доцент кафедры «Технология электронной аппаратуры» Омского государственного технического университета

Дата поступления статьи
в редакцию:
26.03.2010 г.

© А. М. Хадыкин, 2010

Проблемы экономики и управления

УДК 336.143

Т. В. Любичкая, А. В. Шостак

ИЗМЕНЕНИЯ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: бюджет, бюджетная политика, доходы бюджета, расходы бюджета, межбюджетные отношения, социально-экономическая политика

В настоящее время в мировой экономике имеет место кризисная ситуация, которая и в РФ затронула все сферы развития общества. «В складывающихся условиях основным источником денежного предложения стала накопленная за период высоких цен на нефть ликвидность со стороны денежных властей» [1]. Наиболее оптимальным и всеобъемлющим инструментом поддержки экономики РФ становится бюджетная политика. «Бюджетная политика государства – это совокупность мероприятий в сфере организации бюджетных отношений с целью обеспечения его денежными средствами для выполнения своих функций» [2, с. 167]. Бюджетная политика предполагает определение целей и задач в области государственных финансов, разработку механизма мобилизации денежных средств в бюджет, выбор направлений использования бюджетных средств, управление государственными финансами, налоговой и бюджетной системой, организацию с помощью фискальных инструментов регулирования экономических и социальных процессов.

Бюджетная политика является ядром экономической политики государства и отражает все его финансовые взаимоотношения с общественными институтами и гражданами. Бюджетная политика реализуется главным образом через федеральный бюджет. От качества федерального бюджета, заложенных в него параметров зависят и уровень социальной защиты граждан, и инвестиционные возможности государства, и степень влияния России на международной арене, и даже предпринимательская активность.

Бюджетная политика РФ сводится к:

- определению доли валового внутреннего продукта, мобилизуемой в бюджет;
- установлению оптимальных взаимоотношений между федеральными органами власти и органами власти субъектов РФ;
- оптимизации структуры расходной части бюджета;

- распределению расходов между бюджетами разных уровней;
- определению доли федерального бюджета в общей сумме консолидированного бюджета;
- управлению государственным долгом;
- определению источников финансирования дефицита бюджета и т. п.

В недавнее время было опубликовано очередное бюджетное послание Президента Российской Федерации на 2010-2012 гг., в котором обозначены основные задачи бюджетной политики:

- обеспечить исполнение социальных обязательств;
- ограничить размеры бюджетного дефицита;
- перейти к режиму жесткой экономии бюджетных средств;
- определить оптимальные формы поддержки реального сектора экономики и финансовой системы;
- обеспечить кардинальное повышение качества предоставления гражданам государственных услуг, модернизацию сети оказания услуг гражданам за счет бюджетных средств;
- усовершенствовать механизмы государственных закупок;
- определить экономически оправданный уровень налоговой нагрузки и структуру налогов;
- обеспечить сбалансированность расходных полномочий и ресурсов для их обеспечения на каждом уровне публичной власти, установить ответственность за неэффективное расходование средств, создать стимулы для расширения собственного доходного потенциала;
- завершить формирование надежной и сбалансированной пенсионной системы;
- определить и реализовать комплекс мер по созданию «безбарьерной» среды для инвалидов, а также иные мероприятия, связанные с ратификацией Конвенции о правах инвалидов [3].

Как известно, доходная часть бюджета формируется из налоговых и неналоговых доходов. Так как неналоговые доходы не претерпели кардинальных изменений и их доля в общем числе бюджетных доходов сравнительно невелика, обратимся к более детальному рассмотрению изменений, которые предлагается произвести в области налоговых доходов.

В бюджетном послании президента РФ отмечено, что доходы бюджетов всех уровней и непосредственно налогоплательщиков резко снизились, поэтому «структура и уровень налогообложения должны минимизировать искажающее и оказывать позитивное воздействие на структурные изменения в экономике, формировать комфортные условия для развития предпринимательской деятельности и инновационной активности» [3].

Таким образом, «новыми» в налоговой политике можно назвать следующие меры.

1. Увеличение предельной величины процентов по долговым обязательствам, признаваемых расходами, в соответствии с текущими процентными ставками, что, очевидно скажется при формировании организациями прибыли, и, как следствие, снижении налогооблагаемой базы. Однако, стоит отметить, что на фоне общего снижения доходов предприятий в исследуемый период особой значимости этого изменения не смогут почувствовать ни сами предприятия, ни федеральный бюджет;

2. Установление временного специального порядка работы с налоговой задолженностью организаций, позволяющего по заявлению налогоплательщика использовать все имеющиеся инструменты изменения сроков уплаты налога. Данная мера, безусловно, может стать неким спасательным кругом для предприятий, которые находятся на грани банкротства. Однако в таком случае данная мера входит

в частичное противоречие с еще одним постулатом бюджетной политики 2009–2012 гг. – отказ в государственном финансировании предприятиям, не входящим в список градообразующих, социально и стратегически значимых предприятий, то есть предприятиям, чей бизнес пострадал не от негативного влияния кризиса, а от неграмотного менеджмента.

3. В целях исчисления налога на прибыль организаций законодательное установление возможности признания затрат инвесторов на строительство или финансирования объектов транспортной, социальной и коммунальной инфраструктуры. Такая мера также стимулирует снижение налогооблагаемой базы, однако, как было отмечено в пункте 1, такая мера не способна принести значительного увеличения прибыли организаций, с одной стороны, и значительного снижения налоговых поступлений в федеральный бюджет – с другой.

4. Разработка мер налогового стимулирования повышения энергоэффективности производства. Вопрос энергосбережения на производстве стоит остро и появление такого пункта в бюджетном послании закономерно. Можно отметить, что такая мера необходима в настоящее время не только для сокращения расходов предприятия, но и для перехода отечественного производства на качественно иной уровень.

5. Совершенствование амортизации нематериальных активов. Предлагается определить срок полезного пользования нематериальными активами в 2 года.

6. Совершенствование налога на добычу полезных ископаемых, особенно в части твердых полезных ископаемых, например, угля, переход к налогу на основании специфических налоговых ставок, дифференцированных в зависимости от вида угля и отдельных условий его добычи.

7. Законодательная борьба с уходом от налогов. Очень много дискуссий разгорается вокруг именно этого пункта бюджетного послания. Однако стоит отметить, что не разработаны и не указаны конкретные, радикальные и новые пути решения такой животрепещущей проблемы, кроме ужесточения контрольной функции налоговых органов.

8. Инвентаризация и оптимизация установленных федеральным законодательством льгот по региональным и местным налогам (прежде всего по налогу на имущество физических лиц), расширение налоговой автономии региональных и местных властей.

9. Скорейшее создание условий для введения местного налога на недвижимость, прежде всего, завершение формирования кадастра объектов недвижимости.

10. Среди уже принятых Думой изменений налоговой политики также стоит отметить повышение акцизов на слабоалкогольные и табачные изделия и замену Единого социального налога на страховые взносы.

Как уже было отмечено, расходная часть бюджетов всех уровней в текущем финансовом году превысит доходную. Чиновники разных уровней отмечают, что при снижении доходной части бюджета в настоящее время мы наблюдаем рост расходной части. Поэтому достаточно предсказуемо формирование доходной части с учетом внешних и внутренних заимствований. Однако логичным является и сокращение расходов, то есть интенсивный путь развития ситуации. В бюджетном послании президента предложены следующие пути сокращения бюджетных расходов в планируемом периоде:

- введение среднесрочных «потолков» бюджетных расходов по конкретным направлениям государственной политики, с тем чтобы отвечающие за них министерства были заинтересованы не в постоянном наращивании расходов, а в росте их эффективности при реструктуризации действующих обязательств;

- внесение изменений в законодательство Российской Федерации, направленных на повышение эффективности соответствующих расходов (однако конкретных радикальных изменений в этой части не предложено);

– обеспечение выполнения принятых решений по ограничению размеров вознаграждений руководителям и менеджерам государственных корпораций, государственных унитарных предприятий, компаний с государственным участием, а также других организаций, получающих различные виды государственной поддержки;

– работа по социально значимым проектам: непрерывное финансирование таких проектов и рост расходов в этой части в связи со снижением доходов граждан (например, повышена ставка минимальной пенсии и последующей ее индексации);

– повышенная нагрузка на регионы и организации в обеспечении своей деятельности в большей степени за счет собственных средств, оказание дополнительной финансовой помощи должно рассматриваться не как стандартное финансирование, а как временная мера;

– обеспечение большей обоснованности и прозрачности отбора получателей государственной поддержки;

– финансовое обеспечение модернизации армии и формирования ее качественно нового облика;

– финансовое обеспечение выполнения принятых Российской Федерацией международных обязательств.

Президентом Российской Федерации неоднократно отмечалось, что несмотря на все происходящие изменения в межбюджетных отношениях, направленных на выравнивание доходных и расходных частей региональных и местных бюджетов, в этой сфере сохраняются существенные диспропорции.

Объем принятых на этих уровнях бюджетной системы расходных обязательств зачастую существенно превосходит объем располагаемых доходов. В условиях снижения доходов и сохранения практически на прежнем уровне расходных обязательств проблема несбалансированности бюджетов усугубляется. Для борьбы со сложившейся ситуацией предлагается следующее.

1) инвентаризация, анализ финансового обеспечения и оптимизация публичных обязательств бюджетов местного и территориального уровня (однако сроки и условия проведения такой инвентаризации не указаны);

2) обеспечение режима экономного и рационального использования бюджетных средств, оптимизация расходов на содержание органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления;

3) обеспечение реструктуризации бюджетной сети при сохранении качества и объемов государственных и муниципальных услуг, разработка критериев качества предоставления услуг, переход от финансирования бюджетных учреждений к финансированию предоставления государственных и муниципальных услуг;

4) усиление механизмов финансового администрирования, предусматривающих подписание соглашений между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления об объеме и направлениях расходов бюджетов соответствующих публично-правовых образований, в которых произошло снижение доходов;

5) создание стимулов для повышения качества управления бюджетным процессом на региональном и местном уровнях, а также для увеличения собственной доходной базы бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, прежде всего за счет развития и поддержки малого и среднего предпринимательства;

6) выделение субсидий субъектам Российской Федерации исключительно в случаях, когда они направлены на снижение значительных различий между субъектами Российской Федерации в обеспечении предоставления отдельных государственных (муниципальных) услуг, а также на повышение качества (объема)

отдельных государственных (муниципальных) услуг в целом по Российской Федерации;

7) переход в ряде случаев от предоставления субсидий к конкурсной системе выделения грантов из федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации на структурные преобразования;

8) активное расширение региональных и местных полномочий с учетом принципа закрепления за каждым уровнем власти тех из них, которые могут быть наиболее эффективно выполнены на данном уровне власти;

9) рассмотрение вопроса о разработке механизма компенсации бюджетам субъектов Российской Федерации и местным бюджетам выпадающих доходов в связи

с льготами и изъятиями из объекта налогообложения по региональным и местным налогам, установленным федеральным законодательством.

10) повышение ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления за выполнение возложенных на них функций вплоть до введения административной ответственности за невыполнение возложенных обязательств;

11) оптимизация расходов, принятие всех мер по мобилизации доходов и сокращению дефицита, повышение ответственности при самостоятельном принятии новых обязательств, в том числе решений по регулированию оплаты труда в бюджетной сфере, на региональном и местном уровнях с учетом имеющихся бюджетных ограничений;

12) включение в бюджетное законодательство положения об обязательном формировании стабилизационных фондов в субъектах Российской Федерации, имеющих многоотраслевую структуру экономики.

Проведя анализ изменений бюджетной политики Российской Федерации на прогнозируемый период (2009-2012 гг.) необходимо отдельно остановиться на некоторых пунктах.

Во-первых, как неоднократно отмечали представители правительства и прессы, бюджетная политика предстоящего периода носит ярко выраженный социальный характер. Она направлена на смягчение негативных последствий кризиса и одновременную модернизацию производства и экономики в целом.

Среди основных изменений в области доходной части можно выделить изменение единого социального налога, повышение акцизов на ряд товаров, налоговое стимулирование энергосбережения, борьбу с тенденцией ухода предприятием от уплаты налогов и другие. Среди изменений в расходной части бюджетов всех уровней можно отметить сокращение средств на содержание управляющего аппарата, ужесточение контроля над освоением целевых средств, использование более взвешенного подхода к выбору финансируемых инвестиционных проектов, снижение социальной напряженности путем улучшения ситуации на рынке труда, индексации и увеличения пенсии и социальных пособий. В сфере межбюджетных отношений бюджетам нижестоящих уровней предоставляется большая самостоятельность, однако вместе с этим отмечается и повышение ответственности.

Библиографический список

1. Гонтмахер, Е. Испытание бюджетом / Е. Гонтмахер // Институт современного развития. – 2008, 1 дек. – Режим доступа: www.riocenter.ru/news/analitics/3842

2. Трошин А. Финансы и кредит: учебное пособие / А.Н. Трошин и др. – М., 2009.

3. Бюджетное послание Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2011–2013 годах // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/8192>

Любицкая Татьяна Владимировна – преподаватель кафедры финансы и кредит Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнева;

Дата поступления статьи в редакцию:
10.02.2010.

Шостак Анастасия Васильевна – студентка 4 курса финансово-экономического факультета Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнева.

© Т.В. Любицкая, 2010

© А.В. Шостак, 2010

УДК 334.788.2+339.9(571.13)

Т. А. Хорошавина

РОЛЬ И МЕСТО ОМСКОЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЫ В ИНФРАСТРУКТУРЕ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: Омская торгово-промышленная палата, бизнес и власть, внешнеэкономические связи, поддержка предпринимательства

Представлять интересы предпринимателей, содействовать развитию торговли и экономики, быть посредником в диалоге между представителями бизнеса и власти — это задачи, которые во всем мире выполняет институт торгово-промышленных палат уже более 150 лет. Сегодня найти оптимальные решения сложных вопросов помогает вдумчивое обращение к урокам большого исторического пути, пройденного системой ТПП в России.

В Омской области, как и в большинстве регионов России, отраслевые производители, субъекты рынка услуг стремятся к объединению. Этого потребовали не только непростые условия финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., вескими аргументами сплочения отечественных предпринимателей стали процессы международной глобализации. Отечественное предпринимательство уже сформировалось как класс, у него появился свой профессиональный праздник, который по Указу Президента Российской Федерации ежегодно отмечается 26 мая. Тот факт, что предприниматель сегодня является не только работодателем, но и ответственным налогоплательщиком, должны учитывать в своей социально-экономической политике властные структуры.

В Омской области на протяжении последних лет диалог бизнеса и власти наполнился новым, конструктивным содержанием. Это отмечают как представители государственных структур, так и делового сообщества. Быть посредником в этом диалоге, представлять и защищать интересы бизнеса в «коридорах власти» — главная миссия института торгово-промышленных палат.

В условиях мирового кризиса нужно не просто продолжать, но и активизировать, наполнив новыми форматами, внешнеэкономические связи нашего региона. Активизация внешнеэкономической деятельности — это часть принятой антикризисной программы правительства Омской области.

Надеюсь, что палата сумела внести в это направление работы свой профессиональный вклад. На прошедшем в июне 2009 г. в Омске XV заседании Межпра-

вительственной Российско-Германской комиссии мы обошлись, что называется без посредников: Омская ТПП, выиграв федеральный тендер, заключила государственный контракт с Министерством регионального развития РФ по организации и сопровождению ответственного визита. Без преувеличения должна отметить, что все международные проекты последних лет реализуются не только по инициативе, но и при активной поддержке правительства Омской области и непосредственном участии отраслевых региональных министерств. И это отличный опыт, который, на мой взгляд, следует тиражировать другим субъектам федерации.

Итоги мониторингов, регулярно проводимые Омской палатой в бизнес-среде, показывают, что деловые круги высоко оценивают шаги региональной власти по развитию внешнеэкономических связей. Топ-менеджеры омских предприятий — активные участники внешнеэкономической деятельности, отмечают, что личное участие губернатора, руководителей отраслевых министерств всегда придает более весомый статус омским делегациям на зарубежных выставках-ярмарках, инвестиционных форумах, в торгово-экономических миссиях. Так было на презентациях Омской области в Берлине, Пекине, Вене, Праге, на ежегодных строительных выставках в Астане... Тот же эффект был достигнут, когда мы принимали зарубежных партнеров на своей территории. В 2009 г. Омское Прииртышье посетило более двадцати иностранных делегаций. Свыше пяти лет эффективно используется форма презентаций Омской области в посольствах зарубежных стран в Москве, например проведены презентации в посольствах Венгрии, Италии, Польши, Хорватии, Чехии, Индии, Словакии ...

За 17 лет работы на рынке Омской палатой заключено более 60 соглашений о сотрудничестве с торгово-промышленными палатами зарубежных стран, международными бизнес-объединениями. ТПП формирует делегации представителей омских деловых кругов для выезда в регионы России и за рубеж с целью участия в торгово-экономических миссиях, выставках, симпозиумах, конференциях и других мероприятиях, направленных на установление деловых контактов и развитие межрегиональных и внешнеэкономических связей. Для привлечения дополнительных инвестиций в экономику Омской области и продвижения товаров и услуг омских предприятий на внешних рынках установлены прочные контакты с деловыми кругами стран Евросоюза, АТЭС, АСЕАН, СНГ, ШОС и другими международными объединениями.

В 2009 году впервые в Омском регионе предпринимательскому сообществу мы предложили деловой Интернет-ресурс (www.omsktpp.ru) на шести языках: русском, английском, немецком, французском, испанском и китайском.

В настоящее время внешнеторговые потоки ориентированы преимущественно на индустриально развитые государства, которые заинтересованы главным образом в топливно-сырьевых поставках. Мы должны готовить наш региональный бизнес к умению конкурировать на внешних рынках, грамотно продвигать отечественные товары и услуги за рубеж. В складывающихся условиях самое серьезное внимание предстоит уделить географической диверсификации внешнеэкономических связей Омской области, осваивая рынки стран СНГ, Китая, Индии, Вьетнама, Монголии и других стран Юго-Восточной Азии.

Особое значение и в геополитическом, и в практическом плане имеет для Омской области развитие интеграционного процесса на экономическом пространстве СНГ.

Сегодня в рядах Омской ТПП насчитывается более 600 предприятий различных сфер деятельности, среди которых около 70 процентов — это предприятия малого и среднего бизнеса. Благодаря членству в нашем бизнес-объединении предприятия получают преференции, позволяющие им более эффективно продвигать свой бизнес на внутреннем и внешнем рынках.

Палата, опираясь на богатые отечественные традиции и мировой опыт предпринимательства, призвана содействовать развитию региональной экономики, а именно: представлять и защищать интересы предпринимателей в отношениях с органами государственной власти; оказывать содействие в установлении делового сотрудничества российских и зарубежных предпринимателей; содействовать формированию правовой среды и инфраструктуры предпринимательства. Стоит добавить, что при Омской ТПП в настоящее время работают 11 комитетов по различным направлениям предпринимательской деятельности.

В системе торгово-промышленных палат на всех континентах используют символ – Жезл Меркурия – как знак примирения споров между конкурентами в бизнесе, диалога с государственными структурами, и, в конечном счете, согласия в обществе. Представлять и защищать интересы бизнеса в органах государственной власти — не просто одна из функций ТПП, а ответственная миссия. Федеральным законом № 5340-I «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» определено право ТПП на проведение экспертизы законопроектов и иных правовых актов, регулирующих предпринимательскую деятельность. И сегодня мы активно используем это право, благодаря которому «голос предпринимательского сообщества» учитывается при принятии важнейших экономических решений.

Развитая структура поддержки предпринимательства в Омской области, включающая союз предпринимателей, торгово-промышленную палату, региональный бизнес-инкубатор, региональный фонд поддержки и развития малого предпринимательства, профессиональные бизнес-объединения — все это в целом дает возможность омским деловым кругам вырабатывать общую позицию, грамотно доводить ее до исполнительной и законодательной власти омского региона.

Резюмируя общее мнение предпринимательского сообщества Прииртышья, скажу, что нам нужно учиться искать оптимальный баланс интересов органов власти и хозяйствующих субъектов. Причем на всех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном. Культура ведения дискуссий, экспертиза законопроектов, регулирующих предпринимательскую деятельность, доступность информации из коридоров власти — на мой взгляд, это краеугольные камни цивилизованного диалога. В нашем регионе такой фундамент заложен, а значит, есть уверенность в перспективном развитии.

Хорошавина Татьяна Александровна – президент Омской
торгово-промышленной палаты

Дата поступления статьи
в редакцию:
10.03.2010 г.

УДК 021(571.51)

Л. Г. Каракулова

РОЛЬ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО БИБЛИОТЕЧНОГО ТЕХНИКУМА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: социокультурный подход, социокультурная ситуация, библиотечное дело, воспроизводство кадрового потенциала.

Эффективность государственного управления библиотечным делом зависит от многих факторов, но в качестве определяющего исследователи, как правило, выделяют качество социокультурной связи библиотек и местного сообщества, библиотек и государства (его представителей на местной территории). Исследования социокультурной ситуации и определяемых ею особенностей социального управления проводятся и в духе философско-социологических традиций М. Вебера, поставившего в центр понимания социокультурной ситуации этическую проблематику. В результате социологического исследования ценностной системы людей в 1994 г. Н. И. Лапин [1] применительно к современному российскому обществу ввел понятие «универсальный социокультурный кризис», которое охватывает как совокупность социальных отношений, так и культуру, т. е. совокупность способов и результатов деятельности людей [2]. Другая особенность современной социокультурной ситуации – российское общество есть не только кризисное, но и реформируемое – это кризисно-реформируемое общество [3]. Реализуя потенциалы среды, изменяя связи и отношения человека со средой его обитания, совершенствуя деятельность учреждений или создавая новые, управление социокультурными процессами должно обеспечить рост качественных параметров образа жизни человека, создать дополнительные возможности для развития и самореализации личности. В этом и заключается основной смысл и целевая установка управления социокультурным развитием. Представляет интерес методология исследования общественных процессов, получившая название «социокультурный подход», которая может быть применена в государственном управлении социокультурным развитием. Социокультурный подход наиболее адекватен характеру проблем современной российской социокультурной трансформации, так как обеспечивает понимание общества как единства культуры и социальности, образуемых деятельностью человека. Под культурой в данном случае понимается совокупность как способов, так и результатов деятельности человека (материальных и духовных), а под социальностью – совокупность отношений каждого человека и коллективного социального субъекта с другими субъектами во всех сферах бытия – экономической, социальной, идеологической, политической, которые возникают под влиянием интересов и потребностей людей и формируются в процессах деятельности коллективного субъекта на основе существующих в обществе культурных традиций [4]. С позиции социокультурного подхода трансформация общества предстает как весьма динамическая, сложная и многоаспектная проблема, а ее вектор тем менее определен, чем радикальнее ее характер и чем на более ранней стадии она находится [5]. При включении культуры в социальное управление важно, чтобы изучение культурных фактов, их динамики, многообразия феноменов культуры учитывалось при анализе проблем общества в целом и управления его развитием.

Таким образом, социокультурное развитие представляет собой закономерное, целенаправленное изменение социокультурной ситуации под воздействием обоюдного влияния общества и культуры как программы его развития. Цели и задачи

такого изменения определяются культурной и социальной политикой государства. Социокультурная ситуация, выступая в качестве объекта государственного управления социокультурным развитием, включает в себя социокультурную среду (поля) жизнедеятельности и соответствующие сферы жизнедеятельности, где формируются и реализуются основные составляющие образа жизни различных социокультурных субъектов (ценности, мотивы и цели деятельности, человеческий потенциал и др.)

Социокультурная ситуация небольшого города является ключевой в технологии социокультурного проектирования в силу того, что она поддается изменению, преобразованию. Оказывая решающее воздействие на развитие и формирование личности, среда в то же время изменяется, преобразуется под влиянием творческой активности человека, благодаря которой потенциалы среды становятся реальными возможностями развития личности, условиями её самореализации.

В 2007 году, в рамках повышения качества жизни населения Красноярского края за счет усиления роли культуры как фактора социально-экономического развития региона, разработан региональный национальный проект «Культура».

В настоящее время крупнейший культурный регион России насчитывает более 4 тысяч объектов культуры. В крае работают 9 государственных, 5 муниципальных театров, краевая филармония, Красноярский государственный академический симфонический оркестр, государственный академический ансамбль танца Сибири им. М. С. Годенко, 9 организаций творческих союзов и обществ, художественный фонд Красноярской организации ВТОО «Союз художников России», отделение «Урал, Сибирь, Дальний Восток» Российской академии художеств, 38 музеев, картинных галерей и выставочных залов, 1136 библиотек, 1336 учреждений клубного типа. На государственной охране находится 1854 памятников истории и культуры.

В связи со сложившейся ситуацией в Красноярском крае в проекте «Культура» выделен такой раздел, как кадровый потенциал отрасли [6, с.113-114].

Система воспроизводства кадрового потенциала края состоит из 118 детских школ искусств, 6 средних специальных учебных заведений, 2 высших учебных заведений, научно-учебного центра кадров культуры.

Среди средних специальных учебных заведений Красноярского края особое место занимает КГБОУ СПО «Красноярский краевой библиотечный техникум», осуществляющее подготовку специалистов в области культуры. Выпускники успешно работают в самых различных учреждениях культуры края и за его пределами.

В настоящее время наблюдаются значительные перемены в обществе при наличии определённых стабилизационных процессов. Это позволяет достаточно оптимистично оценивать современное состояние и перспективы различных сфер общественной жизни, в том числе и тех, к которым относится библиотека и библиотечная профессия. Признание особой роли библиотек и библиотечной профессии, их значимости свидетельствует о том, что они нашли своё место в новом общественном развитии, доказали свою необходимость. Трансформация библиотечной профессии прямо пропорциональна изменениям, происходящим в библиотечной деятельности. Именно поэтому возникла необходимость соединения инновационных проблем библиотечной среды, её обучающего и функционирующего аспектов. Эти и другие факторы во многом определяют сегодня деятельность Красноярского краевого библиотечного техникума [8, с. 63], начавшего свою деятельность в ноябре 1936 года. Так в географическом центре России появилось учебное заведение, которое на протяжении десятков лет участвует в формировании культуры в огромном Сибирском регионе. В 1939 году техникум выпустил первых 25 специалистов. За 70 лет подготовлено более 20 тыс. библиотекарей, 80 % выпускников работают в библиотеках Красноярского края. Сегодня техникум сохраняет свой профиль и по-прежнему отдаёт предпочтение специальности «Библиотековедение» [7, с. 2].

Реализация базовых национальных программ развития библиотечного дела в стране – Программы ЛИБНЕТ и Программы сохранения библиотечных фондов – напрямую зависит от уровня профессиональной готовности работников библиотек к решению поставленных программами задач. Исходя из этого, кадровое обеспечение программной деятельности в отрасли диктует необходимость модернизации национальной системы высшего, среднего и дополнительного профессионального библиотечно-информационного образования с учетом не только перехода на европейскую систему образования в рамках Болонского процесса, но и реалий библиотечной практики в контексте реализуемых национальных программ.

Одной из главных целей непрерывного библиотечно-информационного образования в современных условиях, по мнению Кузнецовой Т. Я., должно стать создание согласованной системы подготовки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации библиотечно-информационных кадров, владеющих знаниями, умениями и навыками работы в режиме функционирования национальной компьютерной библиотечно-информационной сети, но при этом ориентированных на сохранение и приумножение документного культурного наследия, хранящегося в библиотечно-информационных центрах страны.[9, с. 18-19]

Техникум, решая многие проблемы, опираясь на определённые достижения сегодня готов с учётом новейших образовательных технологий к выпуску конкурентоспособного специалиста, востребованного в современных информационно-библиотечных учреждениях. Педагогический коллектив понимает, что изменение социокультурного пространства формирует новые требования к уровню подготовки кадров и объёму интеллектуального багажа, которые могли бы гарантировать выпускникам конкурентоспособность в современных условиях. Поэтому главную задачу в новой профессионально-образовательной политике в области подготовки библиотечных кадров техникум видит в реформировании образовательной системы техникума на основе расширения номенклатуры профессиональных специализаций подготовки кадров, в использовании образовательных стандартов, в реализации принципа непрерывности библиотечного образования. Это даёт возможность педагогическому коллективу активно углублять и обновлять теоретические и практические направления обучения в соответствии с новыми требованиями к молодым специалистам, главным мотивом обучения рассматривать приоритет развивающейся личности.

При подготовке специалистов библиотечного дела техникум содействует реализации общегосударственных и региональных национальных проектов, внедряя в учебно-воспитательный процесс обновленное содержание специальностей в соответствии с потребностями общества и образовательного стандарта. Моделирование новых квалификационных требований потребовало расширения перечня учебных курсов, обновления содержания традиционных дисциплин, поиск современных форм проведения занятий.

На пороге 75-летнего юбилея коллективом техникума проведена работа по аккумулярованию и обобщению его деятельности, одним из важнейших результатов которой стал библиографический указатель «Красуйся, град Библиотечный!». В него включены материалы из книг и периодических изданий об истории техникума, отдельных направлениях работы в образовательном учреждении, о выпускниках учебного заведения, публикации педагогов и студентов, освещающих актуальные вопросы преподавания отдельных предметов, научно – исследовательской и методической деятельности.

Материал в пособии расположен в соответствии со специально разработанной системой. В нем выделены четыре раздела: раздел 1 «Я хочу, чтобы Вы были всегда...» (публикации о Красноярском краевом библиотечном техникуме общего характера); раздел 2 «Среда формирования специалиста» (публикации преподава-

телей техникума); раздел 3 «Навигаторы знаний: будущее библиотечной и информационной профессий» (публикации студентов); раздел 4 «Образование – шаг к карьере» (публикации о выпускниках техникума).

В пособие включено 280 библиографических записей документов, представленных в сплошной нумерации. Библиографическое описание документов составлено в соответствии с ГОСТом 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления». При составлении записи применяется сокращение слов и словосочетаний согласно ГОСТ 7.12-93 «Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила». В тех случаях, когда один и тот же источник имеет отношение к нескольким разделам, он помещается в данных разделах.

Библиографический указатель составлен на основе каталогов и картотек библиотеки и методических кабинетов КГБОУ СПО «Красноярский краевой библиотечный техникум», отдела экскурсионно-краеведческой информации им. Ю. Р. Кисловского ЦГБ им. А. П. Чехова МУК «ЦБС г. Канска», отдела краеведческой информации ГУНБ Красноярского края. Хронологический охват материала – с 1984 года по 2010 год.

Библиографическое пособие снабжено именным указателем для оперативного поиска информации по фамилиям авторов и составителей документов, а также упоминаемых в публикациях лиц (персоналии). Номера записей, относящихся к фамилии лиц, отраженных по признаку персоналии, приводятся в круглых скобках.

Библиографический указатель будет интересен преподавателям, студентам библиотечных факультетов, библиографам, библиотековедам, библиотекарям, и всем, тем, кто интересуется развитием библиотечного образования в Красноярском крае и позволит совмещать традиции и инновации в подготовке специалистов нового поколения в области культуры.

Библиографический список

1. Динамика ценностей населения реформируемой России / Лапин, Н. И. и др. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – С. 10.
2. Иванов, В. Н. Социальные технологии / В. Н. Иванов, В. И. Патрушев. – М., 2004. – 357 с.
3. Молодых-Нагаева, Е. Г. Социокультурное развитие северного региона: современное состояние, тенденции и перспективы: Дис. ... канд. социол. наук. – Тюмень, 2004.
4. Добрынина, В. И. Социокультурный подход как базисное основание современных социальных технологий / В. И. Добрынина, Т. Н. Кухтевич // Социально-технологическая культура как феномен XXI века. – Белгород, 2006. – Т. 1. – С. 35.
5. Малиев, И. В. Социокультурные основания современного управления: Дис. ... канд. социол. наук. – Москва, 2004. – С. 23.
6. Приоритетные национальные проекты. Красноярский край. 2006. Итоги и перспективы. – Красноярск: Платина, 2006. – 119 с.
7. Борисова, Г. М. Библиотечному техникуму г. Канска 70 лет [Текст] / Г. М. Борисова, Т. И. Русских, И. В. Колесникова // Специалист. – 2006. – № 9. – С. 2 – 3.
8. Файзулина, Н. С. Библиотечные кадры: новое качество профессии и библиотечного образования / Н. С. Файзулина // Развивающаяся библиотека в информационном обществе: матер. Первой регион. конф. «Красноярье – 2008» (с. Парная, Шарыповский район, Красноярский край, 16-20 июня 2008 г.). – Красноярск, 2008. – С. 63 – 68.
9. Кузнецова, Т. Я. Кадровое обеспечение национальных библиотечных программ: новые задачи непрерывного профессионального образования / Т. Я. Кузнецова // Научн. и техн. б-ки. – 2008. – № 2. – С. 18 – 24.

Каракулова Лариса Габидуловна – соискатель ГПНТБ СО РАН, преподаватель специальных дисциплин КГБОУ СПО Красноярский краевой библиотечный техникум

Дата поступления статьи
в редакцию:
03.04.2010

Техника и инновации

УДК 621.336.7

О. А. Сидоров

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УСТРОЙСТВ ТОКОСЪЕМА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ МЕТРОПОЛИТЕНОВ

Ключевые слова: токоприемник неуправляемый, токоприемник управляемый, резинокордный элемент, токосъемный башмак, контактный рельс, токопровод с боковой рабочей поверхностью.

Основной отличительной особенностью системы токосъема метрополитена является использование контактного рельса с нижней или верхней рабочей поверхностью. С контактным рельсом взаимодействуют токоприемники, которые можно разделить на две большие группы: неуправляемые и управляемые. К неуправляемым относятся конструкции, не имеющие дистанционного управления приводом подъема и опускания. К управляемым можно отнести токоприемники, оснащенные приводом, связанным с системой дистанционного управления, а в некоторых случаях и с устройствами регулирования нажатия.

Метрополитены России и многих зарубежных стран имеют систему токосъема, выполненную с использованием неуправляемых токоприемников (рис. 1, а). Токоприемник представляет собой подвижную в вертикальной плоскости раму 1, на конце которой жестко закреплен токосъемный башмак 2, взаимодействующий с нижней поверхностью контактного рельса 3, который через изолятор 4 связан с кронштейном 5. Нажатие на контактный рельс осуществляется пружинами сжатия 6, установленными между рамой 1 и основанием 7. Снимаемый ток через гибкий шунт 8 и кабель 9 передается на силовое электрооборудование 10. Основание 7 токоприемника закреплено на изолировочном брусе 11, который установлен на буксах 12 колесной пары 13, взаимодействующей с ходовым рельсом 14.

В России (а. с. 796004) предложен токоприемник (рис. 1, б), оснащенный упором 1, который воздействует на концевой выключатель 2 при подъеме токоприемника в момент схода с концевого отвода контактного рельса. Токоприемник отключается от силовой цепи, что исключает возможность дугообразования в момент схода и захода в зонах захвата концевых частей рельса.

В метрополитене г. Стокгольма используется токоприемник, токосъемный башмак 1 которого прижимается к верхней поверхности контактного рельса 2 с помощью спиральной пружины 3 (рис. 1, в).

В конструкции токоприемника Огайо-Брасс (США) нажатие токоприемника 1 осуществляется резиновым торсионом 2, заключенным в металлическую обойму 3 (рис. 1, г).

В метрополитене Парижа (Франция) используются токоприемники 1, оснащенные пластинчатыми пружинами 2, жестко закрепленными на основании, подвешенном к изоляторам 3 (рис. 1, д).

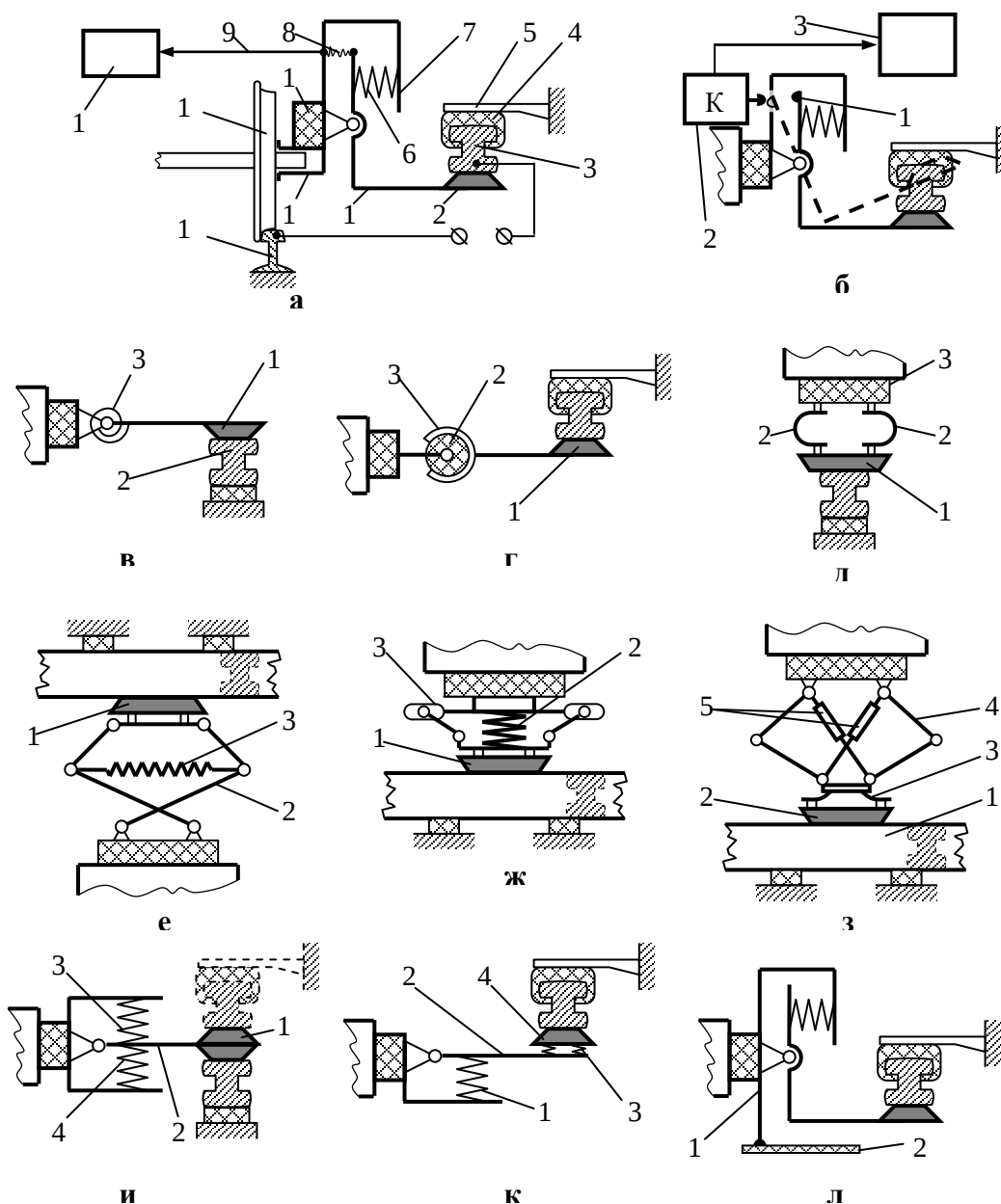


Рис. 1. Неуправляемые токоприемники метрополитена:

а – ТР-3; б – а. с. 796004 (Россия); в – метро г. Стокгольм (Швеция) (спиральная пружина); г – Огайо-Брасс (США) (резиновый вал); д – метро г. Париж; е – фирма «Фэвлей» (Франция); ж – негативный токоприемник (Франция); з – патент 2700304 (Франция); и – двусторонний токоприемник метрополитена (Россия); к – токоприемник ОмГУПС; л – патент 58-163685 (Япония)

Фирмой «Фэвлей» (Франция) разработан рычажно-рамный токоприемник, башмак 1 которого установлен на системе подвижных рам 2, оснащенных пружиной 3 (рис. 1, е). Той же фирмой предложен негативный токоприемник (рис. 1, ж), башмак которого взаимодействует с ходовым рельсом, обеспечивая работу отсасывающей цепи при использовании пневматических и резиновых колес на подвижном составе. Нажатие осуществляется пружиной 2, установленной в шарнирной системе 3.

Для работы в условиях значительных вертикальных перемещений основания токоприемника относительно ходовых рельсов разработана конструкция (рис. 1, з), содержащая взаимодействующий с ходовым рельсом 1 башмак 2, который через пластинчатые пружины 3 соединен с рамой 4, содержащей упругие элементы 5.

В России предложена конструкция токоприемника (рис. 1, и) с двусторонним токосъемным башмаком 1, который установлен на раме 2, соединенной с основанием через пружины 3 и 4. В Омском государственном университете путей сообщения разработан токоприемник ТР-5 (рис. 1, к), оснащенный упругим элементом 1, усилие от которого через штангу 2 и пружины вторичного поддрессирования 3 передается на башмак 4.

В Японии (патент 58-163685) предложена конструкция токоприемника, оборудованного закрепленной на основании 1 изолировочной пластиной 2, обеспечивающей электробезопасность при уменьшении вертикальных габаритов системы токосъема.

Управляемые токоприемники метрополитена, используемые на зарубежных линиях метрополитена, оснащены пневматическим приводом в виде пневмоцилиндров одно- и двустороннего действия (рис. 2).

Фирмой «Телефункен» предложен токоприемник (рис. 2, а) с нажимной пружиной 1, растяжение которой обеспечивается пневмоцилиндром 2, управляемым с пульта машиниста 3 путем подачи воздуха от ресивера 4 в цилиндр через электропневматический клапан 5.

Токоприемник системы «Вестингауз» (рис. 2, б) содержит кривошип 1, соединенный с подпружиненным поршнем 2 пневмоцилиндра 3, надпоршневое пространство которого через клапан 4, управляемый с пульта 5, соединено с ресивером. При включении клапана 4 поршень 2 обеспечивает опускание токосъемного башмака.

В метрополитене г. Осло (рис. 2, в) используется токоприемник, содержащий шарнирно установленный башмак 1. Двусторонний пневмоцилиндр, содержащий пружину 2 и поршень 3, управляется клапаном 4 по команде с пульта 5. Пневмоцилиндр обеспечивает подъем и опускание токоприемника.

Аналогичный по конструкции токоприемник используется в метрополитене г. Амстердама (рис. 2, г). Отличие его от других устройств состоит в том, что подпружиненный поршень 1 пневмоцилиндра, управляемого через клапан 2 с пульта 3, обеспечивает подъем и опускание рамы, оснащенной встроенным изолятором 4.

Расцепляемая конструкция привода использована в токоприемнике, предложенном в Японии (рис. 2, е). Опускание токосъемного башмака осуществляется роликовым толкателем 1, установленным на конце рычага 2, который соединен с подпружиненным поршнем 3 пневмоцилиндра. Подача воздуха осуществляется через управляемый клапан 4 по команде с пульта 5.

Создание управляемых токоприемников в России обусловлено тем, что за последние годы изменились условия работы системы токосъема. У серийно выпускаемых вагонов метрополитена мощность тяговых двигателей достигла 440 кВт, а конструкционная скорость – 25 м/с (90 км/ч). Созданы новые вагоны, оборудованные тиристорно-импульсными преобразователями напряжения и схемой рекуперативного торможения, рассчитанные на скорость 28 м/с (100 км/ч). Все это привело

к необходимости совершенствования конструкции за счет использования дистанционного управления и системы вторичного подрессоривания.

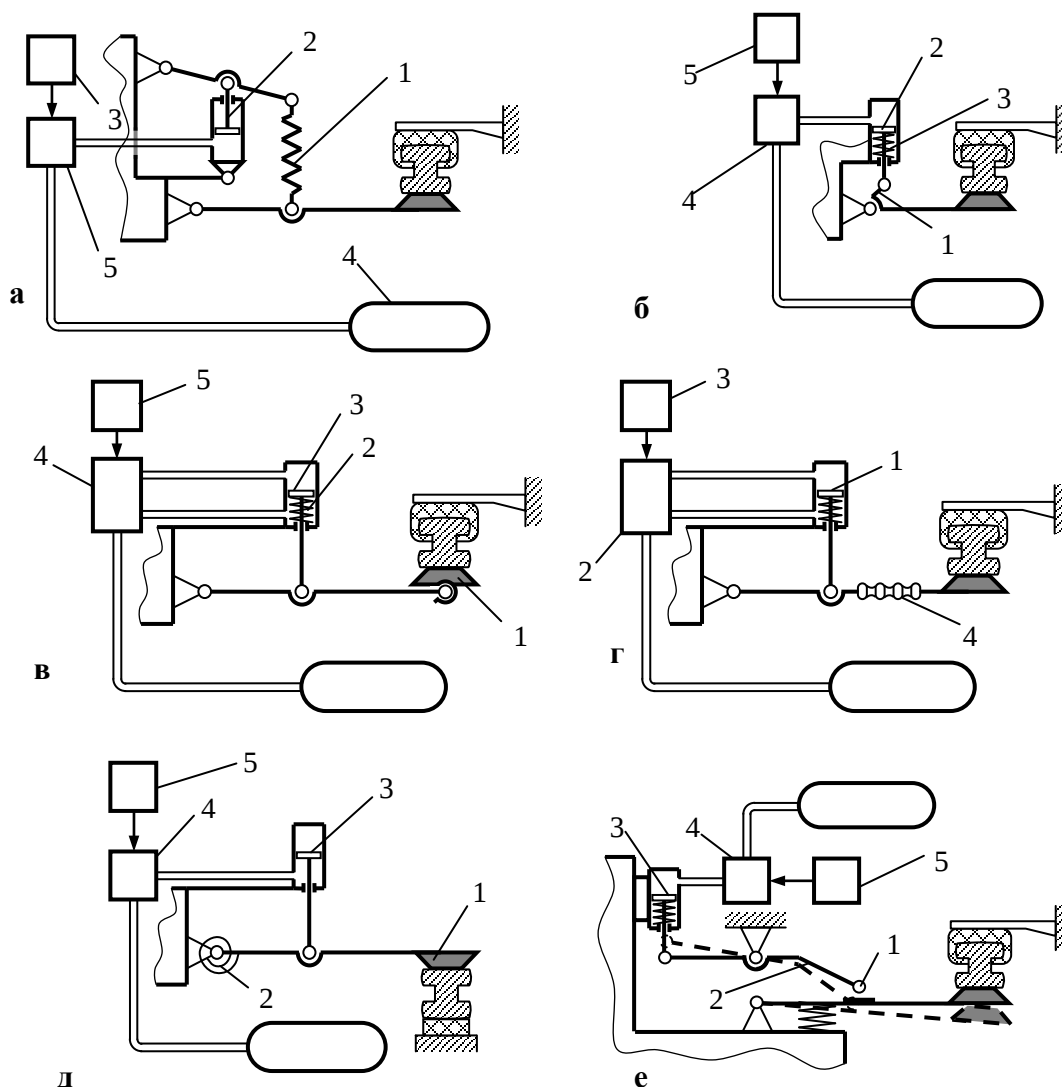


Рис. 2. Управляемые токоприемники зарубежных метрополитенов:

а – фирма «Телефункен» (Германия); б – фирма «Вестингауз» (США);
в – метро г. Осло (Норвегия); г – метро г. Амстердам (Нидерланды);
д – метро г. Вена (Австрия); е - патент 56-170056 (Япония)

Во ВНИИЖТе разработан управляемый пневматический токоприемник с клиновым приводом (ТРКП) [1]. Токоприемник ТРКП (рис. 3) содержит токосъемный башмак 1, который посредством пружины 2 установлен на раме 3, шарнирно связанной с основанием 4. Нажатие на контактный рельс 5 обеспечивается пружиной 6, установленной между рамой 3 и основанием 4. Для регулировки величины отведения рамы используется упор 7. Основание 4 шарнирно связано с транспортным средством и оснащено клиновым приводом 8, соединенным с пневмоцилиндром двустороннего действия. Полости цилиндра соединены через электропневма-

тический клапан 9 с источником сжатого воздуха 10. Клапан 9 включен в цепь управления работой токоприемника и связан с пультом машиниста 11.

В отличие от серийного токоприемника ТРКП имеет дистанционное управление, более высокие динамические качества за счет наличия подрессоривания башмака и меньшей приведенной массы – 5,5 кг по сравнению с массой 6,9 кг у ТР-3.

К числу недостатков конструкции можно отнести наличие зависимости между видом статической характеристики и величиной отведения башмака от рельса; недостаточную надежность клинового привода, особенно в условиях запыленности или гололеда; невозможность отключения токоприемника при повреждении пневмосистемы или цепи управления; малую величину электрического зазора между башмаком и рельсом при отведении.

Анализ отечественного и зарубежного опыта в создании новых конструкций токоприемников метрополитена показал, что основными направлениями совершенствования их конструкции являются использование пневматического цилиндра для дистанционного управления включением и отключением токоприемника, установка токосъемного башмака на раме посредством шарнира, использование вторичного подрессоривания, уменьшение приведенной массы, применение встроенных изоляторов, повышение нагрузочной способности [2].

В ОмГУПСе разработаны усовершенствованные конструкции токоприемников ТР-3м и ТРЭП]. Токоприемник ТР-3м выполнен на базе серийного ТР-3. Основная цель разработки – создание конструкции с дистанционным управлением и улучшенными динамическими характеристиками за счет применения вместо нажимных пружин пневматического резинокордного элемента при неизменной конструкции токоприемника. Токоприемник модели ТР-3м (рис. 4) содержит токосъемный башмак 1, жестко связанный с рамой 2, которая посредством шарнира 3 закреплена на изолировочном бруске 4, установленном на буксах тележки – вагона. Основным отличием конструкции токоприемника ТР-3м от ТР-3 является использование вместо нажимных пружин пневматического резинокордного элемента 5, полость которого через электропневматический клапан 6 и стабилизатор давления 7 связана с воздушным резервуаром 8. Управление подъемом и опусканием башмака может осуществляться от пульта машиниста путем включения и выключения клапана 6. Наличие РКЭ позволяет использовать не только дистанционное управление, но и систему регулирования нажатия в зависимости от режимов движения и условий работы.

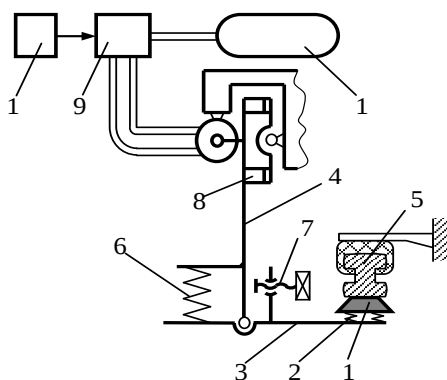


Рис. 3. Токоприемник ТРКП

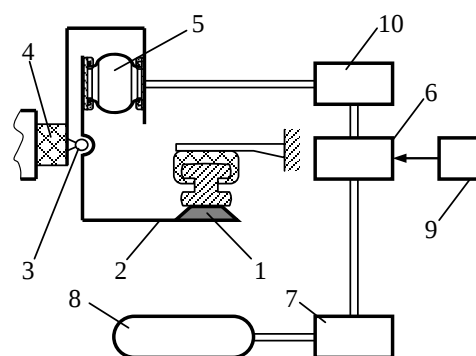


Рис. 4. Токоприемник ТР-3м

В ОмГУПСе разработаны токоприемники, оснащенные различными системами авторегулирования нажатия (САРН). Для токоприемника модели ТР-3м авторами предложена САРН, выполненная с использованием принципов ресурсосбере-

гающей техники и технологии, сочетающая в себе эффективность, простоту и надежность. Для этого в САРН применено устройство самоподпитки 10 (рис. 4), использующее кинетическую энергию движения токосъемного башмака при возникновении его вертикальных колебаний с амплитудой, превышающей допустимое значение. При появлении опасных колебаний башмака, например во время прохода концевого отвода, САРН обеспечивает увеличение давления воздуха в РКЭ и, следовательно, увеличение статического нажатия. После прекращения опасных колебаний величина нажатия устанавливается на прежнем уровне.

Наличие РКЭ позволяет эффективно решить и задачу опускания токоприемника в аварийных ситуациях. Для этого достаточно обесточить цепь управления электропневматическим клапаном 6, который соединяет полость РКЭ с атмосферой. Необходимо отметить, что РКЭ обеспечивает эффективное гашение колебаний башмака за счет виброгасящих свойств оболочки, а также при использовании дополнительного резервуара, соединенного с полостью РКЭ через пневмодроссель. Наличие РКЭ позволяет уменьшить значение рабочего давления в пневмосистеме за счет большей эффективной площади РКЭ: с 0,5

у ТР-3 до 0,08 МПа у ТР-3м, что значительно снижает расход воздуха на работу пневмосистемы. Токоприемник ТРЭП выполнен на основе ТРКП. Основная цель разработки – оценка возможности использования электромеханического механизма привода. Токоприемник ТРЭП (рис. 5) содержит токосъемный башмак 1, посредством пружин 2 установленный на раме 3, шарнирно связанной с основанием 4. Статическое нажатие обеспечивается пружиной 6. Рама 4 связана с электромеханическим приводом, который содержит тягу 7, винтовую пару 8, редуктор 9 и электродвигатель постоянного тока 10, связанный с пультом 11 машиниста. Электромеханический привод позволяет отводить токосъемный башмак от контактного рельса с требуемой скоростью и на необходимое расстояние, что обеспечивается выбором частоты вращения двигателя и момента срабатывания конечных выключателей, установленных в цепи управления. Информация о режиме работы выводится на пульт машиниста в виде световой индикации.

Основные параметры российских токоприемников метрополитена приведены в табл. 1. Наиболее значимыми узлами жестких токопроводов являются стыковые участки температурной компенсации и концевые отводы. Именно на этих частях возникают нежелательные явления во время ударов контактных элементов о поверхность токопроводов.

В связи с этим в ОмГУПСе разработаны варианты стыковых узлов и концевых отводов, позволяющие значительно снизить разброс нажатия при прохождении этих зон и уменьшить вероятность отрывов токосъемных элементов от токопровода. Предложена конструкция жесткого токопровода с боковой рабочей поверхностью (рис. 6) [3]. Устройство включает в себя отрезки контактной шины 1 с горизонтальной крепежной и вертикальной контактной поверхностями, соединенные между собой с помощью шарниров 2. Средние части отрезков контактной линии 1 связаны с опорными устройствами 3 через изоляторы 4, а также посредством шарниров 5. Отрезки контактной шины 1 соединены между собой посредством шарниров так, что образуют зигзаг в вертикальной плоскости. Это обеспечивает равномерный

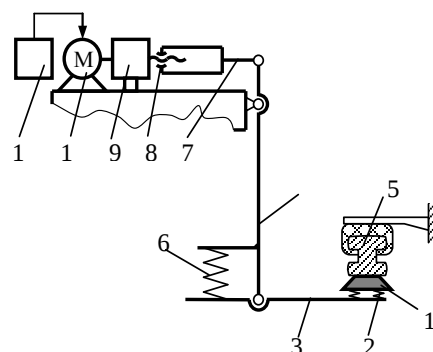


Рис. 5. Токоприемник ТРЭП

износ пластин токоприемников. Температурная компенсация удлинений отрезков контактной шины 1 обеспечивается их поворотом в шарнирах 2 и 5.

Таблица 1

Основные параметры токоприемников метрополитена

Показатели	Тип токоприемника			
	ТР-3	ТР-3м	ТРКП	ТРЭП-1
Номинальное напряжение, В	750	750	750	750
Длительный ток, А	1010	1010	1150	1150
Приведенная масса, кг	6,9	7,0	5,5	5,5
Максимальная скорость, м/с (км/ч)	28 (100)	30 (110)	33 (120)	33 (120)
Статическое нажатие, Н	180	180	150	150
Масса, кг	41,0	41,2	26,2	25,8
Тип привода	—	Пневморессора	Пневмоцилиндр	Электромеханич.
Время, с:	Вручную	1,2	2,1	2,3
подъема		1,1	2,1	2,2
опускания	—	+	—	+
Наличие аварийного отключения		—	—	—
Аэродинамическая подъемная сила, Н	12,2	12,2	15,0	15,0
Давление воздуха в пневмосистеме привода, МПа	—	0,08	0,5	—
Наличие вторичного подрессоривания	—	—	+	+
Неравномерность статического нажатия, 103 Н/м	4,6	4,6 (3,4*)	3,8	3,8

* При наличии соединенного с РКЭ дополнительного резервуара объемом 5 л.

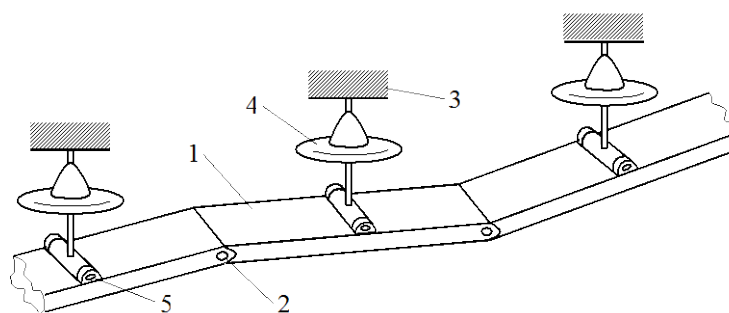


Рис. 6. Токопровод с боковой рабочей поверхностью

Для улучшения работы безззорного стыкового узла предложена конструкция клинового соединителя для жесткого токопровода (рис. 7) [4]. Он содержит клинообразную вставку 1, установленную с возможностью температурного перемещения относительно скошенных концов рельсов 2, прижимные пружины 3, регулятор нажатия 4.

При сезонных и суточных температурных деформациях, например при повышении температуры летом, удлиняются отрезки контактных рельсов 2 и контактирующие поверхности указанных рельсов и вставки оказываются плотно прижатыми

друг к другу. Вставка 1 в этом случае находится под действием сжимающей силы, которая вызывает ее перемещение поперек оси пути, преодолевая усилие прижимных пружин, которое ослабляется из-за того, что срабатывает регулятор 4 нажатия и вставка 1 перемещается значительно лучше. При сезонных и суточных температурных деформациях, например при понижении температуры зимой, изменяется направление силы, действующей на вставку 1, которая под действием усилия прижимных пружин 3 перемещается к оси рельсов и увеличивается, когда срабатывает регулятор 4 нажатия. Причем под действием регулируемого в зависимости от сезонной, суточной или вызванной тепловой токовой перегрузкой разности температуры нажатия прижимных пружин 3 вставка 1 обеспечивает более надежный контакт в стыковых соединениях в пределах всего диапазона колебаний температурных перемещений отрезков контактных рельсов. Это исключает возможность заклинивания в стыковых соединениях, устраняет опасность образования зазора в стыке, снижает износ контактных элементов токоприемника.

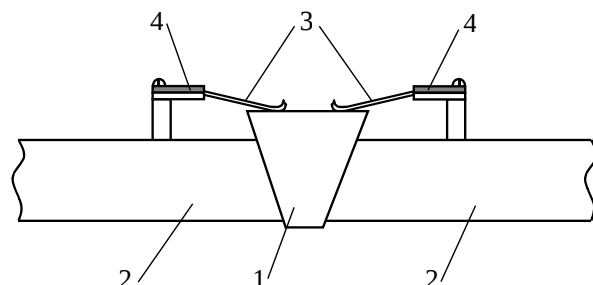


Рис. 7. Стыковой соединитель жесткого токопровода

Для концевых отводов контактного рельса метрополитена предложена конструкция, схема которой представлена на рис. 8 [5]. Данная конструкция содержит закрепленный на опорах 1 контактный рельс 2, концевые участки 3 которого отогнуты в направлении усилия нажатия взаимодействующего с ним подпружиненного стального контактного элемента 4 токоприемника, установленного на транспортном средстве 5. Рабочая поверхность контактного рельса 2 на концевых участках 3 снабжена постоянным магнитом 6. Постоянный магнит 6 установлен в продольном пазу 7, выполненном на рабочей поверхности контактного рельса 2.

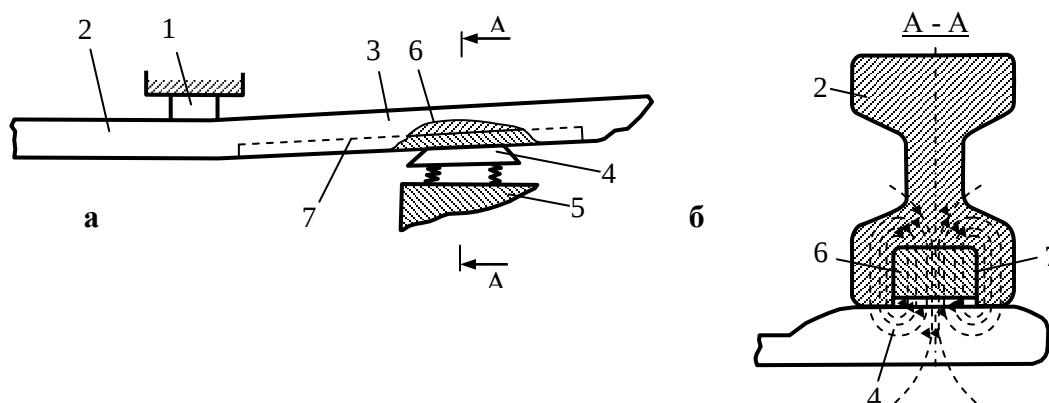


Рис. 8. Схема концевой отвода, разработанного в ОмГУПСе:

а — общий вид; б — сечение рельса

При въезде токоприемника на концевой участок 3 контактного рельса 2 стальной контактный элемент 4 попадает в магнитное поле постоянного магнита 6, расположенного в пазу 7 так, что один из его полюсов обращен к контактному элементу 4. Магнитные силовые линии, замыкаясь через рельс 2 и токосъемный элемент 4, формируют силу, притягивающую токоприемник к рабочей поверхности рельса 2. Наличие дополнительной силы, увеличивающей статическое нажатие токоприемника, снижает вероятность нарушения скользящего контакта и уменьшает время переходного процесса вертикальных колебаний токоприемника при проходе им концевых участков. Это позволяет уменьшить значение статического нажатия, так как для обеспечения надежного токосъема на прямых участках необходимая величина нажатия меньше, чем на концевых. Для снижения вероятности повреждения поверхности магнита, обращенной к токоприемнику, она может быть закрыта износостойкой металлической пластиной. Магнит может быть изготовлен как из отдельных блоков, так и в виде протяженного бруска из ферромагнитных интерметаллических соединений редкоземельных материалов (типа SmCo5).

Предлагаемое устройство может быть использовано, например, для системы токосъема метрополитена, где применяются токоприемники с массивными контактными элементами, имеющими приведенную массу до 10 кг. При движении подвижного состава со скоростями выше 90 км/ч значительно ухудшается качество токосъема на концевых участках, которые оборудуются отводами с уклонами 1/25 и 1/30. Использование магнита, выполненного из материала SmCo5, с поперечным сечением, например, 40 × 25 мм и длиной 3 м (вдоль концевой участка) позволяет увеличить нажатие на данном участке на 60 Н для стального контактного элемента токоприемника ТР-3 и установить начальное нажатие на 60 Н меньше, что значительно снижает износ контактных элементов на прямых участках.

В качестве заключения можно отметить следующее. На основе анализа и классификации конструкций токоприемников и токопроводов метрополитенов зарубежных стран и России выявлены основные тенденции совершенствования их схемных решений. Основными направлениями развития является использование устройств, обеспечивающих дистанционное управление подъемом и опусканием токосъемного узла, что значительно повышает безопасность при эксплуатации и позволяет применять элементы авторегулирования.

Для конструкций жестких токопроводов характерным является широкое применение устройств, обеспечивающих беззачерпное стыкование при компенсации температурных удлинений, и конструкций, обеспечивающих дополнительное прижатие контактных элементов к токопроводам на концевых отводах. Указанные мероприятия позволяют повысить надежность токосъема при скоростях до 120 км/ч.

Библиографический список

1. Сидоров, О. А. Совершенствование конструкций токоприемников метрополитена / О. А. Сидоров // Совершенствование контактной сети и токоприемников и улучшение технологических процессов их эксплуатации: Межвуз. темат. сб. науч. тр. / Омский ин-т инж. ж.-д. трансп. – Омск, 1987. – С. 55 – 61.
2. Сидоров, О. А. Методы разработки и исследования контактных систем токосъема скоростных видов монорельсового транспорта / О. А. Сидоров, В. П. Михеев // Актуальные проблемы развития железнодорожного транспорта: тез. докл. междунар. конф. / МИИТ. – М., 1996. – С. 128.
3. А. с. 1180823 СССР. МКИЗ В 60 М 1/26. Контактная сеть / М. Ю. Ананьев, О. А. Сидоров, А. В. Запрудский // Открытия. Изобретения. – 1985. – № 40.
4. А. с. 1782794 СССР. МКИЗ В 60 М 1/30. Соединитель контактных рельсов / О. А. Сидоров, В. П. Михеев, А. Г. Емельянов // Открытия. Изобретения. – 1992. – № 47.
5. А. с. 1549812 СССР. МКИЗ В 60 М 1/30. Контактный рельс токосъема транспортного средства / О. А. Сидоров, В. П. Михеев // Открытия. Изобретения. – 1990. – № 10.

Сидоров Олег Алексеевич – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Электроснабжение железнодорожного транспорта» Омского государственного университета путей сообщения

Дата поступления статьи
в редакцию:
16.02.2010 г.

©О. А. Сидоров, 2010

УДК 624.042.7

Ю. А. Бурьян, В. Н. Сорокин

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ МНОГОЧАСТОТНОГО СИГНАЛА СЕЙСМОИСТОЧНИКОМ С СИЛОВЫМ ЗАМЫКАНИЕМ В СИСТЕМЕ «ИНЕРЦИОННАЯ МАССА – ГРУНТ»

Ключевые слова: низкочастотный источник сейсмических волн, конструктивная схема, инерционная масса, нефтегазовые пласты, сейсмическое воздействие

Известно, что нефтяные залежи имеют несколько доминантных частот, значения которых определяются на подготовительном этапе вибросейсмического воздействия. Например, в работе [2] показано, что нефтепродуктивный пласт обладает частотной избирательностью реакции сейсмической эмиссии на вибросейсмическое воздействие, которое проявляется в усилении эмиссии (сейсмическая люминесценция) на отдельных (доминантных) частотах. На рис. 1 приведена из работы [2] частотная характеристика эмиссионного отклика на вибросейсмическое воздействие на частоте 12 Гц и длительностью 40 мин.

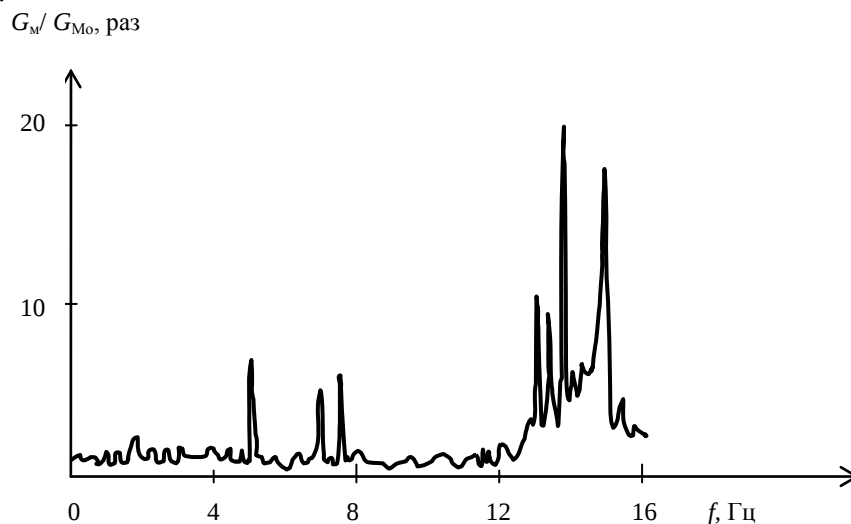


Рис. 1. Частотная характеристика эмиссионного отклика:

G_m – амплитуда эмиссионного отклика после воздействия;

G_{Mo} – амплитуда эмиссионного отклика до воздействия

По существующей в настоящее время технологии, вибросейсмическое воздействие выполняется на одной доминантной частоте, и в этом случае в резонансные колебания

вводятся блоки пласта только одного размера, только в них развиваются процессы, способствующие повышению нефтеотдачи.

В работе [3] показано, что если вибросейсмическое воздействие осуществляется вибромодулем с излучением сигнала, являющимся суммой нескольких частот, равных доминантным частотам блоков продуктивного пласта, то значительно повышается эффективность виброобработки залежи.

В источнике с силовым замыканием на грунт результирующее излучение оказывается под влиянием колебаний поддерживающих плит, которые могут вносить искажения и понижать эффективность работы излучающих плит, кроме того, на характере излучения может сказываться нелинейность элементов конструкции вибромодуля. Режим работы такого источника при реализации длительного монохроматического сигнала исследован в работе [1]. При этом эффективность излучения на низкой частоте при совместной работе двух близко расположенных штампов, если пренебречь взаимовлиянием штампов на их движение [3], определяется интерференционным взаимодействием их волновых полей [4].

Эффективность излучения источника с силовым замыканием в системе «инерционная масса – грунт» сохраняется во всём диапазоне частот 2–20 Гц, причём на низких частотах за счёт практически синфазных колебаний поддерживающих плит и излучающей плиты, а на высоких – за счёт разницы в амплитудах колебаний. При одинаковой площади поддерживающих и излучающих плит результирующий сигнал, обуславливающий мощность излучения, будет определяться суммой скоростей перемещений поддерживающих и излучающих плит.

Необходимо отметить, что монохроматический режим был реализован в вибромодуле с силовым замыканием на грунт СВ 100/20, который был спроектирован и изготовлен в Омском государственном техническом университете для целей вибросейсмического воздействия на нефтегазовые пласты. Основные технические характеристики мобильного вибромодуля СВ 100/20:

- вибротяговое усилие – 1 МН (100 т.с.);
- частотный диапазон – 5–20 Гц;
- относительная нестабильность частоты – 10-5.

Представляет интерес возможность воспроизведения в виде упругих волн суммы гармонических сигналов, соответствующих доминантным частотам пласта виброисточником с силовым замыканием в системе «инерционная масса – грунт». При силовом замыкании в системе «инерционная масса – грунт» инерционную массу, как это показано в работе [1], необходимо вывешивать на упругих элементах, обладающих большой грузоподъемностью и малой жесткостью. В качестве таких упругих элементов можно использовать резинокордные оболочки (РКО). Расчетная схема такого источника показана на рис. 2.

Для составления дифференциальных уравнений движения многомассовой системы в качестве обобщенных координат примем Z_1, Z_2, Z_3 , и будем полагать, что линия приложения силы $F(t)$ гидроцилиндром проходит через положения центра масс, а линии приложения сил упругости и диссипации находятся на одинаковом расстоянии ℓ от точки С центра масс. Будем также полагать, что при $F(t) = 0$ инерционная масса m_1 вывешена на РКО, массы m_2 и m_3 также находятся в положениях равновесия, а значения обобщенных координат отсчитываются от положений равновесия.

Дифференциальные уравнения с учетом сделанных выше допущений и в соответствии с [1] могут быть представлены в виде

$$\begin{cases} \ddot{Z}_1 + \frac{2}{m_1} f_1(Z) + \frac{2b_1}{m_1} \dot{Z}_1 - \frac{2b_1}{m_1} \dot{Z}_2 = -\frac{F(t)}{m_1}; \\ \ddot{Z}_2 + \frac{c_2}{m_2} Z_2 - \frac{1}{m_2} f_1(Z) - \frac{b_1}{m_2} \dot{Z}_1 + \frac{b_1 + b_2}{m_2} \dot{Z}_2 = 0; \\ \ddot{Z}_3 + \frac{c_3}{m_3} Z_3 + \frac{b_3}{m_3} \dot{Z}_3 = \frac{F(t)}{m_3}; \\ F(t) = S \cdot P(t), \end{cases} \quad (1)$$

где $f(Z)$ – нелинейная нагрузочная характеристика РКО; $z = z_1 - z_2$; S – площадь поршня гидроцилиндра; $P(t)$ – давление в полостях гидроцилиндра; b_1 – коэффициент вязкого трения в РКО; c_2, c_3 – коэффициенты жесткости грунта; m_2, m_3 – присоединённая масса грунта совместно с массой плит; b_2, b_3 – коэффициенты демпфирования грунта.

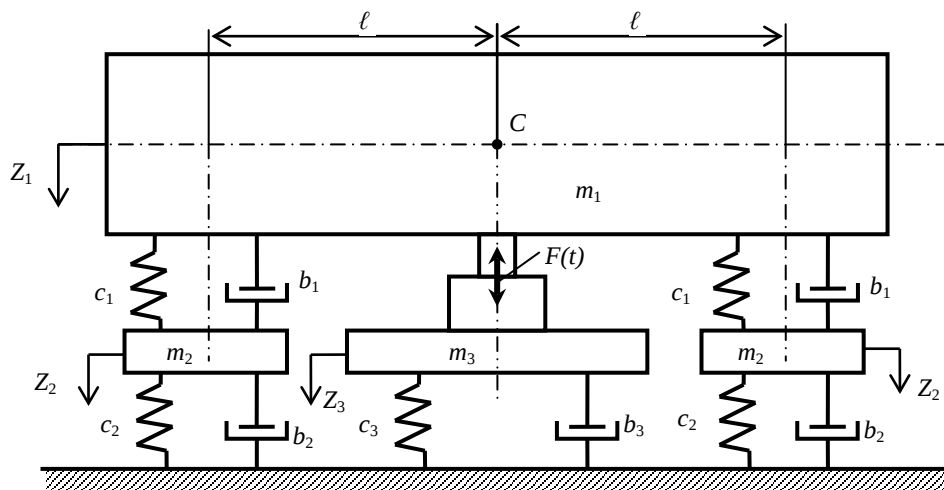


Рис. 2. Схема расчётная:

m_1 – инерционная масса; m_2 – масса поддерживающих плит вместе с присоединённой массой грунта; m_3 – масса излучающей плиты, гидроцилиндра и присоединённой массы грунта; c_1, b_1 – коэффициенты жесткости и демпфирования упругих элементов подвески инерционной массы; c_2, c_3, b_2, b_3 – коэффициенты жесткости и демпфирования, характеризующие свойства грунта под поддерживающими и излучающими плитами; $F(t)$ – усилие, создаваемое гидроцилиндром; Z_1, Z_2, Z_3 – перемещения соответственной инерционной массы, поддерживающих плит, излучающей плиты

Для обеспечения перемещений излучающей плиты в пределах упругих деформаций грунта, при усилии 106 Н, необходимо принять величину $S_{пл}$ излучающей плиты равной 12 м² [1], при этом ее масса составляет 5·10³ кг.

Для низких частот присоединённая масса грунта $m_{пр}$ может быть определена из выражения

$$m_{пр} = \frac{8(1-\gamma^2)(2-\gamma^2)\rho \cdot r^3}{10-2\cdot\gamma^2}, \quad (2)$$

где $\gamma = \frac{V_s}{V_p}$; V_s, V_p – скорость поперечной и продольной волны соответственно; ρ – плотность грунта; r – условный радиус плиты.

Для значений $\gamma = 0,25$, $\rho = 2000 \text{ кг/м}^3$ величина $m_{пр} = 2,3 \cdot 10^4 \text{ кг}$, а величины m_2 и m_3 можно принять равными, т. е. $m_2 = m_3 = 2,8 \cdot 10^4 \text{ кг}$.

Коэффициенты жесткости и демпфирования грунта можно вычислить по выражениям:

$$\left. \begin{aligned} c &= 2 \cdot \frac{E \cdot r}{1 - \nu^2} \\ b &= b(1 - \gamma^2) V_s \cdot \rho \cdot r^2 \end{aligned} \right\} , \quad (3)$$

где $E = 1,67 \cdot 10^8 \text{ Па}$ – модуль упругости; $\nu = 0,49$ – коэффициент Пуассона.

Для принятых значений E , ν , r эти величины составляют $c = 4,4 \cdot 10^8 \text{ Н/м}$, $b = 1,2 \cdot 10^7 \text{ Н·с/м}$.

Если принять $m_1 = 105 \text{ кг}$, то для вывешивания инерционной массы можно применить РКО типа Н-578 с нагрузочной характеристикой $f(z)$, приведенной в табл. 1, и квазилинейной вертикальной и боковой жесткостью $739,2 \text{ кН/м}$ и $116,7 \text{ кН/м}$ соответственно.

Таблица 1

Нагрузочная характеристика РКО Н-578

Z (м)	-0,006	-0,05	-0,04	-0,03	-0,03	-0,01
Fp (кН)	129,4	134,7	140,3	146,4	152,8	159,5
Z (м)	0	0,01	0,02	0,03	0,04	0,05
Fp (кН)	166,6	173,9	182,6	191,1	200,1	209,8

Система уравнений (1) должна быть дополнена уравнениями гидропривода. Будем полагать, что сила $F(t)$ (рис. 1) создается гидроцилиндром двухстороннего действия с двухкаскадным электрогидравлическим распределителем [2]. Принципиальная схема гидравлической системы приведена на рис. 3.

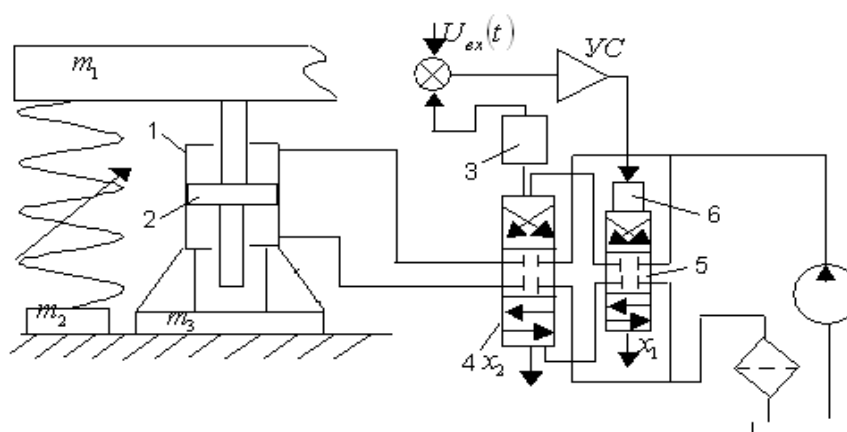


Рис. 3. Принципиальная схема гидравлического привода:

1 – гидроцилиндр; 2 – поршень; 3 – датчик обратной связи положения основного золотника; 4 – золотник основного (второго) каскада; 5 – золотник управляющего (первого) каскада; 6 – электромагнитный привод золотника 5 (ЭМП); P_m , $P_{сл}$ – давление подводимой рабочей жидкости и слива;

$U_{BX}(t)$ – напряжение задающего генератора

Линеаризованная система уравнений, описывающая поведение гидравлической системы имеет следующий вид

$$\left. \begin{aligned} & \frac{V_0 + V_{\text{л}}}{2B_{\text{ж}}} \frac{dp}{dt} + K_{QP} \cdot P = S + x_2 K_{QX} \\ & T \frac{m}{c} \frac{d^3 x_1}{dt^3} + \left(\frac{m}{c} + T \frac{b}{c} \right) \frac{d^2 x_1}{dt^2} + \left(T + \frac{b}{c} \right) \frac{dx_1}{dt} = K_1 u_1 \\ & u_1 = K_{\text{yc}} (U_{\text{bx}} - K_{\text{oc}} x_2) \\ & \frac{dx_2}{dt} = K_{\text{ry}} \cdot x_1 \end{aligned} \right\}, \quad (4)$$

где V_0 – объём полости гидроцилиндра; V_l – объём гидравлической линии; $V_{ж}$ – модуль объёмной упругости жидкости; K_{QP} , K_{QX} – коэффициенты передачи; x_1 – перемещение золотника первого каскада; x_2 – перемещение золотника основного каскада; K_1 – коэффициент передачи ЭМП; T – постоянная времени ЭМП; m – масса подвижных частей ЭМП; h – коэффициент вязкого сопротивления в ЭМП; c – жесткость подвески якоря ЭМП; $K_{ус}$ – коэффициент усиления усилителя; $K_{ос}$ – коэффициент обратной связи; $K_{гy}$ – гидравлический коэффициент усиления по перемещению золотников 4 и 5.

Системы уравнений (1) и (4) совместно с табличными значениями нелинейной функции $f(z)$ при сделанных выше допущениях достаточно полно описывают динамику гидромеханической колебательной системы на рис. 2 и рис. 3.

Система уравнений (1) и (4) решена численным методом с помощью пакета прикладных программ Matlab с расширением Simulink. Схема набора в Simulink показана на рис. 4.

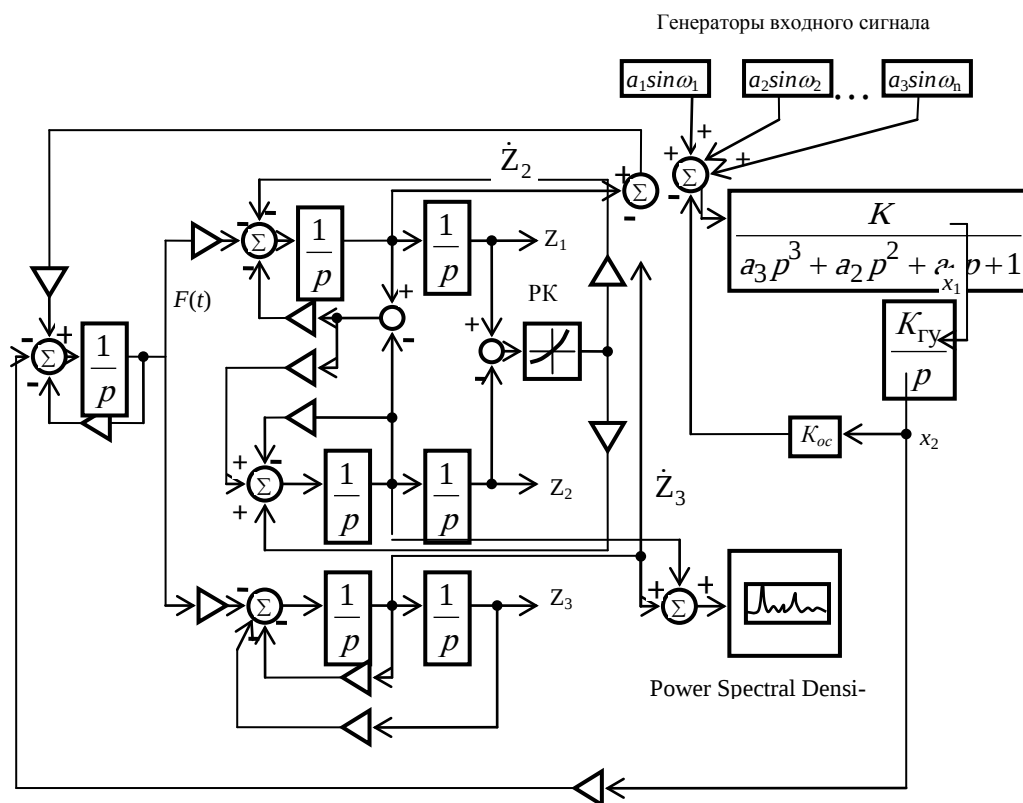


Рис. 4. Схема моделирования в среде Matlab с расширением Simulink

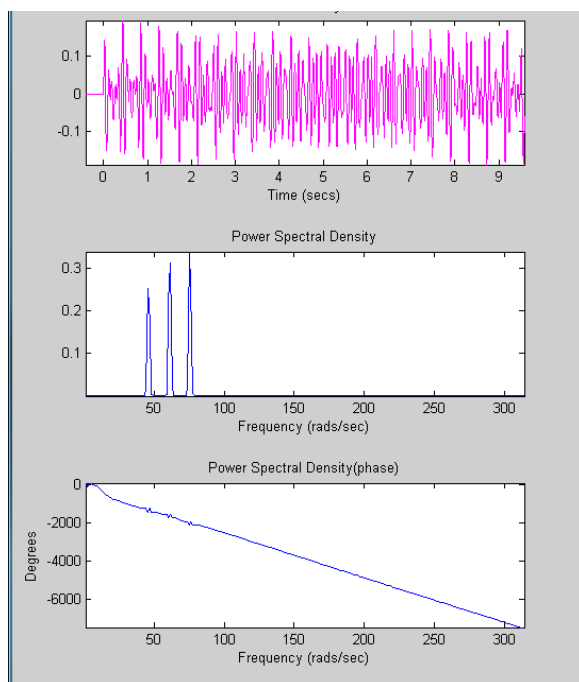


Рис. 5. Результат моделирования

В математическом моделировании в качестве примера было принято, что в частотной характеристике эмиссионного отклика пласта имеются три явно выраженные пики с частотами $\omega_1 = 45,84$ 1/с, $\omega_2 = 60,91$ 1/с, $\omega_3 = 75,36$ 1/с, вследствие чего генератор входного сигнала формировал его как сумму $a(\sin \omega_1 t + \sin \omega_2 t + \sin \omega_3 t)$,

где a – амплитуда.

Результат моделирования показан на рис. 5, где изображен выходной сигнал и его спектр. Обработка выходного сигнала для получения спектра осуществлялась с помощью блока Power Spectral Density, входящего в состав пакета Matlab с расширением Simulink.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что низкочастотный гидромеханический вибромодуль с силовым замыканием в системе «инерционная масса – грунт» является

эффективным инструментом для реализации технологии вибросейсмического воздействия на нефтегазовые пласты с целью повышения нефтеотдачи.

Библиографический список

1. Бурьян, Ю.А. Гидромеханический источник сейсмических волн с силовым замыканием в системе «инерционная масса – грунт» / Ю. А. Бурьян, В. Н. Сорокин // Физико-технические проблемы разработки полезных ископаемых / Сибирское отделение РАН, институт горного дела СО РАН. – 2002. – № 3. – С. 81–88.
2. Активная сейсмология с мощными вибрационными источниками / Отв. ред. Г. М. Цибульчик. – Новосибирск: ИВМ и МГ СО РАН; филиал «Гео» изд-ва СО РАН, 2004. – 387 с.
3. Патент на изобретение № 2244807. Способ разработки нефтегазового месторождения / Ю. А. Бурьян, В. Н. Сорокин, С. В. Сердюков, Е. Н. Черников // БИ. – 2005. – № 2.
4. Шагинян, А. С. Динамика сейсмических вибраторов с электрогидравлическим сервоприводом / А. С. Шагинян // Исследование Земли невзрывными сейсмическими источниками / под ред. д.ф.-м.н. А. В. Николаева. – М.: Наука, 1981.
5. Бабешко, В.А. Динамика неоднородных линейно-упругих сред / В. А. Бабешко, Е. В. Глушков, Ж. Ф. Зинченко. – М., 1989.
4. Алешин, А.С. О взаимодействии сейсмических вибраторов / А. С. Алешин, В. В. Кузнецов, В. В. Циммерман // Разработка и исследование источников сейсмических сигналов и методов невзрывной сейсморазведки: сб. науч. тр. – М.: ВНИИОЭНГ, 1986.

Бурьян Юрий Андреевич – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Основы теории механики и автоматического управления»;

Сорокин Владимир Николаевич – доктор технических наук, профессор кафедры «Основы теории механики и автоматического управления» Омского государственного технического университета

Дата поступления статьи в редакцию:
18.03.2010 г.

КАК ОПУБЛИКОВАТЬ СТАТЬЮ В ЖУРНАЛЕ

Представляемые к публикации материалы (за исключением рекламных и информационных о научных форумах, культурных мероприятиях, новых книгах) должны отвечать тематике журнала в целом – «Национальные приоритеты России», следовательно, необходимо формулировать в аннотации, введении или заключении значение результатов исследований в укреплении и развитии государства, общества.

Статья должна содержать *аннотацию* о теоретической ценности и практической значимости представляемых выводов, результатов (3–5 предложений) и ключевые слова (3–6 слов/словосочетаний) на русском и английском языках.

Иллюстрации вставляются в текст и прилагаются в файлах в формате рисунков JPEG, файлы именуются номером иллюстрации (указанном в тексте). Прилагается текстовый файл, в котором содержатся подписи к иллюстрациям с указанием номера иллюстрации. Просим высылать также фотографии авторов.

Объем статьи – от 0,5 а.л. (от 20 тыс. знаков с пробелами, для аспирантов – строго до 15 тыс. знаков с пробелами). Полуторный межстрочный интервал. Шрифт – Times New Roman, 14 п. Поля со всех сторон – 2,5 см. Абзацный отступ – по умолчанию 1,25 см. Автоматическая расстановка переносов.

УДК указывать обязательно. Классификационные индексы присваиваются на основании ключевых слов в заглавии статьи. Подберут индексы работники вашей библиотеки.

Перевод заглавия статьи, фамилии автора и названия организации, аннотации на английский язык обязателен. Аннотация и перевод размещаются после фамилии автора и заглавия, перед основным текстом статьи.

Библиографический список располагается за статьей и примечаниями (если они присутствуют), описания приводятся в порядке ссылок. Ссылки оформляются так: [1, с. 23]. Заглавие «Библиографический список» печатается по центру обычным шрифтом с прописной буквы через строку от основного текста. Если ссылок на литературу немного или небольшие дополнения носят характер примечаний, можно делать постраничные сноски с нумерацией на каждой странице.

Сведения об авторе включают: имя и отчество (полностью), фамилию, место работы, должность, ученую степень, звание; почтовый индекс, домашний адрес, электронный адрес и контактные телефоны, а также шифр и наименование научной специальности, по которой в статье представляются результаты исследования.

Принимаются только те рукописи, которые соответствуют формальным требованиям: наличие текстовой и электронной версии статьи, аннотации и ключевых слов на русском и английском языках, перевода названия на английский язык, сведений об авторе и контактной информации, корректно оформленных сносок и библиографического списка.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных (в том числе географических названий) и иных сведений энциклопедического характера.

Порядок рецензирования рукописей, поступающих для публикации

Редакция оставляет за собой *рецензирование и научное редактирование* материалов. Имена рецензентов авторам не сообщаются. Рецензия оформляется в письменном и электронном виде и передается ответственному секретарю.

Заседания редколлегии проходят не реже двух раз в год.

На основании рецензии и обсуждения статьи на заседании редколлегии принимается решение о а) публикации статьи, б) отправке статьи на доработку в соответствии с замечаниями рецензента, в) отказе в публикации статьи.

Мотивированное заключение о необходимости доработки или отказе в публикации статьи будет направляться автору в электронном виде.

В случае разногласий редакция назначает дополнительного рецензента.

Адрес для отправки материалов в журнал «Национальные приоритеты России»: **evga-18@mail.ru** **Телефон** для справок: **8-905-921-98-22**

Новые книги

Осипов, Б. И. Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации: монография / Б. И. Осипов; Ин-т русского языка РАН. – Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2010. – 320 с.

ISBN 978-5-91306-028-0

Монография обобщает прежние работы автора и исследования других специалистов по истории русского письма и является систематическим изложением этой истории, начиная с первых сохранившихся памятников, написанных на Руси, и кончая современным состоянием русской графики, орфографии и пунктуации.

Для специалистов по истории русского языка и письма, аспирантов и студентов славистических специальностей.

Пеньевская, Н. А. Оценка эффективности этиотропной профилактики инфекций, передающихся иксодовыми клещами: проблемы теории и практики / Н. А. Пеньевская; под ред. проф. Н. В. Рудакова. – Омск: ИЦ Омский научный вестник, 2010. – 248 с.

ISBN 978-5-91306-030-3 X

Монография посвящена совершенствованию методологии оценки эффективности и экономической целесообразности применения различных средств и стратегий в этиотропной профилактике трансмиссивных инфекций, передающихся иксодовыми клещами. С позиций доказательной медицины изложены методологические принципы и рекомендации по планированию и организации эпидемиологических наблюдений для дифференцированной оценки защитной способности лекарственных средств, противоэпидемической эффективности и экономической целесообразности различных стратегий их применения. Теоретические положения, разработанные автором, подтверждены практическими примерами.

Книга предназначена врачам – эпидемиологам, инфекционистам, невропатологам, студентам старших курсов медицинских вузов, специалистам, чьи профессиональные и научные интересы связаны с созданием и применением этиотропных препаратов для профилактики инфекций, передающихся иксодовыми клещами.

Редакция журнала публикует научные, производственные и образовательные рекламные материалы, имиджевые статьи.

Тираж журнала будет постоянно увеличиваться, параллельно материалы будут публиковаться на сайте.

- Каждому рекламодателю — индивидуальный подход и предельное внимание.
- Гарантируем максимально возможное получение информации адресатами.

Адрес для приглашения корреспондента и отправки материалов в журнал

«Национальные приоритеты России»:

evga-18@mail.ru

Телефоны: 8-905-921-98-22; (83812) 52-77-74

Рефераты

Социогуманитарные проблемы

УДК 164.031 (091)

Заленская Н. С. **Становление и развитие теории аргументации**

В статье рассматриваются вопросы становления теории аргументации в древнегреческой философской мысли, средневековой философии, философии эпохи Возрождения, Нового времени, Просвещения, вклад иррационалистической философии, русских мыслителей, западных ученых, современных философов и специалистов разных областей знаний. Освещаются проблемы, ставшие предметом исследования лишь в последнее время (теория спора, диалога, текста).

УДК 973.03

Порхунов Г. А. **Американская война за независимость. 1775–1783 гг.**

В статье рассматривается борьба североамериканских английских колоний за независимость, поддержка этой борьбы государствами Европы, образование США, принятие конституции 1787 года и влияние её идей на развитие общественной мысли в России.

УДК 17.02

Лизунов В. В. **Проблема нравственности и социального партнерства в современной России**

В статье рассмотрены проблемы нравственности и социального партнерства в современном российском обществе, стратегический план как вариант общественного договора, опасность «бессубъектности», основы рефлексивного управления, семиотический и институциональный аспекты мышления, роль кооперации и гуманизации, нравственных мотивационных составляющих и ценностного регулирования в гражданском обществе.

УДК 37+17.02

Марцева Л. М. **Образование и его системообразующее ядро**

Автор указывает на традиционную для российского образования воспитательную доминанту: особенностью эволюции и исторической динамики социального института образования должна быть преемственность традиций, а целью новой модели образования — воспитание нравственного отношения к труду.

УДК 37.014.542

Евсеева Г. И. **К вопросу об основаниях для реформы российского образования**

В статье в историческом ракурсе рассмотрены основные вехи реформ с точки зрения их целей и задач. Автор утверждает, что современная реформа не имеет достаточно весомых оснований, ведет к разрыву в преемственности исторически сложившихся традиций и потере интеллектуальных ресурсов.

УДК 130.2

Чижа В. С. **Фактор СМИ (массмедиа) в самоорганизации культуры**

В статье исследуется процесс самоорганизации культуры и его проявления в средствах массовой информации в современном российском обществе. Рассмотрены примеры в кинематографе и телевидении. Сделаны выводы о самоорганизации в идеологическом содержании СМИ.

УДК 378.16:002.2

Шорец Т. Ю. **Сибирское вузовское книгоиздательство в формационном контексте**

В статье предложен принципиально новый метод представления такого культурно-исторического процесса, как сибирское вузовское книгоиздание. Сделана попытка относительно целостно представить возникновение, становление и развитие вузовского книгоиздания с помощью базовых принципов формационного подхода.

Нравственное и физическое здоровье нации

УДК 159.964.2 +159922.32

Коптева Н. В. **Уровни онтологической уверенности в связи с психологическим здоровьем (на основании концепции Р. Лэйнга)**

Впервые представлена реконструкция понятия онтологической уверенности, принадлежащего британскому психологу, феноменологу Р. Лэйнгу, который в основном разрабатывал его в негативном аспекте как онтологическую неуверенность шизоидов и шизофреников. С учетом «воплощенности» как воплощенности ментального Я в теле и в более широком смысле – как подлинности бытия выделяются уровни онтологической уверенности, соотносимые с мерой психологического здоровья.

УДК 008+111.11

Мосиенко Л. И. **Закат героического как социокультурная и экзистенциальная проблема**

В работе осмысливается кризис ценности героического в современной российской культуре и в духовном бытии современного человека. Автор вскрывает экзистенциально-личностную природу героизма, анализирует происшедшие изменения в понимании героического в контексте трансформации культурной картины мира, осмысления человеком своего места в мире и факта своей смертности. Автор размышляет о многообразии форм героического самопроявления человека; о задачах, стоящих перед российской интеллигенцией в ситуации культурного кризиса.

УДК 008+159.722.32+17.023

Хадыкин А. М. **Энтропия культуры и морали**

Статья посвящена исследованию вопросов роста и ограничения энтропии культуры и морали в современном российском обществе. Введено понятие энтропии культуры и морали – психофизической энергии (состояния) людей. Рассмотрены примеры. Сделаны выводы по ограничению энтропии.

Проблемы экономики

УДК 336.143

Любицкая Т. В., Шостак А. В. **Изменения бюджетной политики Российской Федерации**

Развитие глобального финансового кризиса выявило его системный характер и усилило опасения по поводу всеобщего коллапса финансовой системы. Бюджетная политика была и остается главным рычагом влияния государства на экономику. Именно перестройка бюджетной политики, ее преобразование способно стимулировать модернизацию экономики государства в целом. Однако необходимо учитывать, что все предпринимаемые меры должны быть адресными и конструктивными.

УДК 334.788.2+339.9(571.13)

Хорошавина Т. А. **Роль и место Омской ТПП в инфраструктуре поддержки предпринимательства Омской области**

Настоящая статья посвящена деятельности Омской торгово-промышленной палаты как элемента инфраструктуры поддержки предпринимательства в Омской области. Статья содержит информацию о развитии внешнеэкономических связей Омского региона; о деловых мероприятиях, проведенных при участии ТПП, содействующих продвижению товаров и услуг омских производителей на внутреннем и внешнем рынках.

УДК 021(571.51)

Каракулова Л. Г. **Роль Красноярского краевого библиотечного техникума в системе подготовки специалистов в области культуры**

В статье рассматривается влияние географических и социокультурных особенностей г. Канска Красноярского края на деятельность учреждения среднего профессионального образования.

Техника и инновации

УДК 621.336.7

Сидоров О. А. **Тенденции развития устройств токосъема отечественных и зарубежных метрополитенов**

В статье рассматриваются отечественные и зарубежные типы токоприемников метрополитена. Освещены основные направления развития устройств токосъема. Предложены конструкции токоприемников и жестких токопроводов.

УДК 624.042.7

Бурьян Ю. А., Сорокин В. Н. **Воспроизведение многочастотного сигнала сейсмоисточником с силовым замыканием в системе «инерционная масса – грунт»**

Создание мощного низкочастотного и транспортируемого источника сейсмических волн, предназначенного для решения широкого круга проблем (региональная сейсморазведка, активный мониторинг природных сред, вибросейсмическое воздействие на нефтегазовые пласты и т.д.), является актуальной задачей. Рассматривается эффективность источника, конструктивная

схема которого соответствует принципу силового замыкания в системе «инерционная масса – грунт» при работе в режиме излучения монохроматического сигнала. Произведено компьютерное моделирование и определены режимы работы сейсмоисточника.

Abstracts

Social-humanitarian problems

UDK 164.031 (091)

Zalenskaya N. S. **Becoming and development of the theory of argumentation**

In the article the questions of becoming of the theory of argumentation in an ancient Greek philosophical idea, medieval philosophy, philosophy of Renaissance, Early modern period, the Enlightenment, the contribution of Arthur Schopenhauer, Russian thinkers, the western scientists, modern philosophers and experts of different fields of knowledge are considered. The problems which have recently become an object of research (the theory of dispute, dialogue, text) are presented.

Keywords: theory of argumentation, ancient Greek philosophers, ancient rhetoric, dialectics, ethics, theory of games.

UDK 973.03

Porkhunov G. A. **American War of Independence. 1775–1783**

The article is devoted to the fight of North Americans colonies for the independence, the support of this fight by European states, the formation of the USA, the passing of the constitution of 1787 and the influence of its ideas on the development of the social thinking in Russia.

Keywords: colony, Calvinism, Puritans, congress, bourgeois enterprise, armed neutrality.

UDK 17.02

Lizunov V. V. **The problem of morals and social partnership in modern Russia**

The article deals with problems of morals and social partnership in the modern Russian society, the strategic plan as a variant of the public agreement, the danger of «non-subjectness», bases of reflective management, semiotic and institutional aspects of thinking, the role of cooperation and humanization, moral motivational components and valuable regulation in a civil society.

Keywords: social partnership, reflective management, socio-organized thinking, non-subjectness.

UDK 37+17.02

Martseva L. M. **Education and its conceptional core**

The author points out the traditional dominant for Russian education: the feature of evolution and historical dynamic of educational social institute should be in continuity of traditions, and the aim of the new model of education should be in upbringing of moral attitude to work.

Keywords: models of education, modernization, social stratification, social inequality, morals, upbringing of moral qualities, aim of education.

UDK 37.014.542

Evseeva G. I. **To the point of the basis for the reform in Russian education**

The article gives detailed analysis of the main landmarks of reforms from the aims and tasks point of view in historical aspect. The author asserts that modern reform doesn't have enough bases, leads to the gap in continuity of historically established traditions and loss of intellectual recourses.

Keywords: reform and aims of Russian education, crisis of education, adoption of western technologies.

UDK 130.2

Chizhma V. S. **Mass media factor at the self-organization of the culture**

At the present article the process of the self-organization of the culture in the system of mass media in the modern Russian society is studied. Examples in cinema and TV are presented. Conclusions about self-organization of ideological content at mass media are suggested.

Keywords: culture, mass media, ideology, self-organization.

UDK 378.16:002.2

Shorets T. Yu. **Siberian university book publishing in the context of formational approach**

The author proposes a fundamentally new method for the submission of such cultural-historical process as the Siberian high school book publishing. An attempt was made to present regarding the integrity of the beginning, becoming and development of university publishing with the basic principles of formational approach.

Keywords: Siberia, cultural-historical process, university publishing, book publishing, high school book, production of printed materials, publishing products, university, formational approach.

Moral and physical health of nation

UDK 159.964.2 +159922.32

Kopteva N. V. **Levels of ontological security in relation with psychological health (based on the conception by R. Laing)**

For the first time modernization of the ontological security concept is presented. The concept of ontological security was originally developed by the British psychologist and phenomenologist R. Laing who mainly used it in its negative meaning to describe ontological insecurity of schizoids and schizophrenics. Taking into consideration "embodiment" as the embodiment of mental self in a body and in a general sense as trueness of existence the author specificates levels of ontological security related to a degree of psychological health.

Keywords: R. Laing's conception of ontological security – insecurity, existence-in-the-world and its elements; embodied and unembodied self; false self; personal autonomy; bonds between self and people, self and the world, and their characteristics.

UDK 008+111.11

Mosienko L. I. **Decline of the heroic as a sociocultural and existential problem**

The article conceptualizes the crisis of heroic values in contemporary Russian culture and spiritual existence of a modern man. The author reveals the existential-personal nature of heroism, analyzes the changes taking place in the understanding of the heroic in the context of the cultural world view transformation, understanding man's place in the world and the fact of his death. The author reflects on the diverse forms of heroic man's self-expression, the problems which are posed for the Russian intelligentsia in a situation of cultural crisis.

Keywords: hero, heroic, heroic myth, existential, transcending, tragic, terrible, courage, values, culture, art.

UDK 008+159.722.32+17.023

Chadykin A. M. **Entropy of culture and moral**

The article is devoted to the research of growth and restriction of the entropy in the field of culture and morals in modern Russian society. The notion of entropy of culture and moral is used for the first time, it notes psychophysical energy of people. Examples are presented.

Keywords: entropy of culture and moral, psychophysical state, open system.

Problems of economics

UDK 336.143

Lubitskaya T. V., Shostak A. V. **Changes of the budgetary policy of Russian Federation**

The development of the global financial crisis has revealed its system character and has strengthened fears concerning a general collapse of the financial system. The budgetary policy was and remains the main lever of influence of the state on economy. Reorganization of a budgetary policy, its transformation is capable to stimulate modernization of economy of the state as a whole. However, it is necessary to consider that all taken measures should be address and constructive.

Keywords: budget, budgetary policy, budget incomes, budget expenses, interbudgetary relations, social and economic policy.

UDK 334.788.2+339.9(571.13)

Khoroshavina T. A. **Role and place of Omsk CCI in the infrastructure of business support in Omsk Region**

The article is dedicated to activities of Omsk Chamber of Commerce and Industry as an element of the infrastructure of business support in Omsk Region. It contains the information related to the development of foreign trade and economic relations of Omsk Region; official business events held with participation of CCI, which were helping to promote goods and services of Omsk manufacturers on foreign and local markets.

Keywords: Omsk Chamber of Commerce and Industry, business and authorities, foreign economic relations, business support

UDK 021(571.51)

Karaculova L.G. Role of Krasnoyarsk regional librarian technical college in the preparation system of specialists in the field of culture

The article is devoted to the influence of geographical and sociocultural features of Kansk, town of Krasnoyarsk Region, on the activity of institution of secondary professional education.

Keywords: sociocultural approach, sociocultural situation, library science, reproduction of personnel potential.

Technologies and innovations

UDK 621.336.7

Sidorov O. A. Trends of the capture current devices development on the Russian and foreign metro

The article deals with Russian and foreign types of underground current collectors. The main trends of the capture current devices development are considered. Structure of pantographs and rigid current-carrying wires are proposed.

Keywords: unmanaged pantograph, controlled pantograph, rubber-cord element, collector shoe, contact rail, current-carrying wire with lateral working surface.

UDK 624.042.7

Burian U. A., Sorokin V. N. Reproduction of the multifrequency signal seismosource with power short circuit in the system "inertial weight – ground"

The creation of powerful low-frequency and transposable source of seismic waves, intended for solving wide range of problems (seismoranging, active monitoring of natural environments, vibroseismic influence on oil and gas layers, etc.) is an urgent task. Efficiency of the source, which constructive scheme satisfies the power short circuit in the system "inertial weight – ground" during the work of reproduction of a multifrequency signal, is considered. The computer modeling is completed, conditions of work of seismosource are defined.

Keywords: low-frequency source of seismic waves, constructive scheme, inertial weight, oil and gas layers, seismic influence.